А. П. ШЕПТУЛИН

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

А. П. ШЕПТУЛИН

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Одобрено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов вузов по теме «Категории материалистической диалектики»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
Москва — 1971

1М
Ш48

Данная работа представляет собой спецкурс, прочитанный автором в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Желая сделать данную работу более доступной студентам и всем самостоятельно изучающим марксистско-ленинскую философию, автор опустил полемический материал в главах, посвященных отдельным парам категорий. Интересующиеся дискуссионными вопросами, касающимися отдельных пар категорий диалектики, могут познакомиться с ними в книге автора «Система категорий» («Наука», 1967).

Рецензенты:
1) кафедра философии МОПИ им. Н. К. Крупской;
2) профессор, доктор философских наук И. Д. Андреев

1—5—2
287-289-70

I. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1. О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ

В противоположность метафизикам, отрицающим взаимосвязь явлений действительности, и идеалистам, выводящим эту связь из сознания, диалектический материализм считает, что взаимосвязь является всеобщей формой бытия, охватывает все материальные образования и присущие им свойства. Все существующее в мире представляет собой стороны, звенья единой материи, «некую совокупную связь тел» [1], свойств, универсальную систему, в которой «каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» [2].

Материальные образования, через которые в каждый данный момент существует материя, представляют собой не застывшие, неизменные состояния, а относительно устойчивые системы движения, в силу чего они не просто сосуществуют рядом, а взаимодействуют и через эти взаимодействия проявляют свои свойства и утверждают себя как определенные качественно обособленные тела, явления, при соответствующих условиях переходящие друг в друга и в свою противоположность. Всеобщая взаимосвязь материальных образований и их свойств является, таким образом, необходимым следствием универсального взаимодействия и движения, составляющего атрибут материи, форму её существования.

Но если все явления действительности находятся в универсальной взаимосвязи и взаимозависимости и при соответствующих условиях переходят друг в друга и в свою противоположность, то и понятия, через которые человек отражает окружающую действительность в своем сознании, должны быть взаимосвязаны, взаимозависимы, подвижны, при соответствующих условиях переходить друг в друга и в свою противоположность, ибо только в этом случае они могут отразить действительное положение вещей. Подчеркивая данный момент, В. И. Ленин пи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 392.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

сал в «Философских тетрадях»: «... человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [1].

Но если это так, то изучение тех или иных понятий требует исследования их движения, их связи, взаимопереходов [2], предполагает сведение их в системы, учитывающие эту связь и воспроизводящие необходимые соотношения сторон исследуемого объекта. Рассмотрение понятий в их необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, в их движении, взаимопереходах друг в друга и в свою противоположность В. И. Ленин считал сутью диалектики [3], основным содержанием диалектической логики, «Отношения (=переходы=противоречия) понятий, — писал он, — главное содержание логики...» [4].

То, что характерно для исследования понятий вообще, естественно, относится к исследованию категорий—понятий, отражающих всеобщие формы бытия, всеобщие стороны и связи объективной действительности. Раскрыть богатство содержания философских понятий, а вместе с этим и всеобщих сторон и связей действительности, возможно только в том случае, если мы будем рассматривать эти понятия в их взаимосвязи и взаимозависимости, если мы построим систему, в которой каждое из них будет занимать строго определенное место и находиться в необходимых соотношениях со всеми другими.

Несмотря на очевидность данного положения диалектической логики, оно продолжительное время игнорировалось при исследовании категорий диалектического материализма. В существующей литературе категории, как правило, рассматриваются одна рядом с другой, вне их необходимой взаимосвязи и взаимозависимости. Их следование друг за другом не доказывается, они не выводятся, а описываются, о них лишь рассказывается. Между тем В. И. Ленин специально подчеркивал, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*)...» [5].

Все это привело к тому, что содержание категорий оказалось обедненным, многие категории лишились своей

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 226—227.
[2] См. там же.
[3] См. там же, стр. 99.
[4] Там же, стр. 178.
[5] Там же, стр. 86.

специфики, поскольку им в той или иной форме стало приписываться то, что свойственно другим категориям.

Для примера можно взять книгу «Категории материалистической диалектики»[1]. В этой книге категории рассматриваются изолированно друг от друга, вне их взаимосвязи и взаимообусловленности, в результате чего книга не представляет собой цельной работы, все части которой логически связаны и взаимозависимы, а в лучшем случае является сборником статей, авторы которых придерживаются различных точек зрения по одним и тем же вопросам.

Рассмотрение категорий вне их взаимосвязи, одной рядом с другой неизбежно сказалось на изложении содержания отдельных пар категорий. Авторам не удалось не только раскрыть богатство всеобщих сторон и связей, отраженных в категориях, но даже дать более или менее удовлетворительное определение отдельных категорий, отличить их одну от другой.

Например, начав анализ категорий с «сущности и явления», авторы определяют сущность как внутреннюю, устойчивую сторону, являющуюся основой вещи, а явление, как внешнюю, изменчивую сторону, выступающую в качестве формы проявления сущности[2].

В данном своем виде определение сущности неточно и по существу неправильно. Согласно диалектическому материализму, сущность никак не может быть одной стороной действительности. Всякое реально существующее материальное образование представляет собой единство множества различных сторон и связей. А если это так, то сущность любой вещи, любого материального образования неизбежно должна выражать это единство многообразия, должна быть совокупностью органически связанных, взаимозависимых сторон и отношений. Наглядным примером этого является сущность капиталистической формации, развернутая Марксом в «Капитале». Она представляет собой не одну какую-либо сторону буржуазного общества, а совокупность определенных, органически связанных и взаимозависимых сторон. О том, что сущность никак не может быть одной стороной действительности, свидетельствует уже то, что она, сущность, содержит в себе противоречие (и не одно,

[1] «Категории материалистической диалектики» Под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса. М., 1957.

[2] См. там же, стр. 63—64.

а много, ибо всякая вещь представляет собой сумму противоречий). А противоречие предполагает существование минимум двух (противоположных) сторон.

Совершенно недостаточным является также указание на то, что сущность является внутренней устойчивой стороной материальных образований, ибо далеко не все внутренние устойчивые стороны материального образования относятся к сущности. К сущности относятся лишь те внутренние устойчивые стороны, которые являются необходимыми. Значит, сущность есть не просто внутренняя устойчивая сторона действительности, как думают авторы «Категорий материалистической диалектики», а совокупность всех необходимых внутренних сторон и связей, взятых в их естественной взаимозависимости. Но ничего подобного авторы сказать не могут, даже если бы и хотели, поскольку все это предполагает предварительное исследование целого ряда категорий, в частности, связи и отношения, единичного и общего, необходимого и случайного, части и целого и др. Авторы же исследуют все эти категории после категории сущности. А раз это так, то, естественно, кроме указания на то, что сущность есть нечто внутреннее, устойчивое, они ничего сообщить не могут.

Аналогичные недостатки свойственны характеристике категорий причины и следствия, которые рассматриваются авторами в следующей главе. Анализируя категории причины и следствия, авторы рассматриваемой работы используют категории «сущность» и «явление», однако совершенно не учитывают того, что говорилось об этих последних категориях в предшествующей главе. Они заявляют о том, что причинно-следственная связь представляет собой «определенную форму взаимной связи явлений в природе и обществе», что «каждое явление, непосредственно обусловливающее возникновение данного отдельного явления, выступающее как его источник, называется причиной», а «явление, которое порождается действием определенной причины, называется следствием» [1].

Если учесть то, что говорилось о явлении в предшествующей главе, т. е. то, что оно представляет собой внешнюю сторону «предметов, вещей, процессов объективной действительности» [2], то из приведенного выше

[1] «Категории материалистической диалектики», стр. 93.
[2] Там же, стр. 62.

определения причинности следует, что причинно-следственная связь имеет место лишь между внешними сторонами предметов и отсутствует между внутренними сторонами, между сторонами сущности, а также между внутренними и внешними сторонами, между сущностью и явлениями, между тем все это явно противоречит действительному положению вещей. В действительности причинно-следственная связь свойственна не только внешним сторонам предметов, не только области явлений, но и внутренним, необходимым сторонам — области сущности, а также взаимоотношению внутреннего и внешнего, сущности и явления.

Авторы не приходят к данному следствию, неизбежно вытекающему из их определения причинности, лишь потому, что игнорируют ту трактовку явления, которая ему дана в предшествующей главе, и употребляют категорию «явление» в ином смысле, именно в смысле предмета, процесса, материального образования. Но даже и при таком понимании явления определения причины и следствия, данные авторами, не освобождаются от недостатков, не становятся лучше. В самом деле, если под явлением мы будем понимать не внешнюю сторону вещи, предмета, процесса, а вещь в целом, предмет в целом, процесс в целом, то причиной всякого данного явления (вещи, предмета, процесса) может быть лишь другая вещь, другой предмет, другой процесс, т. е. причина всякого явления должна быть вне его, в другом предмете. Но такая точка зрения, как известно, является метафизической. Именно метафизики пытались и пытаются объяснить происхождение вещей, предметов, процессов внешними причинами, внешним толчком и т. п. Для диалектического же материализма характерно другое. Он, наряду с внешними причинами, признает и внутренние, считает, что причины вещей, процессов, предметов заложены прежде всего в них самих и являются внутренними взаимодействиями элементов или сторон, их образующих.

Итак, если исходить из определения причинно-следственной связи, данного авторами «Категорий материалистической диалектики», то неизбежно придешь к отрицанию внутренних причин и причинно-следственной связи между внутренними и внешними сторонами вещей, между сущностью и явлением. Правда, авторы, дав указанное определение (даже при изложении вопросов, ка-

сающихся проблемы причинности), не исходят из него. В частности, они делят все причины на внутренние и внешние [1] и используют понятие о внутренней и внешней причине при раскрытии содержания необходимого и случайного. Далее, давая определение необходимости и случайности, они исходят из причинно-следственной связи между сущностью и явлением, хотя, согласно их представлению о причинности, как мы уже указывали, ни того, ни другого (т. е. ни внутренних причин, ни причинно-следственных связей между сущностью и явлением) быть не должно [2].

Излагая одну пару категорий независимо от другой, авторы «Категорий материалистической диалектики» доходят даже до того, что буквально отождествляют одну категорию с другой. Полное отождествление друг с другом, в частности, наблюдается при рассмотрении содержания и сущности. По поводу содержания авторы рассматриваемой работы заявляют, что оно «есть внутренняя сторона предметов, представляющая собой совокупность элементов и процессов, образующих основу существования и развития вещей» [3]. Но аналогичное определение мы уже встречали в главе, посвященной сущности. Там по поводу сущности авторы тоже заявляли, что она представляет собой внутреннюю сторону и является основой существования вещи, явления, процесса [4].

Отождествление содержания и сущности, формы и явления наблюдается также в «Диалектическом материализме» И. Д. Панцхавы. Здесь автор прямо заявляет, что сущность представляет собой содержание, а явление — форму [5]. Но если содержание представляет собой сущность, а форма — явление, то тогда содержание должно быть прочным, устойчивым, а форма — текучей,

---

[1] См.: «Категории материалистической диалектики», стр. 121.

[2] Они пишут: «Под необходимостью диалектический материализм понимает то, что имеет причину в себе самом, что с неизбежностью, закономерно вытекает из самой сущности, из внутренней связи вещей, процессов, событий... Случайность — это то, что имеет основание и причину не в самом себе, не в сущности самих явлений, процессов, событий, вещей, а в другом, что вытекает не из внутренних связей и отношений, а из побочных, или внешних связей...» («Категории материалистической диалектики», стр. 143).

[3] «Категории материалистической диалектики», стр. 215.

[4] Там же, стр. 62—63, 75.

[5] См: И. Д. Панцхава. Диалектический материализм. М., Учпедгиз, 1958, стр. 246.

изменчивой. В действительности же форма является более устойчивой, прочной, содержание же постоянно течет, изменяется. Налицо явное искажение действительного положения вещей.

Наряду с отождествлением содержания и сущности, в ряде работ имеет место отождествление сущности и качества. Например, в «Диалектическом материализме»[1] авторского коллектива Московского института инженеров железнодорожного транспорта качество определяется как совокупность существенных сторон и черт предмета. Но совокупность всех существенных сторон и черт предмета есть его сущность. Именно так трактуется сущность, например, в книге И. Д. Панцхавы[2]. Как совокупность существенных или даже наиболее существенных свойств определяется качество и в «Основах марксистской философии» Института философии АН СССР[3].

Итак, рассмотрение категорий и законов вне их необходимой взаимосвязи не позволяет не только раскрыть их содержание, но даже дать им более или менее удовлетворительные определения.

Испытывая большое затруднение с выработкой определений отдельных категорий при рассмотрении их рядом друг с другом вне их исторической взаимосвязи и взаимообусловленности и считая такое их рассмотрение нормальным и единственно правильным, некоторые авторы просто не дают никаких определений категориям. К таким авторам относится, в частности, немецкий философ Р. О. Гропп. В книге «Диалектический материализм» он просто называет очередную пару категорий и, не говоря ни слова о том, что они собой представляют, что отражают, сообщает, что между ними имеется определенная взаимосвязь, что они являются противоположностями и т. п. Например, анализируя категории «сущность» и «явление», он так начинает свои рассуждения: «При рассмотрении вещей, отношений и процессов природы и общества мы должны различать сущность и яв-

---

[1] См.: «Диалектический материализм», М., МИИТ., 1959, вып. 1, стр. 118.

[2] См.: И. Д. Панцхава. Диалектический материализм, стр. 244.

[3] См.: «Основы марксистской философии». М., Госполитиздат, 1959, стр. 227.

ление. Сущность вещей проявляется не непосредственно...»[1] и т. д.

Указание на то, что необходимо в вещах различать сущность и явление, само по себе, конечно, ценно, имеет определенное значение для познавательной и практической деятельности людей. Но мы можем различить сущность и явление только тогда, когда нам будет известно, что́ они собой представляют. Автор же об этом не говорит ни слова. Больше того, если читателю не сообщили, что означает сущность и явление, он не сможет уяснить и положения, касающегося проявления сущности через явление, их органической взаимосвязи и противоречивого характера взаимоотношения между ними, рассмотрению которого автор, по сути дела, посвящает весь параграф.

Аналогичным образом автор анализирует и другие категории. Вместо определения, или характеристики, например, того, что собой представляют категории «содержание» и «форма», в параграфе, посвященном этим категориям, мы читаем: «Все вещи и явления имеют содержание и форму. Содержание и форма не независимы, как это считает метафизическое мышление, а связаны между собой как единое»[2]. Без каких-либо определений излагаются и категории: «причина» и «следствие», «необходимое» и «случайное», «возможность» и «действительность».

«Все явления в мире, — пишет автор, начиная изложение категорий причины и следствия, следующих у него за категориями формы и содержания, — имеют свои причины, они причинно (каузально) обусловлены»[3]. «Необходимость и случайность, — заявляет автор далее, переходя к раскрытию содержания категорий необходимого и случайного, — связанные друг с другом категории, которые отражают объективные формы всеобщей связи вещей и явлений. Диалектический материализм отвергает метафизический разрыв необходимого и случайного...»[4] и т. д.

«Единство возможности и действительности, — пишет автор, начиная свое рассуждение о категориях воз-

---

[1] R. O. Gropp. Der dialektische Materialismus, Leipzig, 1958, S. 66.
[2] Jbid., S. 67.
[3] Jbid., S. 69.
[4] Jbid., S. 71.

можного и действительного, — существует в вечном изменении и развитии вещей. Все действительное при определенных условиях есть действительная возможность и содержит в себе возможности для изменения действительности ...» [1] и т. д.

При таком изложении категорий диалектического материализма исчезает всякая специфика всеобщих сторон и связей объективной действительности, отражаемых категориями. Единственное, что можно уловить из всех рассуждений автора, это то, что всеобщие стороны объективной действительности, отражаемые той или иной парой категорий между собой, взаимосвязаны, переходят друг в друга и составляют противоречия. Но эти сведения можно получить и из других разделов курса диалектического материализма, в частности, из раздела, посвященного анализу закона единства и борьбы противоположностей. А если это так, то получается, что при таком способе изложения категорий мы не только обедняем их содержание, но делаем их самостоятельное рассмотрение излишним.

Все это свидетельствует о важности проблемы взаимосвязи категорий и необходимости ее разработки, необходимости представления категорий в их естественной взаимозависимости в виде стройной целостной системы, каждое звено которой с необходимостью вытекало бы из предшествующих звеньев, обусловливалось ими.

Проблема взаимосвязи категорий имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Без ее решения невозможно создать соответствующее современному уровню развития философской науки и общественной практике пособие по диалектическому материализму, представить курс диалектического материализма в виде целостного, логически стройного учения, в котором каждое положение, понятие необходимым образом связано с другими, занимает строго определенное место, которое нельзя произвольно изменить.

Если посмотреть с данной точки зрения на существующие у нас пособия по диалектическому материализму, нетрудно заметить, что в них нет какой-то единой, научно обоснованной структуры изложения материала. Каждый автор старается дать свою, отличную от других последовательность изложения всеобщих диалектических закономерностей и связанных с ними понятий. На-

[1] R. O. Gropp. Der dialektische Materialismus, S. 75.

пример, одни начинают изложение категорий с «сущности» и «явления» и идут к «форме» и «содержанию», «единичному» и «общему»[1] и т. д., другие — от «причины» и «следствия» к «необходимому» и «случайному», «возможности» и «действительности»[2], третьи — от «единичного» и «общего» к «содержанию» и «форме», «сущности» и «явлению», «причине» и «следствию»[3], четвертые — от «единичного» и «общего» к «сущности» и «явлению», «содержанию» и «форме»[4], пятые — от «единичного» и «общего» к «причине» и «следствию», «содержанию» и «форме»[5]. В одних учебных пособиях категория «противоречие» и связанный с ней закон единства и борьбы противоположностей рассматриваются до категорий «качество», «количество» и «мера»[6], в других — после этих категорий[7].

Есть также случай, когда категории диалектики разбросаны по всему курсу, включены в главы, посвященные самым различным вопросам. Так обстоит дело, например, в «Основах марксистской философии». В этом пособии «причина» и «следствие», «единичное» и «общее», «необходимое» и «случайное», «возможность» и «действительность» рассматриваются в главе «Закономерная связь явлений действительности», категории «форма» и «содержание» — в главе «Закон единства и борьбы противоположностей», категории «сущность» и «явление» — в главе «Диалектика процесса познания».

Если предположить, что авторы поместили первую группу категорий в главе «Закономерная связь явлений действительности» на том основании, что категории этой группы отражают всеобщие закономерности взаимосвязи явлений действительности, то они должны были и другие категории, в частности, «форму» и «содержа-

---

[1] См.: Андреев И. Д. Диалектический материализм. Изд-во АН СССР, 1960.

[2] См.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм М., Соцэкгиз, 1959.

[3] См.: «Марксистско-ленинская философия». М., Политиздат, 1966.

[4] См.: «Диалектический материализм». М., изд-во ВПШ при ЦК КПСС, 1969.

[5] См.: «Диалектический и исторический материализм» М., Политиздат, 1966.

[6] См.: «Диалектический материализм» М., изд-во ВПШ при ЦК КПСС, 1969.

[7] См.: «Курс марксистско-ленинской философии». М., Воениздат, 1968.

ние», «сущность» и «явление», поместить в эту же главу, ибо и они отражают определенные всеобщие закономерности взаимосвязи явлений действительности. Далее, если «форма» и «содержание» оказались в главе «Закон единства и борьбы противоположностей» потому, что они отражают определенные противоположные стороны и тенденции материальных образований, то в этой главе должны оказаться и все другие категории, ибо каждая отдельная пара их отражает определенное единство противоположностей. Наконец, если категории «сущность» и «явление» помещены в главу «Диалектика процесса познания» в связи с тем, что они в своем соотношении выражают закономерность движения познания от явления к сущности, то сюда надо было поместить и все другие категории, поскольку они тоже выражают определенные закономерности развития познания, именно: движение от следствия к причине, от случайного к необходимому, от действительного к возможному и т. д. Все это свидетельствует о том, что распределение категорий по главам в анализируемом пособии не является научно обоснованным, обусловленным каким-либо единым исходным принципом.

Произвол в построении курса диалектического материализма, в последовательности рассмотрения важнейших положений, составляющих его содержание, не может не влиять на уровень преподавания марксистской философии, на ее усвоение и применение советскими людьми. В таком изложении диалектический материализм не представляет собой целостного, логически стройного мировоззрения, способного ориентировать людей в их практической и познавательной деятельности.

Сказанное со всей отчетливостью показывает исключительную важность проблемы взаимосвязи категорий диалектического материализма, ее всестороннего исследования.

2. ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Последнее время в связи с разработкой диалектической логики проблема взаимосвязи категорий стала привлекать к себе внимание как советских философов, так и философов братских стран. Появился ряд работ, в

которых предлагаются различные пути решения данной проблемы[1]. Вместе с этим появились работы, авторы которых выступают против исследования и даже постановки указанной проблемы, считают ее надуманной и ложной, ведущей к идеализму и метафизике[2].

Остановимся кратко на анализе основных точек зрения, касающихся данной проблемы.

Одним из первых по вопросу взаимосвязи категорий выступил Е. П. Ситковский. По его мнению, соподчинение категорий в познании соответствует соподчинению отражаемых этими категориями всеобщих сторон и связей объективной действительности. Поэтому при разработке системы категорий необходимо исходить только из тех связей и отношений, которые имеются в познании. Воспроизведя их, мы тем самым воспроизведем действительные всеобщие связи и отношения[3].

Данная точка зрения не является правильной. Не все связи и отношения познания соответствуют действительности: в познании есть такие связи, отношения, которые свойственны только ему и отсутствуют в действительности. В самом деле, в объективной действительности процесс развертывается, развивается от сущности к явлению (сущность проявляется через явление, порождает его), от причины к следствию (причина, действуя, вызывает к жизни следствие), от необходимого к случайному (необходимость пробивает себе путь через толщу случайностей), от общего к единичному (общее проявляется через массу индивидуальных, единич-

---

[1] См.: Е. П. Ситковский. Ленин о совпадении диалектики, логики и теории познания. «Вопросы философии», 1956, № 2; В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956; Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий. Иркутск, 1958; В. С. Библер. О системе категорий диалектической логики. Сталинабад, 1958; Jiri Cvekl. Über materialistische Dialektik, Berlin, 1959; А. Поликаров. Материя и познания. София, 1961; П. В. Копнин. Диалектика как логика. Киев, 1961; Т. Д. Сеитов. Об объективной основе систематизации категорий. «Философские науки», 1967, № 1; А. Фурман. Материалистическая диалектика. Изд-во МГУ, 1969, и др.

[2] См.: R. O. Gropp. Die marxistische dialektische Metode und ihr Gegensatz idealistischen Dialektik Hegels. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie». 1954, № 1—2; см. также: Р. О. Гропп. К вопросу о марксистской диалектической логике как системе категорий. «Вопросы философии», 1959, № 1.

[3] См.: Е. П. Ситковский. Ленин о совпадении диалектики, логики и теории познания.

ных отклонений) и т. д. В познании мы наблюдаем прямо противоположное. Познание развивается, идет от явления к сущности, от следствия к причине, от случайного к необходимому, от единичного к общему. И если это так, то, исходя только из связей и отношений познания, мы не сможем воспроизвести в системе категорий действительные всеобщие связи и отношения, объективную диалектику.

В отличие от данных авторов, В. П. Тугаринов[1] при разработке системы категорий пытается исходить из онтологических связей, из реального соподчинения вещи — свойства — отношения, но вместе с этим утверждает, что это соподчинение характерно и для познания.

В. П. Тугаринов считает, что предмет определяет свойства, а свойства определяют отношения и проявляются через них. В связи с этим он расчленяет категории на три соподчиненные одна другой группы: предметные (субстратные), атрибутивные (отражающие свойства) и релятивные (отражающие отношения).

Данный путь решения проблемы, на наш взгляд, не способен дать положительного результата. Ни в действительности, ни в познании нет указанного соподчинения. В действительности часто не свойства определяют отношения, а, наоборот, отношения определяют свойства. Например, различие во взаимосвязи атомов в молекуле обусловливает различие в свойствах соответствующих веществ. Различие в отношениях людей между собой в процессе производства обусловливает различие в свойствах соответствующих способов производства. Далее. В действительности часто не предмет определяет свойства, а свойства — предмет, его природу. Например, природа вещи, ее сущность определяется характерной для этой вещи формой движения материи, т. е. свойством.

Аналогичное имеет место и в познании. Познание идет не от вещи к свойствам и отношениям, а от отношений, связей к свойствам и затем к вещам, к их сущности. В самом деле, человек, сталкиваясь в своей практической деятельности с отдельными предметами, прежде всего обращает внимание на те отношения, которые возникают между ним и предметами, а затем осознает свойства, проявляющиеся в этих отношениях, и по этим

[1] См.: В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма.

свойствам судит о предметах, строит свое представление о них. Ссылка В. П. Тугаринова на историю познания, которая якобы подтверждает его схему, несостоятельна. Он заявляет: «...человеческое познание, как показывает нам история философии и история отдельных наук, идет от представления о мире в целом к изучению отдельных явлений и их свойств, к выявлению все более глубоких и общих их соотношений»[1].

Ни история философии, ни история отдельных наук не свидетельствуют об этом. Развитие философии не могло идти от разработки взгляда на мир в целом к изучению отдельных явлений, их свойств и отношений уже потому, что философия на всех стадиях своего развития остается мировоззрением и занимается разработкой «представления о мире в целом». Что же касается отдельных наук, то они никогда не занимались разработкой представления о мире в целом, а всегда изучали отдельные области явлений. В самом деле, когда та или иная отрасль знания отпочковывалась от философии и оформлялась в самостоятельную науку, она сосредоточивала свое внимание не на мире в целом, а на строго определенной области явлений, на той или иной особой форме движения материи, т. е. начинала свое самостоятельное существование не с изучения мира в целом, а с изучения «отдельных явлений и их свойств». Тогда же, когда та или иная область знаний еще не выделилась в самостоятельную науку, а представляла собой составную часть философии, она тоже не охватывала и не могла охватить весь мир, не являлась «представлением о мире в целом», а касалась частных сторон мира. И в это время представление о мире в целом разрабатывала философия, но вместе с этим она (философия) в этот период занималась и изучением конкретных явлений, т. е. выполняла функцию конкретных наук. Оттого, что философия занималась изучением конкретных явлений, накапливаемые знания об этих явлениях не становились представлениями о мире в целом; такое представление складывалось на основе обобщения знаний всех областей.

На то, что человеческое познание природы, окружающей действительности начинается не с общего представ-

---

[1] В. П. Тугаринов. Соотношение категорий диалектического материализма, стр, 16—17.

ления о мире в целом и не с познания предмета, а именно с познания отношений и свойств, не раз указывали основоположники диалектического материализма, в частности, Ф. Энгельс. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, — писал по данному поводу Энгельс, — это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их *обусловленность* друг другом»[1]. *«Взаимодействие*, — пишет он в другом месте, — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом...»[2]. И далее: «Различные формы и виды самого вещества, — замечает он, — можно познать... только через движение; только в движении обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не находится в движении, нечего сказать»[3].

Из приведенных высказываний Энгельса следует, что человек начинает познание внешнего мира с взаимодействий и связей отдельных материальных образований, уясняет движение, свойственное им, улавливает проявляющиеся в движении свойства этих материальных образований и тем самым познает сами материальные образования («различные формы вещества»).

Предлагаемая В. П. Тугариновым классификация категорий не соответствует не только диалектическим принципам, но и формально-логическим. Известно, что формальная логика требует, чтобы группы, выделяемые при классификации, исключали друг друга, у автора же они не исключают друг друга. Категории, включаемые им в группу релятивных, являются в то же время и атрибутивными, поскольку они, отражая определенные всеобщие связи и отношения, отражают и всеобщие стороны, а некоторое из них («содержание», «сущность», «действительность») в одно и то же время являются и субстратными, поскольку они так или иначе отражают природу, ее субстанциональность.

Итак, выдвинутая В. П. Тугариновым схема соотношения категорий не отражает ни действительного соподчинения всеобщих форм бытия, ни закономерностей развития познания.

Своеобразным образом пытается построить систему категорий и тем самым решить вопрос об их взаимосвя-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 544.
[2] Там же, стр. 546.
[3] Там же, стр. 563.

зи Е. С. Кузьмин. Предлагаемая им система категорий не отражает ни объективной взаимосвязи всеобщих условий и форм бытия, ни закономерностей процесса познания, а представляет собой весьма искусственную, основанную лишь на формально-логических принципах классификацию, которая не только не способствует раскрытию содержания категорий диалектического материализма, их уяснению, но сплошь и рядом искажает их действительную суть и соотношение.

Е. С. Кузьмин не считается с установившимся в философии и науке употреблением отдельных категорий, веками формировавшимся содержанием каждой из них, произвольно вкладывает в них нужный ему смысл и навязывает им такое соотношение, которое ни в какой степени не отражает действительного положения вещей, действительной их взаимосвязи.

Излагая свою систему категорий, Е. С. Кузьмин как будто опирается на принципы диалектики, в частности, на принцип раздвоения единого на противоположные стороны, пытается показать развитие категорий как борьбу противоположностей, но все это остается у него лишь видимостью.

В качестве руководящего принципа он выдвигает так называемый «закон двойного раздвоения»[1], суть которого сводится к тому, что в процессе познания объекта необходимо подходить к нему двояко, рассматривать его с двух сторон: как «конкретную определенность» и «как абстрактную определенность»[2]. Причем, при исследовании объекта в аспекте конкретной определенности необходимо рассматривать его, с одной стороны, изолированно, самого по себе, «с другой стороны, в его многообразном отношении к другому»[3], что Е. С. Кузьмин называет принципом единства и многообразия. При исследовании же объекта в аспекте абстрактной определенности его «необходимо рассматривать, с одной стороны, как некоторое абстрактное отдельное одно, равное другому внутри данной совокупности, а, с другой стороны, в совокупности с другим»[4]. Это положение, по автору, составляет принцип отдельного и общего.

---

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 21.
[2] Там же, стр. 15.
[3] Там же, стр. 15—16.
[4] Там же.

Нетрудно заметить, что Е. С. Кузьмин уже при раскрытии содержания исходного принципа своей системы допускает произвол в трактовке ряда понятий. В самом деле, понятия «изолированность» и «нахождение в отношениях» он неправомерно отождествил с понятиями «единство» и «множество», а понятия «единица» и «совокупность единиц» отождествил с понятиями «отдельное» и «общее». Между тем эти вещи далеко не тождественны. В частности, понятия «единство» и «многообразие» фиксируют то, что предметы той или иной группы имеют единую (одинаковую, общую) природу и вместе с тем отличаются друг от друга, имеют свои особенные черты. Понятия же «изолированность» и «нахождение в отношениях» фиксируют то, что каждый предмет той или иной группы существует сам по себе, независимо от других и в то же время находится во взаимосвязи с другими, в зависимости от других. Далее, отдельное обозначает предмет, имеющий неповторимые черты, общее обозначает свойства, стороны, присущие многим предметам. Понятия же «единица» (абстрактное одно) и «совокупность однородных единиц» обозначают нечто иное, а именно, количество одного и того же.

В качестве высшего родового понятия, охватывающего все, что существует, т. е. и материальные и идеальные явления, Е. С. Кузьмин выдвигает категорию *«сущее»*. Он пишет: «Под сущим в философии понимается наивысший род всего существующего, одинаково охватывающий естество (высший род материальных объектов), понятие (высший род идеальных реальностей) и продукт (высший род объектов, соединяющих в себе материальные начала с идеальными)»[1].

Исходя из категории «сущее» и опираясь на принцип «двойного раздвоения», Е. С. Кузьмин и начинает строить свою систему категорий. Прежде всего он из категории «сущее» путем ее «двойного раздвоения», т. е. рассмотрения сущего как изолированного и как связанного со многими другими сущими, выводит категории «предмет» и «вещь». «Сущее», рассуждает он, взятое само по себе, изолированно от другого сущего, т. е. (что, согласно Е. С. Кузьмину, представляет собой одно и то же) рассматриваемое в единстве, есть *предмет*. Сущее

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 11.

же, взятое «в его многообразном отношении к другому», является *вещью*.

Что же получилось в результате такого выведения? Получилось, во-первых, то, что категории «предмет» и «вещь» приобрели новый, не свойственный им ранее смысл; во-вторых, они вступили в отношение противоположности; в-третьих, стали обозначать не только материальные образования, но и идеальные. В самом деле, и «предмет» и «вещь», согласно Кузьмину, представляют собой «сущее», которое одинаково приложимо как к материальным вещам, так и к мыслям, понятиям. А если это так, то исчезает всякая противоположность и даже различие между материальным и идеальным, между предметом и мыслью о предмете, «предмет», так же как и «вещь», представляет собой и то и другое.

Получив в результате раздвоения «сущего» категории «предмет» и «вещь», Е. С. Кузьмин применяет принцип «двойного раздвоения» к этим категориям, в результате чего каждая из них раздваивается и порождает в свою очередь две новые противоположные категории, в частности, «предмет» раздваивается на «бытие» и «развитие»[1], «вещь» — на «сущность» и «явление»[2].

Всякий, кто сколько-нибудь знаком с философией, знает, что противоположностью «бытия» является «небытие», противоположностью «развития» — «регресс». Но Е. С. Кузьмин этим пренебрегает. Ему нет никакого дела до общественной практики и познания, которые в процессе своего развития вызвали к жизни указанные понятия и с необходимостью обусловили их содержание. Он считает себя вправе вкладывать в эти категории такое содержание, какое ему заблагорассудится.

Благодаря такому свободному творчеству автора «Системы онтологических категорий» бытие, так же как и развитие, оказалось свойственно лишь предметам и не свойственно вещам. С другой стороны, обладателями сущностью и явлением оказались лишь вещи, предметы же лишились и того и другого.

Все изложенное получилось в результате рассмотрения «сущего» в плане «конкретной определенности». Но, как было указано ранее, с точки зрения автора, оно («сущее») должно подвергнуться рассмотрению еще и в

---

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 27.
[2] Там же, стр. 28.

плане «абстрактной определенности». При этом аспекте рассмотрения «закон двойного раздвоения» действует у Е. С. Кузьмина в форме принципа «единства отдельного и общего» [1].

Анализ «сущего» с точки зрения отдельного и общего используется автором для выведения категорий «единица» и «мир». «Каждое сущее как отдельное, как абстрактное обезличенное одно, тождественное другому, — пишет Е. С. Кузьмин, — мы обозначаем категорией *единица*». Совокупная же «общность всего сущего обозначается категорией *мир*» [2].

Мир, таким образом, по Кузьмину, представляет собой не что иное, как совокупность абстрактных единиц, гармонию чисел. Заимствование всех этих мыслей и рассуждений у древнегреческого философа-идеалиста Пифагора очевидно.

При дальнейшем «двойном раздвоении» единица у Е. С. Кузьмина делится на части и тем самым порождает новую пару категорий: «целое» и «часть». Аналогично ведет себя и категория «мир». Она тоже под давлением «двойного раздвоения» раздваивается и порождает категории «множество» и «единство». Являясь совокупностью абстрактных единиц, рассуждает автор, мир обнаруживает себя как множество, но поскольку все эти единицы абсолютно похожи друг на друга, являются тождественными, мир в то же время выступает и как общее, т. е. как «единое» [3].

За пределы учения пифагорейцев Е. С. Кузьмину не удалось выйти и здесь. Его «единство» и «множество» вполне укладываются в рамки соотношения простых абстрактных, тождественных друг другу единиц, выводятся из особенностей сложения и вычитания чисел. Такому методу построения теории позавидовал бы даже Гоббс, так много и безуспешно занимавшийся разработкой математического метода мышления.

Наряду с характеристикой предмета со стороны бытия и развития, Е. С. Кузьмин, применяя все тот же принцип «двойного раздвоения», раздваивает предмет еще раз и получает категории «субстанция» и «величина», которые объявляет соотносительными и противоположными подобно категориям «общее» и «отдельное».

---

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34.
[3] Там же, стр. 36.

«...Категории *величина* и *субстанция*... относительно подлежащего *предмет*, — пишет он, — мы считаем аналогами категорий *«отдельное»* и *«общее»*. В соответствии с этим, — продолжает он, — категории *величина* и *субстанция* мы рассматриваем как соотносительные, хотя никто раньше эти категории в такой связи не рассматривал»[1].

Если бы тов. Кузьмин рассматривал указанные категории не с точки зрения выдуманного им «закона двойного раздвоения», позволяющего ему рассматривать любую пару категорий как аналог категорий «отдельное» и «общее», а с точки зрения диалектики, исключающей произвол и обязывающей считаться с действительным положением вещей, он заметил бы, что категория «величина» не является аналогом категории «отдельное», так же как и категория «субстанция» — аналогом категории «общее». Величина может быть и единичным (величиной отдельного единичного предмета) и общим (общим свойством), присущим многим отдельным предметам, «отдельное» же приложимо лишь к отдельным единичным предметам и не характеризует их общих сторон. Далее, «общее» может касаться как субстанции, так и внешних сторон материальных образований. Отождествление категорий величины и субстанции с категориями отдельного и общего является очередной фантазией автора.

Категория величины при дальнейшем «двойном раздвоении» у Е. С. Кузьмина порождает категории формы и содержания. Категория субстанции в силу этого же обстоятельства приводит к возникновению категорий «состав» и «строение». «Любой предмет как действительная величина, — пишет Е. С. Кузьмин, — имеет свою форму и свое содержание»[2]. «Строение» же и «состав», — продолжает он, — это две различные диалектически противоположные стороны субстанции»[3].

Согласно Е. С. Кузьмину получается, что форма и содержание являются лишь характеристиками количественной стороны предмета, а качество бесформенно и бессодержательно, так же как и сама субстанция, что форма и содержание не обладают никаким составом и не имеют никакой структуры и т. д.

---

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 40.
[2] Там же, стр. 42.
[3] Там же, стр. 46.

Несколько слов о превращениях, которые претерпевают в рассматриваемой системе категории, ведущие свое начало от категории «вещь». От категории «вещь» у Е. С. Кузьмина ведет свое непосредственное начало категория «мера»; под последней он понимает не рамки, в пределах которых количественные изменения не вызывают качественных изменений, не определенную взаимосвязь количества и качества, как это думали классики диалектического материализма, а просто «соотношение вещей по величине» как выражение одной вещи через величину другой или через наше собственное «Я». Он пишет: «Меру мы понимаем как соотношение вещей по величине. Мерой может быть любая реальная величина, взятая в отношении к другому... Все объективные величины мы воспринимаем или через самих себя, когда наше «Я» выступает мерой, или через некоторую другую, безразличную величину, принятую за меру»[1].

Итак, мера, по автору, есть не что иное, как единица измерения. Такое понимание меры, конечно, существует, но оно не имеет никакого отношения к философии, к отражению и выражению изучаемых ею закономерностей. Автор же «Системы онтологических категорий» посвящает свою работу философской проблематике. А раз это так, то должен же он знать, что понятие меры в философии имеет свой особый смысл, свое особое содержание. Мы, конечно, далеки от того, чтобы думать, что автор этого не знает. Мы склонны считать, что все это является не результатом недостаточной осведомленности автора, но желанием во что бы то ни стало сказать новое, свое. В таком желании, разумеется, нет ничего плохого, его можно лишь приветствовать, если бы оно толкало автора на всестороннее, углубленное исследование материала, связанного с рассматриваемой проблемой. Но все дело-то как раз в том, что автор не идет дальше всевозможных искусственных построений, оторванных от реальности и искажающих действительное положение вещей.

Те изменения, которые претерпела в «Системе онтологических категорий» Е. С. Кузьмина категория меры, испытала и категория качества. Понятие «качество» у автора обозначает не то, что вещь собой представляет, не то, чем она является, а то, насколько она хороша или

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 48.

плоха, т. е. качество у него является не объективной характеристикой вещи, не присущими ей сторонами, а субъективным мнением человека. Оно (качество) не присуще вещи самой по себе, а существует лишь в человеке, благодаря человеку. «Каждая вещь, — пишет Е. С. Кузьмин, — сама для себя одинаково хороша. Как вещи для нас, они качественно различны. Мы можем считать одни вещи хорошими, другие — плохими, но, как данному нечто, этим вещам глубоко безразлично наше о них мнение»[1].

Е. С. Кузьмин и не замечает, что защищает идеалистическую по существу точку зрения на качество, сводящую качество и другие всеобщие условия и формы бытия к субъективной деятельности людей.

Подобные факты не являются редкостью для рассматриваемой работы, они пронизывают ее с начала до конца. Подвергать анализу все их нет никакой необходимости. Искусственность и надуманность выдвигаемой Е. С. Кузьминым системы категорий, извращение в ней понятий и принципов диалектического материализма очевидны.

Некоторые соображения о систематизации категорий высказывает М. Г. Макаров. Он связывает решение этого вопроса с проблемой тождества диалектики, логики и теории познания. Правильно, на наш взгляд, указывая на то, что тождество диалектики, логики и теории познания не исключает определенного различия между ними, он не смог на основе этого приципа дать сколько-нибудь удовлетворительную систематизацию категорий диалектического материализма. И это не случайно, ибо принцип тождества диалектики, логики и теории познания, будучи одним из исходных принципов исследования проблемы взаимосвязи категорий, один, сам по себе, не способен привести к правильному решению проблемы. Опираясь только на него, нельзя определить последовательность перехода от одних категорий к другим и раскрыть отражаемую в них и в их соотношениях диалектику объективной действительности и познания. А это главное в диалектической системе категорий, ибо здесь категории должны выводиться одна из другой, а не располагаться рядом друг с другом, должны находиться в необходимой взаимосвязи и вза-

[1] Е. С. Кузьмин. Система онтологических категорий, стр. 50.

имозависимости, а не представлять собой случайное сочетание.

М. Г. Макаров как раз этого и не понимает. Он предлагает такую систему, в которой категории не находятся в необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, не выводятся одна из другой, а просто сосуществуют, будучи распределенными между различными группами на основе принадлежности им или отсутствия у них того или иного признака.

В самом деле, все категории диалектического материализма он делит на четыре группы. В первую группу включаются такие категории, которые являются в одно и то же время и онтологическими, и гносеологическими, но не входят в число категорий диалектической логики. Такими категориями он считает «материю», «природу», «движение», «пространство», «время», «психику», «практику», «свободу». Во вторую группу у него входят категории, являющиеся в одно и то же время онтологическими, гносеологическими и логическими, т. е. выступающие и как категории диалектики, и как категории теории познания, и как категории диалектической логики. К данной группе он относит категории: «качество», «количество», «противоречие», «отрицание», «свойство», «субстанция», «общее», «единичное», «сущность», «причина», «необходимость». Третью группу у него составляют специфические категории познания, не являющиеся категориями диалектической логики и не имеющие непосредственного онтологического значения. Это: «ощущение», «восприятие»,«опыт», «интерес», «потребность», «цель», «сознание». Наконец, четвертую группу у М. Г. Макарова образуют специфические категории диалектической логики. К ним он относит «историческое», «логическое», «индукцию», «дедукцию», «анализ», «синтез», «истину», «понятие», «умозаключение», «логическое», «противоречие»[1].

Не касаясь правомерности включения той или иной категории в соответствующую группу (а в этом вопросе у автора не все благополучно, например, никак нельзя согласиться с зачислением в группу онтологических категорий «психики» и «свободы» и с исключением из числа категорий диалектической логики «материи», «со-

[1] См.: М. Г. Макаров. О систематизации категорий диалектического материализма. «Труды по философии Тартуского государственного университета», т. VI, вып. 24. Тарту, 1962, стр. 7—8.

знания», «практики» и т. п.), можно без особого труда установить, что указанные четыре группы категорий не находятся между собой в необходимой взаимосвязи, отражающей объективную закономерность соотношения всеобщих форм бытия и логику функционирования и развития познания, а просто сосуществуют друг с другом.

Аналогично обстоит дело и с предлагаемым автором разделением категорий внутри каждой рассматриваемой им группы. Например, в первой группе автором «выделяется ряд основополагающих категорий материального бытия (материя, природа, движение, пространство, время) и ряд категорий, выражающих состояния и свойства субъекта и обладающих объективной стороной (практика, свобода, средство, целеустремленность)»[1]. Но как эти категории связаны между собой, как осуществляется переход от одной из них к другой, автор не указывает. Все решение проблемы взаимосвязи категорий сводится им к выделению более мелких групп в указанных выше четырех группах. Причем выделение осуществляется на основе формально-логических принципов. Во всем этом нетрудно убедиться, если посмотреть распределение автором категорий в рамках второй группы.

«Во второй группе, — пишет он, — можно выделить ряд категорий, которые можно было бы назвать структурными. Они выражают прежде всего расположенность, порядок общих связей, явлений, глубину этих связей, охват ими явлений, закономерные черты строения и расчлененности действительности (общее — единичное, качество — количество, свойство — субстанция, сущность — явление, форма — содержание, структура — элемент, часть — целое). Значительная группа других категорий отражает отношения определяемости, зависимости и обусловленности между явлениями, всеобщие формы этих отношений (условие, причина — следствие, взаимодействие, основание, случайность — необходимость, возможность — действительность...). Особое место занимают категории группы противоречия, выражающие основной закон диалектики (противоречие, различие, разность, противоположность, единство, борь-

[1] М. Г. Макаров. О систематизации категорий диалектического материализма, стр. 8.

ба, тождество...). Они являются в одинаковой мере и структурными и выражающими обусловленность явлений. Категории связи, отношения, закона, относясь ко второй группе категорий, стоят также вне ее деления на структурные категории и категории обусловленности...»[1].

Деление категорий на структурные, отражающие взаимообусловленность и связанные с противоречием, является по своему существу формально-логическим, поскольку здесь одна группа категорий не выводится необходимым образом из другой, а ставится рядом с ней. Больше того, здесь не соблюдены даже принципы формальной логики. В самом деле, формально-логические правила деления требуют, чтобы группы, получающиеся в результате деления, взаимоисключали друг друга. В данном же случае взаимоисключаемость групп отсутствует. Хотя в каждую группу автор включает строго определенные категории, однако, если всерьез руководствоваться указанными им основаниями классификации (способность отражать структуру, взаимообусловленность, противоречивость), то необходимо в каждую из указанных групп включить все отмеченные автором категории, ибо все они так или иначе отражают и структуру, и взаимообусловленность, и противоречивость.

Все это указывает на произвольность выделения автором отдельных групп категорий и на искусственность предлагаемой системы. Характерно отметить то, что он и сам понимает условность предлагаемой классификации категорий, но считает такое положение вполне нормальным, неизбежно обусловливаемым относительностью различия онтологического, логического и гносеологического аспектов в диалектике. «Предложенное деление, — пишет он, имея в виду свою классификацию категорий, — является столь же относительным и условным, как и различие внутри единой теории диалектики ее трех основных сторон» [2].

Что касается относительности различия между диалектикой, теорией познания и логикой, то это верно, но из этого вовсе не следует того, что в системе марксист-

---

[1] М. Г. Макаров. О систематизации категорий диалектического материализма, стр. 8—9.

[2] Там же, стр. 9.

ской философии отношение между категориями условно, искусственно, зависит от произвола, от субъективной точки зрения того или иного автора, что они не должны находиться в строго определенной необходимой взаимосвязи и взаимозависимости.

Против формально-логической классификации категорий диалектического материализма решительно выступает чехословацкий философ Иржи Цвекл. По его мнению, систематизация категорий должна выражать основные принципы развития объективной действительности и познания. Важнейшим условием осуществления такой систематизации он считает разделение категорий на первичные (основные) и вторичные, производные[1].

Выдвинув правильные в основном принципы построения системы категорий, Иржи Цвекл, однако, не смог дать сколько-нибудь удовлетворительного решения проблемы.

Ему не удалось выделить основные, определяющие категории, опираясь на которые можно было бы представить все категории в их взаимосвязи.

В качестве основных, исходных категорий он берет «субстанцию», «свойство», «отношение» и «движение». Они, по его мнению, являются самыми элементарными и основными и в силу этого выступают в качестве принципов бытия и развития мира и познания. Первые две категории («субстанция» и «свойство») образуют у автора исходный пункт онтологического и гносеологического аспектов диалектического материализма, следующие две категории образуют исходный пункт объяснения материалистической диалектики как «учения об общей взаимосвязи и развитии»[2].

Что касается категории «субстанция», употребляемой в смысле материи, являющейся основой всего существующего, то она действительно является основной, определяющей, но таковой она является не сама по себе, а лишь во взаимосвязи, в соотношении с категорией «сознание», лишь постольку, поскольку она непосредственно связана с основным вопросом философии. Автор же не относит категорию «сознание» к числу основных, а вместе с этим и лишает категорию субстанции возможности выступать в роли основной, определяющей.

---

[1] См.: «Протокол международного философского семинара», состоявшегося в Софии с 24 по 30 ноября 1958 г. София, 1958, стр. 110.

[2] Там же, стр. 112.

Далее, категория «свойство» вообще не является основной, определяющей, она производна, зависима, с одной стороны, от категории «субстанция» (материя), с другой — от категорий «отношение», «единичное», «общее», «тождество», «различие» и др.

Не являются основными, определяющими и категории «отношение» и «движение». Будучи простейшими, элементарными абстракциями, сформировавшимися на первых, начальных стадиях развития познания, они не способны определить переход от одной категории к другой. Больше того, они сами, их связь между собой и с другими категориями, их место, роль и значение в общей системе категорий существенным образом зависят от других категорий, которые выражают закономерности функционирования и развития познания и определяют его движение от одних категорий к другим. Правда, автор считает их определяющими не вообще, не для всех категорий, а лишь для категорий диалектики. Но и эта оговорка не исправляет положения. Категории «отношение», «движение» не являются основными, определяющими и по отношению к категориям диалектики, отражающим всеобщие стороны и связи объективной действительности и познания. Основными, определяющими среди категорий диалектики являются, согласно классикам, «противоречие», «единство» и «борьба противоположностей».

Говоря о том, что одни категории являются исходными (определяющими) для онтологического и гносеологического аспектов диалектического материализма, другие — исходными, определяющими для диалектики, автор искусственно разрывает диалектику и материализм и тем самым оправдывает то положение, которое сам критиковал и собирался на основе выдвинутых им принципов изменить. В самом деле, он объявил серьезным недостатком то, что «при классификациях и систематизации, проводимых до настоящего времени, преобладают главным образом попытки отнести различные категории к различным частям и дисциплинам, различным аспектам или тематическим областям марксистской философии» и подчеркнул недопустимость того, что, «например, категории «материя», «движение», «время», «пространство», «отражение», «теория» и «практика» причисляются к марксистскому материализму; категории «взаимозависимость», «часть» и «целое», «возможность»

и «действительность», «количество» и «качество», «эволюция» и «революция» — к материалистической диалектике; категории «чувственность», «логичность», абсолютная и относительная истина — к марксистской теории познания»[1].

В качестве одного из путей устранения этих недостатков он как раз и предложил рассмотренный выше вариант разработки системы категорий. Но этот его вариант, как мы видели, ничего не изменяет. Категории по-прежнему располагаются по группам соответственно отдельным, искусственно выделенным областям диалектического материализма. Разница только в том, что наряду с обычно выделяемыми группами категорий (категории материализма, категории материалистической диалектики, категории марксистской теории познания) автор выделяет новую, дополнительную группу исходных, основных категорий.

Система категорий, предлагаемая автором, выглядит следующим образом: сначала анализируются основные категории (субстанция, свойство, отношение, движение), затем осуществляется переход к категориям, «выражающим сущность диалектико-материалистического мировоззрения» (пространство и время, отражение, сознание и бытие, объективное и субъективное, материальное и идеальное, практика и познание). После этого следуют «категории диалектической взаимозависимости и диалектического развития» (тождество и различие, противоречие, единство и противоположность, простое и сложное, целое и часть, качество и количество, содержание и форма, внешнее и внутреннее, сущность и явление, причина и действие, необходимость и случайность, возможность и действительность), затем категории, раскрывающие диалектику процесса познания (общее и единичное, анализ и синтез, абстрактное и конкретное, логическое и историческое).

Раскрывая суть предлагаемой системы категорий и показывая в ней переход от одной группы категорий к другой, Иржи Цвекл пишет: «Вышеупомянутые основные категории или принципы дают возможность в связи с основным философским вопросом одновременно уяснить также единство материализма и диалектики, онтологии и гносеологии, теории и метода в диалектическом

[1] «Протокол международного философского семинара», стр. 111.

материализме. От этих категорий, принципов мы переходим к группе, выражающей сущность диалектико-материалистического мировоззрения, а именно понимание мира как системы формы исторически развивающейся материи. К этой группе относятся такие категории, как материя и формы ее существования — пространство и время, отражение, сознание и бытие, объективное и субъективное, материальное и идеальное, практика и познание ...

Третью, большую группу образуют категории диалектической взаимозависимости, диалектического развития и познания. Как категории диалектической взаимозависимости выступают особенно: тождество и различие, прерывность и непрерывность, противоречие, единство и противоположность, простое и сложное, целое и часть. Диалектическое развитие выражается непосредственно категориями: качество и количество, содержание и форма, внешнее и внутреннее, сущность и явление, причина и действие, необходимость и случайность, возможность и действительность. Наконец, диалектика процесса познания выражается особенно посредством категорий общего и единичного, анализа и синтеза, абстрактного и конкретного, логического и исторического»[1].

Что касается того, что категории, отнесенные автором к исходным, в частности «субстанция» и «движение», в связи с основным вопросом философии дают возможность уяснить единство материализма и диалектики, онтологии и гносеологии, теории и метода в диалектическом материализме, то это верно. Но при соблюдении той схемы, которую предложил автор, эту возможность реализовать нельзя, поскольку категории, непосредственно связанные с основным вопросом философии, входят у автора в следующую группу, в связи с чем анализ категорий «субстанция» и «движение» должен осуществляться вне связи с основным вопросом философии, до его решения. Но такой анализ их не позволит уяснить ни единства материализма и диалектики, ни единства онтологии и гносеологии.

Далее, вторая группа категорий призвана у автора выразить сущность диалектико-материалистического мировоззрения. Но те категории, которые автором включе-

---

[1] «Протокол международного философского семинара», стр. 111—112.

ны в эту группу (пространство и время, отражение, сознание и бытие, объективное и субъективное, материальное и идеальное, практика и познание), не могут раскрыть этой сущности. Для ее раскрытия необходимо рассмотреть не только категории, связанные с основным вопросом философии, но и основные категории диалектики, категории, связанные с всеобщими законами движения и развития материи и познания. Категории же диалектики автором включены в третью группу.

Категории третьей группы, как мы видели, подразделяются автором на три подгруппы: (1) категории, выражающие диалектическую взаимозависимость, (2) категории, выражающие диалектическое развитие, и (3) категории, выражающие диалектику процесса познания.

Нетрудно заметить, что указанное подразделение категорий диалектики является искусственным. Все категории, включенные автором в группу категорий, выражающих диалектическую взаимосвязь, являются в то же время категориями, выражающими диалектику развития и диалектику познания. В самом деле, к категориям, выражающим диалектическую взаимосвязь, автор относит: тождество, различие, прерывность, непрерывность, противоречие, единство, противоположность, простое, сложное, часть, целое. Но все эти категории отражают определенные стороны и связи развития действительности и познания. Например, тождество и различие, выражая определенную диалектическую взаимосвязь между материальными образованиями и их сторонами, выражают в то же время взаимосвязь между ступенями (стадиями) развития материальных образований, а также закономерности диалектического отрицания. Аналогичное характерно и для категорий прерывности и непрерывности. Они, отражая расчлененность материи на отдельные, конечные в пространстве и времени материальные образования, выражают определенную закономерность развития, перехода материальных образований от одних качественно-определенных состояний к другим. Рассматриваемая особенность характерна и для категорий «противоречие», «противоположность», «единство» и «борьба противоположностей». Выражая определенную взаимосвязь между предметами и их сторонами, они выражают коренные закономерности движения и развития. Нетрудно уяснить себе, что все это свойственно и кате-

гориям «целое» и «часть», «простое» и «сложное». Раскрывая диалектику развития объективной действительности, рассмотренные категории выражают определенные закономерности функционирования и развития познания, раскрывают его диалектику.

Все сказанное о категориях, отнесенных автором к первой подгруппе (категорий, выражающих диалектику взаимосвязи), характерно и для категорий, включенных им во вторую подгруппу (категорий, выражающих диалектику развития: качество, количество, содержание, форма, внешнее, внутреннее, сущность, явление, причина, действие, необходимое, случайное, возможность, действительность). Они выражают не только закономерности развития материи, как это представляет автор, но и диалектику взаимосвязи всеобщих сторон материальных образований, всеобщих форм бытия, т. е. с одинаковым основанием могут быть включены и в первую подгруппу, а также и в третью, поскольку они, являясь ступенями развития познания и формами мышления, так или иначе выражают закономерности его функционирования и развития.

Что касается взаимосвязи категорий внутри отдельных групп и подгрупп, то о ней автор в анализируемой работе не говорит ничего. О том, как решается автором этот вопрос, можно судить по его книге «О материалистической диалектике»[1], где он категории, относящиеся к третьей группе, рассматривает в следующем порядке: сущность и явление, содержание и форма, общее, особенное и единичное, абсолютное и относительное, необходимое и случайное, причинность, необходимость и свобода. Качество, количество, противоречие и другие категории, связанные с основными законами диалектики, рассматриваются им особо, в разделе, посвященном законам диалектики.

Представленная здесь схема взаимосвязи категорий диалектики не менее произвольна, чем соотношение между выделяемыми автором группами и подгруппами в предлагаемой им системе категорий. Начинать изложение категорий диалектики с сущности нельзя. Эта категория является исключительно сложной, имеет более богатое содержание, чем многие другие категории диа-

[1] См.: Jiří Cvekl. Über materialistische Dialektik. Berlin, 1959, S. 70—112.

лектики, в ее содержание входит в снятом виде целый ряд других категорий, и в частности те, которые излагаются автором в данном разделе и следуют за сущностью. Между тем элементарным требованием диалектического метода познания, в частности метода восхождения от абстрактного к конкретному, является выделение в качестве исходных наиболее простейших категорий и движение от категорий с менее богатым содержанием к категориям с более богатым содержанием. Следуя этому методу, категория сущности у нас должна быть заключительной, а не исходной категорией, должна выражать не начальный этап исследования (познания), а конечный, должна быть итогом, результатом исследования (познания). Сущность представляет собой совокупность необходимых сторон и связей, взятых в их естественной взаимозависимости. Поэтому анализу сущности должен предшествовать анализ таких категорий, как связь и отношение, единичное и общее, устойчивость и изменчивость, необходимое и случайное. Как известно, сущность проявляется через явление, обусловливает его. И если это так, то для раскрытия закономерностей взаимосвязи сущности и явления необходимо уяснение содержания категорий причинности.

Далее, автор категории «содержание» и «форма» рассматривает раньше категории «причинность», между тем первые являются более конкретными, чем вторая, в частности, содержание в снятом виде включает в себя причинность. Содержание есть не что иное, как совокупность всех взаимодействий и вызываемых ими изменений, т. е. всех причинно-следственных связей. А если это так, то понять содержание можно лишь после того, как раскрыта суть причинности, причинно-следственной связи. Отсюда рассмотрению категорий содержания и формы должен предшествовать анализ категорий причинности, а не наоборот, как это имеет место у автора.

Наконец, необходимость — это более конкретная и содержательная категория, чем причинность. Она включает в свое содержание причинность, поскольку последняя имеет необходимый характер. Все это указывает на то, что категорию необходимости следует анализировать после категории причинности, а не до, как это имеет место у автора.

Итак, предложенная Иржи Цвеклом схема взаимосвязи категорий не выдерживает критики; она не отра-

жает ни действительного взаимоотношения всеобщих сторон и связей, отражаемых в категориях диалектического материализма, ни закономерностей функционирования и развития процесса познания.

Правильный в основном, на наш взгляд, подход к проблеме взаимосвязи категорий содержится в статье И. В. Митюрева «К вопросу о субординации категорий материалистической диалектики»[1]. В качестве исходной категории автор выдвигает категорию «материя» и подчиненные ей категории «природа» и «бытие». Необходимость выделения в качестве исходных указанных категорий обосновывается им ссылкой на материалистическое решение основного вопроса философии. Последовательность расположения других категорий он пытается связать с соотношением их как ступеней развития познания.

В предлагаемой им схеме взаимосвязь категорий представлена следующим образом: природа—бытие—материя — явление—предмет—отношение—качество—содержание — закономерность—сущность—основа—развитие—противоречие.

Мысль о том, что начальной категорией должна быть «материя», правильна. Рассмотрение материи в качестве первой категории обусловлено тем, что она связана с основным вопросом философии, из определенного решения которого мы должны исходить при рассмотрении любой философской проблемы, а значит, и при рассмотрении взаимосвязи категорий.

Но если определение начальной категории связано с решением основного вопроса философии, то, указывая на «материю» как на исходную категорию, мы должны отметить и категорию сознания, которая органически связана с решением основного вопроса философии и без которой нельзя раскрыть содержание категории материи. Автор же, определяя категорию материи как начальную, не считает таковой категорию «сознание» и тем самым закрывает себе путь к правильному решению проблемы.

Далее, выдвинутый автором принцип расположения всех других категорий диалектики соответственно ступеням углубления познания объективной действительно-

[1] См.: «Доклады на «Герценовских чтениях». «Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена», т. 140, Л., 1957.

сти в своей основе также правилен. И автор, руководствуясь этим принципом, уловил в известной степени движение познания от одной категории к другой, но в его схеме есть существенные проблемы. Во-первых, в ней не нашла отражения взаимосвязь парных категорий, играющая существенную роль при переходе от одной категории к другой; во-вторых, в ней не нашли места такие категории диалектики, являющиеся важнейшими ступенями развития познания, как движение, единичное, особенное, общее, причинность, необходимость, закон и др.; в-третьих, в ней есть неточности, искажающие действительный путь движения познания от одной категории к другой. Например, согласно схеме автора, познание сначала достигает сущности, от сущности идет к основе, затем к развитию и после этого к противоречию. В действительности же в ходе исследования тех или иных явлений познание сначала выявляет основу, раскрывает содержащиеся в ней противоречия и, прослеживая их развитие и развитие обусловливаемых ими сторон, воспроизводит сущность исследуемого объекта, т. е. идет от основы к противоречию, затем к развитию и только потом к сущности. Обосновывая указанную последовательность категорий (сущность—основа—развитие—противоречие), автор ссылается на В. И. Ленина, из высказываний которого якобы следует такое соотношение этих категорий.

На самом же деле цитируемое автором высказывание В. И. Ленина не подтверждает выдвинутой автором мысли.

Более глубокая постановка проблемы взаимосвязи категорий содержится в книге В. С. Библера «О системе категорий диалектической логики».

В. С. Библер специально подчеркивает, что каждая категория, отражая определенные связи объективного мира, является в то же время определенной ступенькой в процессе познания[1]. Поэтому соотношение категорий, по его мнению, должно отражать действительность в том виде, «как она последовательно «раскрывается» в процессе познания, в истории ее практического преобразования, в ходе трудовой практики человека»[2].

Руководствуясь этими правильными, по существу, по-

[1] См.: В. С. Библер. О системе категорий диалектической логики, Сталинабад, 1958, стр. 32.

[2] Там же, стр. 36.

ложениями, В. С. Библер выдвинул, однако, такую схему движения познания от одной категории к другой, которая, на наш взгляд, не соответствует ни последовательности раскрытия в процессе познания всеобщих сторон и связей, ни последовательности их использования в практической деятельности.

Начальной категорией, по мнению В. С. Библера, является категория «мир» (мир как целое). Но человеческое познание начинало свое движение не с мира (как целого), а с отдельных предметов, явлений, так или иначе связанных с жизнью людей, с удовлетворением тех или иных потребностей общества.

Автор и сам понимает, что познание начинается не с мира в целом. Он пишет: «Конечно, материальный мир как целое никогда не выступает непосредственно предметом научного познания. Ученый всегда познает данный конкретный предмет. Но чтобы познать данный предмет, необходимо учитывать как предпосылку познания, как фон познания то всеобщее материальное целое, особенной своеобразной частицей которого этот предмет является». И далее: «Конечно, и в индивидуальном познании человека (ребенка) первоначальным понятием является конкретное понятие, понятие о предмете, его признаках, но это конкретное понятие развивается и формируется в ходе обособления данного предмета от того единого, не расчлененного, диффузного целого, на фоне которого и в связи с которым предмет воспринимается»[1].

Рассуждение автора о том, что для познания предмета необходимо учитывать предпосылку, фон (мир в целом), является неубедительным. Ни древний человек, ни ребенок, ни даже современный ученый, познавая тот или иной конкретный предмет, не испытывают необходимости учитывать мир в целом. Если уж говорить о том, что человек учитывает при познании конкретного предмета, так это связь исследуемого предмета с другими окружающими его предметами и с потребностями общества.

Не соответствуя начальной ступени познания, категория мир (в целом) не соответствует и начальной ступени развития практической деятельности людей. Чело-

---

[1] В. С. Библер. О системе категорий диалектической логики, стр. 44.

век начинает свою практическую деятельность не с рассуждения о мире в целом, а с изменения тех или иных конкретных предметов с целью сделать их пригодными для удовлетворения той или иной своей потребности. «Как и всякое животное,— пишет К. Маркс, — они (люди. — *А. Ш.*) начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства)» [1].

Предложенная В. С. Библером система категорий состоит из четырех кругов. В первый круг входят категории, раскрывающие, по мнению автора, бытие материального мира как единого целого и выступающие как непосредственные предпосылки познания. Это «материальный мир и основные формы его бытия — движение, пространство, время, отражение» [2]. Во второй круг автор включает категории, которые, по его выражению, раскрывают «предмет как определенность в его внешних отношениях с окружающими предметами», т. е. представляют материальный мир как взаимодействие» [3]. К таким категориям он относит причину и следствие, свойство, признак, качество, количество, условие и т. д. В третий круг входят категории, которые, по мнению автора, характеризуют мир как процесс. К ним относятся: сущность, существование, явление, случайность, необходимость, содержание, форма. Наконец, четвертый круг составляют категории, характеризующие «процесс объективизации человеческих целей и понятий в ходе практической деятельности» [4]. В данную группу автор включает следующие категории: возможность, действительность, цель, средство, свобода и необходимость.

Распределив философские категории между указанными четырьмя кругами (или витками), автор замечает, что некоторые важнейшие категории, такие, как движение (изменение, развитие), противоречие, закон, за-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 377.

[2] В. С. Библер. О системе категорий диалектической логики, стр. 60.

[3] Там же.

[4] Там же.

кономерность, пронизывают все круги познания и конкретизируются, уточняются в каждом из них.

Не вдаваясь в конкретный анализ категорий, входящих в указанные автором четыре круга, можно заметить следующую схему движения познания от одной категории к другой. Сначала оно (познание) имеет дело с категориями, характеризующими материальный мир как целое, затем с категориями, характеризующими отдельный предмет в его внешних связях с другими предметами, потом оно переходит к категориям, отражающим мир как процесс, и наконец к категориям, связанным с объективизацией целей человека в процессе практической деятельности.

Данная схема, на наш взгляд, не отражает закономерностей исторического развития познания. Исторически, как уже указывали, познание начинается не с мира в целом, а с отдельных предметов и их взаимосвязи с человеком и с другими предметами. На основе получаемых знаний о предметах и их взаимосвязи люди ставят практические цели и объективизируют их в процессе трудовой деятельности. Обобщая свой практический опыт, они неизбежно приходят к пониманию того, что мир не является застывшим, а изменяется, движется, т. е. представляет собой процесс. Наконец, в ходе развития познания и практики, сталкиваясь со все новыми и новыми предметами и явлениями внешнего мира и открывая все новые и новые стороны и связи, люди формируют все более и более общие понятия и, оперируя ими, составляют себе представление о мире в целом.

Если все это выразить применительно к указанным выше кругам, то получится следующая картина: первым является второй круг, за ним следует четвертый, затем третий и последним идет первый.

Несколько слов о кругах. Если мы изображаем категории в виде следующих друг за другом в спиралеобразной форме кругов (витков), то, как правильно заметил П. В. Копнин[1], каждый новый виток (круг) должен повторять предшествующий на новой основе, т. е. в него должны входить те же самые категории, но с новым, более богатым содержанием. У автора же в каждый новый круг, как правило, входят новые категории, за исключением нескольких, которые проходят через все круги.

[1] См.: П. В. Копнин. Диалектика как логика. Изд-во Киевского университета, 1961, стр. 138.

Хотя познание, несомненно, развивалось кругами, в каждом из которых определенные категории принимали иной вид, их содержание изменялось, обогащалось, уточнялось (или искажалось), но при всем этом каждая категория имеет такой пункт в истории познания, где она получила наибольшее развитие. А если это так, то нет никакой необходимости рассматривать ее несколько раз (сначала применительно к одному кругу, затем к другому, к третьему и т. д.). Она должна рассматриваться в том пункте, где она получила «расцвет», где ее содержание проявилось наиболее выпукло. При таком подходе к истории развития познания круги становятся излишними и категории располагаются не по кругам, а по восходящей линии, соответствующей углублению познания в мир явлений.

Некоторые соображения по рассматриваемому вопросу имеются в книге П. В. Копнина «Диалектика как логика». Правильно считая, что последовательность категорий должна «выражать последовательность развития нашего знания о явлениях внешнего мира»[1], он данный принцип применяет не ко всем категориям, а лишь к тем, которые отражают наиболее общие законы природы и мышления. Такими категориями он, в частности, считает категории: «целое» и «часть», «единичное», «особенное» и «всеобщее», «тождество» и «различие», «причина» и «действие», «основание» и «следствие», «цель» и «средство», «сущность» и «явление», «форма» и «содержание», «закон», «необходимость» и «случайность» и др.

Указанное положение не распространяется, по мнению автора, на категории, возникающие непосредственно в связи с решением основного вопроса философии, к которым он относит: материю, взаимосвязь, взаимодействие, движение, развитие, пространство, время, отражение, психическое, сознание, мышление, и на категории, отражающие непосредственно процесс познания (истина, практика, свобода и необходимость, субъект и объект, эмпирическое и теоретическое, анализ и синтез, логическое и историческое, абстрактное и конкретное и др.).

Категории, непосредственно связанные с решением основного вопроса философии, согласно его точке зре-

[1] П. В. Копнин. Диалектика как логика, стр. 138.

ния, должны располагаться не в той последовательности, в которой они формировались в процессе развития познания, а так, чтобы логика их развития показывала возникновение сознания на определенной стадии развития материи. Он пишет: «Внутренняя логика развития категорий этого раздела (имеется в виду данная группа категорий. — *А. Ш.*) состоит в том, что в них показывается возникновение на определенной ступени сознания»[1].

Из этих рассуждений автора следует, что мы должны показать закономерности формирования и развития целого ряда категорий до возникновения сознания. Но ведь категории не могут существовать до сознания. Больше того, сознание длительное время существовало без категорий. Категории появились тогда, когда сознание достигло такой стадии в своем развитии, когда оно стало в состоянии выявлять и фиксировать всеобщие стороны и связи, являющиеся специфическим содержанием категорий.

Если мы хотим выявить логику соотношения указанных категорий, установить закономерность движения познания от одной категории к другой, мы не можем не учитывать действительные законы развития сознания и познания. А если это так, то мы не можем (не имеем права) рассматривать развитие категорий до возникновения сознания. Что касается раскрытия сущности категорий, отражающих непосредственно процесс познания, то они, по мнению автора, должны рассматриваться в связи с понятием объективной истинности мышления[2]. Нам представляется, что понятие объективной истинности мышления не является определяющим, исходным понятием, дающим возможность воспроизвести закономерности функционирования и развития познания, а вместе с этим и установить взаимосвязь между категориями, выражающими эти закономерности.

Некоторые авторы в качестве исходного начала построения системы законов и категорий диалектического материализма выдвигают закон единства и борьбы противоположностей. Данную точку зрения, например, развивает Л. Г. Воронин. Он считает закон единства и борьбы противоположностей «объективной основой ло-

---

[1] П. В. Копнин. Диалектика как логика, стр. 140—141.
[2] См. там же, стр. 141.

гических отношений между категориями»[1]. По его мнению, «все категории материалистической диалектики вступают во взаимодействие между собой прежде всего как взаимопроникающие и взаимоисключающие друг друга противоположности»[2].

Данное утверждение, на наш взгляд, не является правильным. Далеко не все категории связаны между собой как взаимоисключающие и взаимопроникающие противоположности. Не находятся в такой связи, например, категории: «качество», «содержание», «сущность», «необходимость», «закон», «общее», «причинность» и т. д. Как взаимоисключающие противоположности соотносятся между собой лишь парные категории. Лишь применительно к соотношению одной парной категории с другой закон единства и борьбы противоположностей выступает в роли объективной основы логической связи. Не случайно поэтому автор, анализируя взаимосвязь категорий, не показал, как на основе единства и борьбы противоположностей осуществляется переход от одной пары категорий к другой. Хотя он и пытается представить «полярность» как форму связи, в которой находятся «почти все категории», но его рассуждения касаются только соотношения одной парной категории с другой.

Будучи всеобщей формой связи одной парной категории с другой, «полярность» не всегда имеет место в соотношении отдельных пар и непарных категорий. Поэтому, опираясь только на эту форму связи и на «троичность», в которую в отдельных случаях, в частности применительно к категориям качества, количества и меры, развивается «полярность», нельзя разработать системы законов и категорий диалектического материализма.

Несколько по-иному представляет разработку системы законов и категорий диалектического материализма исходя из закона единства и борьбы противоположностей В. В. Мельников. Согласно его точке зрения, закон единства и борьбы противоположностей лежит в основе всей системы законов. На базе этого закона осуществляется взаимосвязь и взаимодействие основных законов диалектики — закона перехода количественных изменений в качественные и закона отрицания отрицания, кото-

[1] Л. Г. Воронин. Некоторые формы логической взаимосвязи категорий материалистической диалектики. «Ученые записки Шахтинского госпединститута», т. 3, вып. 1, 1959, стр. 159.

[2] Там же, стр. 160.

рые выступают как особые случаи проявления единства противоположностей.

Будучи между собой связанными, эти законы диалектики, по мнению автора, лежат в основе связи и взаимозависимости всех других законов диалектики, в результате чего последние «представляют собой обобщение и конкретизацию совокупного действия основных законов диалектики». Из этого автор делает вывод о том, что в изложении диалектики необходимо идти от закона единства и борьбы противоположностей к другим двум основным законам, а затем в свете этих трех законов анализировать неосновные законы и категории диалектики[1].

Предлагаемый В. В. Мельниковым путь выявления взаимосвязи законов и категорий диалектического материализма не способен привести к положительному решению проблемы. Исходя из закона единства и борьбы противоположностей нельзя установить взаимосвязи между основными законами диалектики, поскольку он не содержит в себе принципа перехода от одного закона к другому. По этой же причине и основные законы диалектики не могут служить основой выявления взаимосвязи между неосновными законами и категориями. Хотя в содержании неосновных законов и категорий диалектики так или иначе проявляются основные законы, анализ этого содержания в свете основных законов не способен установить перехода от одних законов и категорий диалектики к другим, поскольку основные законы диалектики не определяют последовательности такого перехода, а без этого нельзя создать логически стройной системы законов и категорий диалектики.

Несколько иное решение проблемы соотношения категорий предлагает А. Поликаров[2]. Он в качестве исходного принципа построения системы категорий выдвигает все законы диалектического материализма, которые, по его мнению, определяют взаимосвязи и взаимопереходы категорий. Мысль автора об органической связи категорий с законами, о необходимости учета этого обстоятельства при разработке системы категорий является правильной. Однако выдвинутый автором принцип

---

[1] См.: В. В. Мельников. Единство и борьба противоположностей как ядро, суть материалистической диалектики. «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои», новая серия, вып. № 122, 1963, стр. 37—43.

[2] См.: А. Поликаров. Материя и познание. София, 1961.

в настоящее время не позволяет решить рассматриваемую проблему. Он сможет играть определяющую роль при разработке системы категорий лишь в том случае, если будет решена проблема взаимосвязи законов философской науки, а она пока еще не решена.

В онтологическом плане пытается решить проблему взаимосвязи категорий диалектического материализма П. Д. Сеитов. По его мнению, следование одной категории за другой в системе диалектического материализма должно соответствовать последовательности появления отражаемых этими категориями объективных сторон и связей внешнего мира. Правда, он оговаривается, что имеет в виду не вообще появление тех или иных всеобщих сторон или связей, а появление их у данного конкретного предмета. Когда говорится, пишет он, о последовательности в возникновении общих сторон отдельных вещей и явлений, имеется в виду не возникновение пространства вообще, качества вообще. Эти всеобщие стороны объективной реальности существовали до возникновения отдельно взятого предмета или явления и будут существовать после его исчезновения. Здесь речь идет о возникновении новых качественных определенностей, новых пространственных отношений и т. д., выражающих различные ступени развития отдельных предметов и явлений [1].

Рассматривая развитие отдельного предмета, автор выделяет три стадии: (1) возникновение явления, (2) дифференциация частей внутри явления, развертывание внутренних взаимоотношений между этими частями и превращение явления в систему; (3) функционирование и проявление сторон и свойств предмета в качестве целостной системы. Соответственно этим стадиям развития предмета он пытается распределить категории диалектического материализма.

В качестве исходной категории системы он выдвигает категорию материи и обосновывает это тем, что якобы появлению всякого конкретного явления предшествует существование объективной действительности, из которой он впоследствии возникает и которую можно рассматривать в качестве неопределенной материи. «Самый первоначальный и самый общий подход при рассмотрении общих сторон развития вещей и явлений, — пишет он,—

[1] См.: П. Д. Сеитов. Об объективной основе систематизации категорий. «Вестник Московского университета», 1963, № 6, стр. 75.

заключается в признании того, что это развитие совершается вне и независимо от нашего сознания. Это первоначальное определение развития вещей как материального процесса есть самое общее недифференцированное рассмотрение объекта познания. Такое рассмотрение соответствует исходному этапу развития вещей, процессов, когда явление еще не существует, а есть лишь объективная реальность, из которой в силу определенных сложившихся условий возникает данное явление, когда явление существует лишь как возможность»[1].

Что касается того, что существованию всякого явления предшествует существование объективной реальности, из которой оно возникает, то это верно. Но эта объективная реальность не представляет собой недифференцированной, неопределенной массы, а дифференцированна и определенна, является совокупностью конкретных материальных образований, способных при определенных условиях породить то или иное явление. Существуя в виде совокупности конкретных материальных образований, эта объективная реальность обладает качественными и количественными характеристиками, имеет определенные пространственные и временные соотношения, соответствующую форму и содержание, представляет собой единство сущности и явления, необходимого и случайного. Другими словами, она обладает всеми всеобщими сторонами и связями, отражающимися в философских категориях. Поэтому весьма наивным представляется заявление автора о том, что эту объективную реальность мы должны рассматривать по отношению к возникающему явлению лишь как недифференцированное, неопределенное бытие—материю, а появление явления — как обособление, становление определенного конкретного бытия. Появление нового явления есть не дифференциация недифференцированной объективной реальности, не возникновение определенного бытия из неопределенного, а превращение одного определенного бытия в другое определенное бытие. А если это так, то при рассмотрении этого процесса мы должны идти не от недифференцированной, неопределенной объективной реальности к дифференцированному определенному бытию, а от исследования одной дифференцированной, определенной реальности к исследованию

[1] П. Д. Сеитов. Об объективной основе систематизации категорий, стр. 76.

другой, возникающей на ее основе определенной реальности. Другими словами, мы должны столкнуться прежде всего не с материей вообще, а с качественно определенной материей, с качественными характеристиками, взаимосвязью и изменением конкретных вещей и явлений.

Мы здесь вовсе не хотим сказать, что исследование системы категорий не надо начинать с категорий материи и сознания (его нужно начинать именно с этих категорий). Мы здесь возражаем лишь против обоснования автором данного исходного начала, против его попытки представить дело так, что применительно к отдельному явлению сначала существует лишь объективная реальность как всеобщая характеристика бытия, а затем начинают появляться другие всеобщие характеристики.

Категории «материя» и «сознание», таким образом, связываются автором с периодом, предшествующим возникновению предмета. С периодом же возникновения вещи он связывает категории «движение», «количество», «качество», «мера», «пространство», «время»; с периодом превращения явления в систему — категории: «взаимосвязь», «сущность» и «явление», «форма» и «содержание», «причина» и «следствие», «необходимость» и «случайность», «закон», «возможность» и «действительность»; с периодом существования предмета как целостной системы — категории: «общее», «отдельное», «абстрактное», «конкретное», «историческое», «логическое»[1].

По автору, получается, что при возникновении всякого нового явления, предмета сначала появляется движение, качество, количество и мера, затем пространственные и временные характеристики. Никаких других всеобщих характеристик предмет на этой стадии развития не имеет. Только на следующей стадии, когда он начинает дифференцироваться на части, у него начинают появляться сущность, явление, причина, следствие, необходимые и случайные стороны и связи и т. д. А когда полностью осуществится его дифференциация, когда его «объективное содержание развернется во всей своей полноте и конкретности», у него появится отдельное и общее, конкретное и абстрактное и т. д.

Нетрудно заметить, что все эти рассуждения не име-

[1] См.: П. Д. Сентов. Об объективной основе систематизации категорий, стр. 77—78.

ют под собой никакой реальной почвы, ни в какой части не отражают действительного положения вещей. В действительности нет и не может быть такого положения, когда какая-либо форма бытия, имея качество и количество, не имела бы сущности и явления, формы и содержания, находясь в движении, не была бы связана с той или иной причиной, не была единством действительности и возможности, необходимости и случайности, единичного и общего и т. д. С появлением любого предмета, процесса у него возникают, формируются не только качество и количество, пространственные и временные характеристики, но и сущность, содержание и форма, единичные и общие черты, свойства, он обязательно представляет собой следствие каких-либо причин, подчиняется тем или иным законам и т. д. Одним словом, у него сразу начинают формироваться все всеобщие стороны и связи. И с переходом его на новые стадии развития имеет место не возникновение, а дальнейшее развитие всех возникших с появлением материального образования всеобщих сторон и связей.

Обосновывая свою точку зрения, автор ссылается на «Капитал» Маркса, где соотношение экономических категорий определяется последовательностью появления отражаемых ими экономических явлений и связей, и упрекает нас в том, что мы не придаем решающего значения примененным Марксом в «Капитале» принципам построения системы экономических категорий при разработке системы категорий диалектического материализма[1].

Что касается значения разработанных Марксом в «Капитале» принципов построения системы категорий для решения проблемы взаимосвязи категорий диалектического материализма, то оно несомненно велико. Не руководствуясь ими, мы не сможем создать системы философских категорий. Но руководствоваться ими надо умело, творчески, учитывая специфику исследуемого объекта. Ничего подобного не наблюдается в рассуждениях автора. Он механически переносит способ решения проблемы взаимосвязи понятий частной науки на решение проблемы взаимосвязи всеобщих понятий — философских категорий. Между тем специфика объекта философского исследования настолько велика, что этот способ решения проблемы просто неприемлем.

---

[1] См.: П. Д. Сеитов. Об объективной основе систематизации категорий, стр. 21—24.

В самом деле, объектом политической экономии является конкретное целое — капиталистическая общественно-экономическая формация, которая существует не вечно, но возникает при соответствующих условиях, проходит определенные стадии формирования, развития и затем функционирует как зрелая, развернувшая все свои возможности система. В ходе формирования, развития этой системы в определенной последовательности возникают соответствующие стороны и связи, составляющие в совокупности ее сущность. Применительно к такому целому вполне правомерно и необходимо так строить систему категорий, чтобы их соотношение отражало последовательность появления и формирования отражаемых ими сторон и связей исследуемого целого.

Объектом же философского исследования являются всеобщие стороны и связи объективной действительности, всеобщие условия и формы бытия. Они никогда не возникали, а существуют вечно. Они присущи всем материальным образованиям, на какой бы стадии существования или развития они ни находились. И если это так, то нельзя говорить ни о какой последовательности их появления ни у материи в целом, ни у отдельного возникающего и развивающегося материального образования, ибо с возникновением всякого материального образования возникают все всеобщие стороны и связи, отражаемые философскими категориями, и в ходе его изменения, развития все они сразу (а не в определенной последовательности) изменяются, развиваются.

Все это делает невозможным строить систему философских категорий аналогично тому, как мы ее строим применительно к объекту исследования той или иной специальной, частной науки.

Нас могут спросить: «Значит метод построения системы категорий, разработанный Марксом в «Капитале», неприменим к категориям диалектического материализма?». Нет. Применим. Но не так, как его применил П. Д. Сеитов,—не механически. И здесь, в философии, мы должны поставить категории в такое соотношение, которое отражало бы последовательность появления и развития того содержания, которое в них выражено, т. е. последовательность овладения человеком всеобщими сторонами и связями действительности, всеобщими формами бытия.

Ну а как же быть с объективной основой соотношения философских категорий?

Что касается объективной основы взаимосвязи категорий в диалектическом материализме, то она несомненно есть, но она заключается не в последовательности появления всеобщих сторон и связей у развивающегося материального образования, а в необходимой взаимосвязи и взаимозависимости этих одновременно появляющихся и существующих в нем всеобщих сторон и отношений и должна учитываться при построении системы категорий диалектического материализма.

Определенный взгляд на решение проблемы взаимосвязи категорий диалектического материализма высказал А. Е. Фурман в своей книге «Материалистическая диалектика». По его мнению, исходными категориями разработки системы должны быть категории «материя» и «материальная система», лишь в связи с этими категориями и через них, утверждает он, могут быть наиболее полно выражены все остальные категории[1].

Мы уже указывали, что выдвижение в качестве исходной категории материи является вполне правомерным делом, ибо она связана с решением основного вопроса философии, что́ должно предшествовать построению системы категорий. Но в таком случае второй категорией должна быть не «система», а «сознание». Автор же совершенно игнорирует понятие сознания и пытается строить систему категорий вне взаимодействия материи и сознания. Такой путь, на наш взгляд, не может привести к положительному решению проблемы. Дальнейшее содержание книги автора достаточно убедительно свидетельствует об этом: хотя в качестве исходного понятия он взял «систему», никакой системы категорий у него не получилось. Категории в его книге рассматриваются одна рядом с другой, вне какой-либо взаимосвязи и взаимозависимости. Автор даже не пытается выявить эту связь.

Какие же принципы должны лежать в основе построения системы категорий диалектического материализма и какие категории должны быть исходными в системе? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать в следующей главе.

---

[1] См.: А. Фурман. Материалистическая диалектика. Изд-во МГУ, 1969, стр. 6.

II. ОБ ИСХОДНОМ НАЧАЛЕ И ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ

Основные принципы построения системы категорий сформулированы и успешно применены К. Марксом в «Капитале», поэтому рассмотрение вопроса об исходном начале и принципах исследования взаимосвязи философских категорий целесообразно начать с анализа решения проблемы Марксом применительно к экономической науке.

1. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ В «КАПИТАЛЕ» МАРКСА

В качестве одного из принципов, примененных Марксом в «Капитале» при разработке системы категорий политической экономии, является принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Маркс начинает исследование капиталистической общественно-экономической формации не с анализа ее как целого, а с анализа всеобщих простейших сторон и отношений, характеризующих эту формацию, т. е. не с конкретного, а с абстрактного. Начать анализ с конкретного, значит обречь себя на длительное блуждание в рамках хаотического представления о целом, в котором теряется специфика составляющих его сторон. Выявление же этой специфики неизбежно приведет к расчленению исследуемого целого на отдельные стороны, выделению отдельных его свойств и отношений и выражению их в соответствующих абстрактных понятиях, которые здесь будут располагаться одно рядом с другим. Нетрудно понять, что, ведя исследование таким путем, мы не сможем создать системы понятий, в которой каждое из них занимало бы свое строго определенное место и было бы необходимым образом связано с другими понятиями. В системе понятия должны выводиться одно из другого, здесь же они выводились бы одно независимо от другого и в своей совокупности дали бы нам не диалектическое единство, а механическое сочетание. Попытка выявления взаимо-

связи между указанными понятиями неизбежно привела бы нас к необходимости отправиться в обратный путь. И мы через теоретическое осмысление отражаемых в этих понятиях сторон рассматриваемого целого, которое витало бы «в нашем представлении как предпосылка»[1], должны были переходить к все более и более конкретным понятиям, пока не охватили бы всех сторон и связей исследуемого объекта и не свели бы в систему эти понятия.

«Кажется правильным, — писал по данному поводу Маркс, — начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население—это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. ...Таким образом, — продолжает Маркс, — если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»[2].

Поэтому Маркс считает более правильным в научном отношении исследование категорий, отражающих то или иное конкретное целое, методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Здесь следует отметить, что если применительно к исследованию того или иного конкретного целого при определенных условиях возможно и необходимо использование принципа восхождения от конкретного к абстрактному (мы, в частности, имеем в виду начальную стадию

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 728.

[2] Там же, стр. 726.

познания, когда человек впервые сталкивается с объектом и в ходе его исследования вынужден анализировать отдельные стороны и связи), то применительно к исследованию категорий, связанных с той или иной областью действительности, принцип восхождения от конкретного к абстрактному использовать вообще нельзя. Ибо сам факт существования соответствующих категорий и появления потребности установления между ними взаимосвязи, т. е. сведения их в систему, свидетельствует о том, что познание объекта, с которым связаны данные категории, достигло в своем развитии такой ступени, когда отдельные его (объекта) стороны и связи осмыслены и выражены в соответствующих абстрактных понятиях и определениях, т. е. стадия движения познания от чувственно конкретного к абстрактному в данной области является пройденной.

Кстати, эта стадия развития познания в политической экономии была пройдена к тому времени, когда Маркс приступил к исследованию капиталистических производственных отношений. В частности, были проанализированы и выражены в соответствующих понятиях такие стороны экономической жизни капиталистического общества, как труд, стоимость, обмен, деньги, прибыль и т. д. Все это создавало реальную возможность разработки системы категорий политической экономии путем восхождения от абстрактного к конкретному. Не случайно поэтому еще до Маркса предпринимались попытки теоретического осмысления экономических явлений на пути движения мысли от абстрактного к конкретному. Маркс специально указывает на это в своей работе «К критике политической экономии». «Экономисты XVII столетия, например, — пишет он, — всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость — к государству, международному обмену и мировому рынку»[1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 726—727.

Учитывая данное обстоятельство, Маркс, естественно, не мог взять в качестве исходного принципа исследования экономики капиталистического общества восхождение от чувственного конкретного к абстрактному, ибо на данной стадии познания экономических явлений единственно правильным в научном отношении было исследование путем восхождения от абстрактного к конкретному.

Другим важнейшим принципом разработки системы категорий политической экономии капитализма, примененным Марксом в «Капитале», является принцип единства исторического и логического.

На первый взгляд может показаться, что применение принципа восхождения от абстрактного к конкретному исключает принцип единства исторического и логического. В самом деле, первый из них предполагает вести исследование начиная с простейших всеобщих абстрактных определений, отражающих ту или иную сторону рассматриваемого целого, и в ходе теоретического анализа идти к конкретному реальному целому, воспроизводя все его стороны и связи в системе абстрактных понятий и определений. Второй предполагает начинать исследование с конкретного реального целого и прослеживать его историю, воспроизводя в системе понятий его необходимые моменты движения и развития.

Однако противоречия здесь никакого нет. Маркс начинает исследование с абстрактного, с категории товара, отражающей лишь одну всеобщую сторону капиталистического общества, одно простейшее отношение его экономической жизни. Но он не ограничивается анализом абстрактного понятия товара, а исследует отражаемое им реальное товарное отношение, беря его в том виде, как оно существует в действительности, т. е. как конкретное явление. Рассматривая товарное отношение как реальное конкретное явление, Маркс определяет условия его появления, функционирования и развития. Прослеживая развитие товарных отношений, он показывает обусловленное этим развитием изменение определенных сторон экономической жизни, появление определенных явлений и связанных с ними понятий, категорий.

Так, например, прослеживая развитие товарных отношений, Маркс выявляет различные формы стоимости. Он показывает, что на первой, начальной стадии развития товарных отношений, когда товарный обмен явля-

ется еще в значительной степени случайным явлением имеет место простая, или единичная, форма стоимости. В данном случае один товар выражает свою стоимость только в каком-либо другом товаре и таким образом обнаруживает свое сходство и различие только по отношению к этому единичному товару, но он не может выразить своей «качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами»[1]. Однако по мере того как обменные функции становятся все более и более частым явлением, один и тот же товар начинает вступать в обменные отношения с разными товарами, в связи с чем у него появляется возможность выразить свою стоимость не в одном данном товаре, а во многих, число которых практически определяется числом участвующих в обмене товаров. Данное обстоятельство обусловливает превращение единичной формы стоимости в особенную, или развернутую, форму стоимости. Дальнейшее развитие товарных отношений приводит к тому, что из всей массы различных товаров выделяется какой-либо один, на который начинают обмениваться все другие и который начинает выступать в роли посредника при обмене последних. Все другие товары теперь выражают свою стоимость не непосредственно друг через друга, а через этот товар. Он превращается во всеобщий эквивалент, а вместе с этим и в деньги. С превращением того или иного товара во всеобщий эквивалент развернутая, или особенная, форма стоимости превращается во всеобщую.

Переход от простой (единичной) формы стоимости к развернутой (особенной), а затем к всеобщей и вместе с ней к деньгам у Маркса, таким образом, соответствует действительному процессу развития товарных отношений. Имея в виду этот действительный процесс изменения формы стоимости, Маркс, однако, не следует слепо за ним, не ограничивается его описанием, а, используя его как ориентир в своем исследовании, выводит указанные формы стоимости логическим путем.

В самом деле, давая характеристику простой формы стоимости, Маркс ничего не говорит о случайном характере обменных отношений, с которыми связана эти фор-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 71.

ма стоимости, а объясняет ее, исходя из стоимостного отношения одного товара к другому[1].

Маркс берет стоимостное отношение товара А к товару В и показывает, что в пределах этого отношения натуральная форма товара А служит лишь образом потребительной стоимости, заключающейся в этом товаре, а натуральная форма товара В — лишь образом стоимости товара А. Это свидетельствует о том, что скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается в процессе обмена одного товара на другой через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость которого выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Эта форма проявления заключающейся в товаре противоположности потребительной стоимости и стоимости и есть, по Марксу, простая форма стоимости[2].

Указав на то, что простая форма стоимости связана с обменом лишь одного единичного товара на какой-либо другой единичный товар, Маркс показывает, как из этой формы логически следует другая, развернутая форма. «Хотя посредством единичной формы стоимость одного товара А выражается лишь в одном товаре другого вида, — рассуждает он, — однако при этом совершенно безразлично, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с тем, то с другим видом товара, возникают различные простые выражения его стоимости. ...Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости...»[3], т. е. в развернутую форму стоимости.

В развернутой форме стоимости стоимость одного и того же товара выражается в множестве других товаров. Но это означает, что каждый из этих других товаров может выразить свою стоимость в первом, и тогда этот послед-

---

[1] «Простая форма стоимости товара,— пишет он,— заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 70).

[2] См.: Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 71.

[3] Там же, стр. 72.

ний станет всеобщей формой выражения всех других товаров. «Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща»[1]. Так путем простого обращения уравнения развернутая форма стоимости превращается во всеобщую.

Итак, хотя переход от категории «простая форма стоимости» к категориям «развернутая», «всеобщая» формы стоимости и «деньги» в «Капитале» Маркса отражает действительную историю развития товарных отношений, он осуществлен логически. Историческое и логическое у Маркса, таким образом, находятся в органической связи, в диалектическом единстве.

Говоря о единстве исторического и логического в «Капитале», следует указать, что в рамках этого единства определяющую роль играет логическое. Переход от одного экономического явления к другому и соответственно от одной категории к другой в нем осуществляется, как правило, вследствие воспроизведения внутренней логики исследуемого процесса на основе раскрытия свойственных ему законов. При этом сам процесс берется в чистом виде. Что же касается реального исторического процесса, то он хотя и постоянно витает, по словам Маркса, в сознании исследователя, но указания на него делаются лишь мимоходом, как это мы видели в случае анализа форм стоимости. А если он и подвергается специальному рассмотрению, то только после завершения логического анализа соответствующего явления.

Наглядным примером последнего может служить исследование Марксом процесса накопления капитала. Маркс сначала исследует этот процесс в чистом виде и показывает, что капиталистический процесс производства самим своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда и превращает всякий капитал в накопленный[2]. Только после того как Маркс раскрыл законы капиталистического накопления и на их основе показал постоянное воспроизводство капиталистических отношений — капиталиста, на одной стороне, и наемного рабочего, на другой, — он приступил к рассмотрению исторического процесса накопления капита-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 75.
[2] См. там же, стр. 589—591.

ла, который, естественно, представляет собой и процесс возникновения капитала. Исходным пунктом этого исследования у Маркса, таким образом, являются законы процесса накопления капитала, осуществляющегося на своей собственной капиталистической основе, т. е. законы, открытые им при рассмотрении явления в зрелом состоянии. Маркс показывает, что, согласно этим законам, накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, за счет которой происходит накопление, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей, т. е опять накопление капитала. Получается порочный круг, из которого нельзя выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление некапиталистическое, которое должно быть не результатом капиталистического способа производства, а его предпосылкой, одним из его необходимых условий. Но сами по себе, указывает Маркс, деньги и товары никогда не способны превратиться в капитал, в каком бы количестве они ни накапливались. Для этого необходимы соответствующие условия, в частности, чтобы собственник денег, средств производства и жизненных средств нашел на рынке продавцов своей рабочей силы — свободных, т. е. не владеющих средствами производства, рабочих. И если это так, то, делает вывод Маркс, процесс первоначального накопления капитала, процесс, создающий капиталистические отношения, не может быть не чем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей в наемных рабочих[1].

Определив эти исходные положения, Маркс приступает к анализу конкретного процесса отделения работника от средств производства и накопления денег в отдельных руках, как он происходил в Англии. Исторический анализ, произведенный в свете результатов предшествующего ему логического анализа рассматриваемого процесса, доказывая истинность сделанных в ходе логического анализа выводов, позволил Марксу вы-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 725—727.

явить историческую тенденцию капиталистического накопления, приводящую в конечном счете к гибели капиталистического способа производства и установлению социалистических производственных отношений.

Все это свидетельствует о том, что логическое в методе Маркса, примененном в «Капитале», не только не исключает исторического подхода к исследуемому явлению, но, наоборот, предполагает его, ибо «при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»[1].

Итак, руководящими принципами разработки системы категорий в «Капитале» Маркса являются: 1) восхождение от абстрактного к конкретному и 2) единство исторического и логического.

2. ОБ ИСХОДНОМ НАЧАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ В «КАПИТАЛЕ»

Как известно, успешное решение проблемы взаимосвязи категорий существенным образом зависит от выбора исходного начала, исходных категорий, которые позволили бы в процессе их анализа осуществить переход от одной категории к другой и тем самым выявить закономерности их взаимосвязи, а через них и закономерности взаимосвязи отражаемых ими сторон исследуемого объекта. Маркс придавал исключительно большое значение этому вопросу. Он специально исследует его в своей работе «К критике политической экономии».

Итак, как же Маркс решает вопрос об исходном начале исследования категорий капиталистической политической экономии?

Казалось, указывает Маркс, более естественным начинать исследование с категорий, отражающих самые простейшие и всеобщие отношения объекта, играющие важнейшую роль на всех стадиях его существования и развития. Например, применительно к политической экономии весьма естественным кажется начать с земельной ренты или с земельной собственности, так как она связана с землей, являющейся источником всякого производства, и с земледелием, этой первоначальной

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 499.

формой производства. Однако такое мнение ошибочно. «Каждая форма общества, — продолжает Маркс, — имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных...»[1].

И если это так, то роль земельной собственности и земледелия в различных обществах будет неодинакова. Она будет зависеть от господствующего в обществе способа производства и целого ряда других факторов. Маркс, в частности, приводит пример с пастушескими народами, у которых земледелие встречается спорадически. У них земельная собственность коллективна. У народов же с оседлым земледелием, где земледелие преобладает (античное и феодальное общества), общество или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принцип организации земледелия в города и в городские отношения. По-иному обстоит дело в буржуазном обществе. Здесь земледелие попадает под господство капитала. Аналогичным образом, говорит Маркс, обстоит дело и с земельной рентой в капиталистическом обществе. Здесь она «не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты»[2].

Таким образом, исследование экономики капиталистического общества начинать с земельной собственности и с земледелия нельзя. Опираясь на них, нельзя раскрыть сущности этого общества, нельзя объяснить свойственных ему специфических явлений. Ибо земельная собственность и земледелие не определяют природу капиталистического способа производства, господствующих в нем отношений между людьми. Наоборот, состояние их самих существенным образом зависит от капиталистического способа производства, который определяет их место и направление развития. Земельная собственность и земледелие могли бы выступить в роли исходного начала исследования экономики феодального общества, где они играли определяющую роль и так или иначе накладывали определенный отпечаток на все стороны общественной жизни.

Значит, по Марксу, начинать надо не с тех катего-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.
[2] Там же.

рий, которые связаны с всеобщими и простейшими отношениями, свойственными всем стадиям существования объекта, а с тех, которые отражают определяющие, основные на данной стадии его развития отношения, отношения, обусловливающие сущность данной специфической формы его бытия и составляющие то «общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях», тот «особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»[1]. Применительно к капиталистическому обществу таким определяющим фактором является капитал. Именно он определяет сущность капиталистической общественно-экономической формации, специфику и направление развития всех свойственных ей явлений. Поэтому именно он должен быть исходным началом исследования экономики буржуазного общества. «Капитал, — пишет Маркс, — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности»[2].

Но если в качестве исходных необходимо брать категории, связанные с определяющим, основным фактором (отношением) исследуемого целого, то как быть с принципом единства исторического и логического, которым мы тоже должны руководствоваться при выявлении соотношения категорий? Этот принцип обязывает начинать исследование с исторически первого, с категорий, отражающих это исторически первое, и в переходе от одной категории к другой воспроизводить действительную историю объекта. «С чего начинает история, — пишет Энгельс по поводу метода, основывающегося на единстве исторического и логического, — с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...»[3].

Итак, как же согласовать эти два положения? С чего

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 733.
[2] Там же, стр. 733—734.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

же, в самом деле, начинать: с исторически первого или с основного, определяющего? И далее, что воспроизводить в движении мысли от одной категории к другой: необходимые исторические связи между отражаемыми сторонами или связи, установившиеся между ними на данной стадии развития объекта, в данных условиях его существования?

В приведенной выше цитате Энгельса, взятой из работы, посвященной анализу метода Маркса, примененного в «Капитале», ясно выражена мысль о том, что начинать исследование надо с исторически первого и в движении мысли от одной категории к другой отражать закономерности развития действительного исторического процесса. Сам же Маркс высказывается как будто за второе. Он рекомендует начинать не с исторически первого, а с определяющего, основного, и в движении мысли считает необходимым воспроизводить не историческую последовательность появления тех или иных явлений, а их действительное соотношение в исследуемом целом.

«... Было бы недопустимым и ошибочным, — указывает он, — брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет, — добавляет он, — не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» (*Прудон*), этом извращенном представлении исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества» [1].

Может показаться, что Маркс и Энгельс расходятся между собой во взглядах на исходное начало исследования объекта, на исходные категории построения системы. Однако это далеко не так. Маркс и Энгельс развивают здесь одну и ту же точку зрения, но подчеркивают различные стороны в рассматриваемом вопросе.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 734.

Энгельс, делая упор на принцип единства исторического и логического, доказывает необходимость воспроизведения в системе абстрактных понятий необходимых соотношений в развитии исследуемого объекта. Только в этой связи он и касается исходного начала. Но, рассматривая исходное начало в свете единства исторического и логического, мы неизбежно придем к тому, что исследование того или иного целого нужно начинать с того, с чего начинает история. У Маркса же в центре внимания находится вопрос об исходном начале, о критериях его выделения, и только в связи с этим последним он касается исторической последовательности появления понятий, отражающих рассматриваемое целое. Определяя важнейший признак исходного начала, исходных отношений, Маркс, естественно, подчеркивает, что им не является свойство быть исторически первым. Исходными отношениями, по Марксу, могут быть лишь такие стороны, отношения, которые являются основными, определяющими.

Но эти исходные стороны (отношения), будучи определяющими в исследуемом целом, неизбежно должны выступать как исторически первые по отношению к другим сторонам и связям этого целого, поскольку последние как моменты специфической сущности данного целого сформировались под непосредственным определяющим воздействием этих сторон (отношений), т. е. после них. Другими словами, определяющие стороны по отношению ко всем другим сторонам данного целого будут всегда исторически первыми, но не все исторически первое является определяющим. Поэтому в качестве критерия исходного начала, исходных сторон (отношений) выдвигается Марксом не свойство быть исторически первым, а свойство быть определяющим в рассматриваемом образовании.

Если это так, если определяющее является всегда исторически первым по отношению к сторонам и связям, составляющим сущность данного целого, то, взяв связанные с ним категории за исходные, мы сможем переходить в процессе исследования этого целого от одной категории к другой, опираясь на принцип единства исторического и логического, т. е. воспроизвести действительный процесс становления этого целого, а вместе с ним и процесс формирования данной взаимосвязи между его сторонами.

Именно так и поступил Маркс в исследовании кате-

горий капиталистической политической экономии. В качестве исходной клеточки капиталистического общества он взял товар, товарное отношение, которое здесь является основным, определяющим. В ходе анализа товара Маркс вскрывает в нем противоположные стороны — потребительную стоимость и стоимость, взаимодействие которых составляет противоречие, обусловливающее движение товара и возникновение в ходе этого движения отношений между различными товарами, в которых противоречие, свойственное каждому из них, развертывается в противоречие между различными товарами, каждый из которых выражает свою стоимость в потребительной стоимости другого.

Прослеживая развитие товарных отношений и свойственного им противоречия, Маркс выявляет различные формы стоимости и соответственно переходит от категорий, связанных с товаром, к категориям, связанным с указанными формами, а затем и к категории «деньги». Анализ развития товарно-денежных отношений приводит Маркса к выявлению, с одной стороны, тенденции концентрации денег в руках отдельных лиц, с другой — тенденции вовлечения в сферу товарно-денежных отношений рабочей силы, превращения ее в товар, а вместе с этим и к установлению необходимых предпосылок возникновения капитала. Дальнейший анализ вскрывает закономерности функционирования капитала, производства прибавочной стоимости, а вместе с этим и взаимосвязь отражающих эти закономерности экономических категорий. Раскрыв внутренние законы функционирования и развития капитала, процесса самовозрастания стоимости, Маркс показывает, как производимая масса прибавочной стоимости в виде средней прибыли на вложенный капитал распределяется между различными капиталистами, принимая форму ссудного процента, предпринимательского дохода, торговой прибыли, ренты и т. д.

Устанавливаемое в ходе этого анализа соотношение категорий отражает действительный исторический процесс возникновения, функционирования и развития капитала, взятый в чистом, т. е. очищенном от исторических случайностей, виде. Подчеркивая необходимость соответствия движения мысли от одной категории к другой движению действительного исторического процесса согласно примененному Марксом в «Капитале» методу,

Энгельс писал: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развивать...» [1].

Воспроизведение в движении мысли от одной категории к другой действительного исторического процесса возникновения, функционирования и развития исследуемого целого, совершающегося на основе развития и разрешения свойственных ему противоречий (т. е. диалектическое единство исторического и логического в теоретическом овладении объектом), В. И. Ленин считал важнейшей чертой метода Маркса, примененного в «Капитале». «У Маркса в "Капитале", — указывал он, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (сумме. — *А. Ш.*) его отдельных частей, от его начала до его конца» [2].

Итак, в качестве исходного начала исследования

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497—498.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

взаимосвязи категорий капиталистической политической экономии Маркс выдвигает категории, выражающие всеобщее определяющее отношение капиталистического общества — обмен товаров, которое является исторически первым по отношению ко всем другим сторонам и связям, характеризующим специфическую сущность этого общества. В ходе анализа этих категорий и отражаемого ими отношения Маркс раскрывает свойственные им противоречия и, прослеживая развитие и разрешение последних, переходит от одной обусловливаемой этим развитием стороны капиталистического общества и соответствующих ей категорий к другим. В результате устанавливается такое соотношение категорий, которое выражает в снятом виде обусловленное развитием определяющего отношения формирование (появление или изменение) отражаемых этими категориями сторон рассматриваемого целого и их необходимую взаимосвязь в этом целом.

Здесь мы говорили о принципах исследования взаимосвязи экономических категорий. Но применимы ли эти принципы к исследованию философских категорий, в частности, категорий диалектики? Нам думается, применимы. На эту сторону дела специально обратил внимание В. И. Ленин. Давая характеристику метода «Капитала», он прямо заявил о том, что «таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще...»[1].

В самом деле, разработка системы категорий диалектики не может осуществляться иначе, как путем восхождения от абстрактного к конкретному, начиная с простейших категорий и переходя к все более и более конкретным. Далее, исходными категориями и здесь должны быть те категории, которые отражают основные всеобщие стороны и связи исследуемого объекта, но применительно к философской науке все эти принципы действуют в иной, специфической форме. Рассмотрим все это конкретно.

3. ОБ ИСХОДНОМ НАЧАЛЕ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

На первый взгляд может показаться, что определение исходных понятий при разработке системы ка-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

тегорий диалектического материализма не должно представлять большого труда, поскольку у Маркса, как мы видели, есть довольно четкое указание на то, что исследование объекта необходимо начинать с основной, определяющей стороны или отношения. Значит, при исследовании философских категорий необходимо начинать с таких категорий, которые отражают основную, определяющую сторону или отношение. Однако в действительности все это обстоит не так просто. Например, как быть, когда выявляется, что основных, определяющих сторон или отношений не одна, а несколько, и они относятся к различным областям?

У Маркса по этому поводу никаких указаний нет. А при исследовании категорий создается именно такое положение. В самом деле, в любой философии, а значит, и в диалектическом материализме, имеется основной вопрос — вопрос об отношении мышления к бытию, — определенное решение которого накладывает свой отпечаток на решение всех других философских проблем и в конечном счете определяет характер философии, ее существо. Если это так, то категории, связанные с этим вопросом, в частности категории материи и сознания, неизбежно должны быть отнесены к основным, определяющим, и исследование должно начинаться с них. Но диалектический материализм изучает не только закономерности взаимосвязи материи и сознания, но и всеобщие формы бытия, всеобщие стороны и связи объективной действительности. А они не все одинаковы. Есть среди них такие, которые играют основную, определяющую роль, и такие, которые являются подчиненными, определяемыми. Основными, определяющими отношениями в объективной действительности классики диалектического материализма, в частности В. И. Ленин, считали взаимоотношения между противоположными сторонами, т. е. закон единства и борьбы противоположностей. Если это так, то категории, связанные с законом единства и борьбы противоположностей, мы должны тоже отнести к исходным, к таким, с которых нужно начинать исследование.

Далее, будучи отражением всеобщих сторон и связей, категории в то же время являются продуктами сознания, познавательной деятельности людей. В познании же имеются свои основные, определяющие факторы, которые накладывают отпечаток на всю познавательную

деятельность и, в частности, на ее результаты — на категории и их взаимосвязь. Таким определяющим фактором познания классики считали общественную практику. Энгельс, в частности, писал: «...существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[1]. Если это так, то категории, отражающие этот основной, определяющий фактор познания, тоже должны считаться исходными.

Итак, при рассмотрении категорий мы сталкиваемся с тремя различными факторами, которые являются по-своему основными и определяющими и могут выступать в роли исходного начала. Как же решить вопрос, какой из этих факторов является исходным, определяющим при исследовании категорий, какие категории анализировать первыми? Посмотрим, что получится, если мы в качестве исходного возьмем основной вопрос философии, если начнем с анализа категорий «материя» и «сознание».

Исходя из решения вопроса об отношении мышления к бытию, сознания к материи, мы установим, что категории являются продуктами сознания, что они сформировались в процессе развития познания, что их содержание взято из объективной действительности, что они являются копиями, снимками с определенных сторон и связей внешнего мира. Бесспорно, все эти моменты очень важны, без них нельзя понять природы категорий, а без этого нельзя выявить и их действительного соотношения, их необходимой взаимосвязи. Но будучи важными, указанные моменты являются недостаточными, они не содержат в себе принципов, опираясь на которые можно было бы приступить к исследованию этой взаимосвязи.

Итак, исходя из основного вопроса философии, мы сможем уяснить природу категорий, их суть, но не сможем воспроизвести их действительной взаимосвязи и взаимозависимости.

Далее. Что получится, если мы при исследовании взаимосвязи категорий будем опираться на основной, определяющий фактор, относящийся к объективной действительности, на закон единства и борьбы противопо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

ложностей? Закон единства и борьбы противоположностей, будучи главным законом — ядром диалектики, позволит нам, с одной стороны, объяснить закономерности взаимосвязи его (закона единства и борьбы противоположностей) с другими основными законами и категориями диалектики, а также закономерности взаимосвязи парных категорий между собой, поскольку их соотношение представляет собой конкретное проявление единства и борьбы противоположностей. Но данный закон, так же как и основной вопрос философии, не дает нам возможности определить взаимосвязь и взаимозависимость категорий между собой. Опираясь на него, мы не сможем установить, как перейти от одной категории (или от одной пары категорий) к другой, в какой последовательности категории должны следовать одна за другой.

Теперь обратимся к третьему основному, определяющему фактору, лежащему в области познания, — к практике — и посмотрим, что у нас получится.

Если мы в качестве исходного начала возьмем практику, то заметим, что познание начинается именно с практики, функционирует и развивается на основе практики и осуществляется для практики. Мы также обнаружим, что, развиваясь на основе практики, познание, наряду с другими свойствами действительности, выявляет и всеобщие свойства материальных образований, всеобщие формы и условия бытия, что по мере выявления таких всеобщих сторон действительности формируются категории, в которых отражаются и фиксируются эти стороны. Мы неизбежно также установим, что поскольку познание представляет собой бесконечно развивающийся процесс, в ходе которого человек все глубже и глубже проникает в мир явлений и открывает в нем все новые и новые всеобщие стороны и связи, постольку категории возникли не все сразу, не все вместе, а в определенной последовательности, каждая на строго определенной стадии развития познания.

Появление всякой новой категории в ходе развития познания не случайно, а необходимо. Она возникает потому, что познание, проникая все глубже и глубже в мир явлений, выявляет новые всеобщие стороны и связи, которые уже не укладываются в существующие категории и требуют для своего выражения и фиксации новых категорий. Появившись, всякая новая категория встает в определенные необходимые отношения и связи с суще-

ствующими категориями и таким образом занимает свое особое, обусловленное развивающимся процессом познания место в общей системе категорий. И если мы расположим категории в той последовательности, в которой они появились в процессе развития познания, мы сможем выявить место, роль и значение каждой категории, их взаимоотношение и взаимосвязь. Отсюда необходимость в диалектической обработке истории мысли, науки и техники, в исследовании истории мысли с точки зрения категорий.

Следует отметить, что именно в этом видел В. И. Ленин задачу дальнейшей разработки диалектики Гегеля и Маркса. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, — писал он, — должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [1]. «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики, — указывал он далее, — voilá ce qu'il faut!» (вот что нужно. — *А. Ш.*) [2].

После всего этого становится ясным вопрос об исходном начале при исследовании взаимосвязи категорий. Исходными должны быть те категории, которые отражают основной, определяющий фактор развития познания, т. е. категории практики. Прослеживая развитие этого определяющего фактора (общественной практики), мы воспроизведем категории в той последовательности, в которой они появлялись в процессе развития познания, и тем самым представим их в естественной, необходимой взаимосвязи и взаимозависимости.

Вместе с этим мы не должны игнорировать и два других определяющих фактора: основной вопрос философии и закон единства и борьбы противоположностей. Прежде чем приступить к исследованию категорий в их взаимосвязи и развитии, мы должны определенным образом решить основной вопрос философии. Ибо только правильное решение вопроса о взаимоотношении мышления и бытия позволит нам уяснить природу категорий, их существо и определить направление и метод их исследования.

В самом деле, если мы идеалистически решим основной вопрос философии, мы суть категорий будем видеть в том, что они являются чем-то первичным по отношению к материальным вещам и явлениям, к дей-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131.
[2] Там же, стр. 159.

ствительным связям и отношениям, что их содержание не зависит от внешнего мира, что они развиваются на основе законов чистой мысли, духа, абсолютной идеи и т. п. Но такое понимание сути категорий неизбежно скажется и на направлении и на методе исследования. Мы вынуждены будем выводить категории и их взаимосвязь из чистой мысли, из сознания строить искусственные конструкции, схемы, оторванные от действительности и лишенные реального содержания.

Если же мы основной вопрос философии решим материалистически, мы суть категорий будем видеть в том, что они являются вторичными по отношению к объективной действительности, зависят от нее, являются формами ее отражения, что их содержание взято из внешнего мира, формируется и развивается в процессе познания человеком объективной действительности, осуществляющегося на основе общественной практики. Имея такое понимание природы категорий, мы будем выводить их не из чистой логики, а из практики, будем объяснять их появление, развитие и взаимосвязь на основе развития практики и познания, на основе учета действительного положения вещей.

Итак, принимая в качестве исходных при исследовании и изложении категорий факторы, относящиеся к области познания, мы не можем и не должны игнорировать определяющее значение основного вопроса философии. Наоборот, исследование категорий мы должны начать с рассмотрения основного вопроса философии и, определив последовательность рассмотрения категорий на основе последовательности появления их в процессе развития познания, анализ каждой из них осуществлять в свете этого вопроса, в плане соотношения материи и сознания.

Далее, исследуя категории в той последовательности, в которой они появлялись, формировались в процессе развития познания, и выявляя возникшую на этой основе взаимосвязь и взаимозависимость между ними, мы не можем оставлять без внимания и связи, имеющиеся между всеобщими сторонами объективной действительности, отраженные в них (в категориях) и в их соотношении. Наоборот, раскрывая содержание той или иной категории, мы всегда должны иметь в виду эти действительные стороны и связи, должны учитывать их, опираться на них.

Таким образом, при разработке системы категорий диалектического материализма необходимо исходить из основного вопроса философии, и из практики, и из объективного соотношения отражаемых категориями всеобщих форм бытия, всеобщих сторон и связей действительности.

4. О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

а) категории как ступени развития познания

Принцип единства исторического и логического, использованный К. Марксом при построении системы категорий политической экономии капитализма, применительно к философским категориям выступает в виде принципа связи категорий с определенными ступенями развития общественного познания, выполнения ими функций узловых, опорных пуктов движения познания от низшего к высшему.

В нашей философской литературе категории, как правило, исследуются лишь как формы отражения всеобщих сторон и связей объективной действительности, между тем они выражают и соответствующие стадии развития познания, являются узловыми пунктами, ступенями проникновения, углубления сознания человека в мир явлений.

Некоторые авторы, опираясь на известное высказывание В. И. Ленина о диалектическом пути познания, не признают никаких других ступеней, узловых пунктов развития познания истины, кроме живого созерцания, абстрактного мышления и практики. Выдвигая в качестве единственных, универсальных ступеней развития познания живое созерцание, абстрактное мышление и практику, они пытаются втиснуть в эти рамки весь исторический путь развития познания. Такая тенденция наблюдается, например, в книге М. М. Розенталя «Принципы диалектической логики». «... формула В. И. Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике», — пишет он, — представляет собой обобщенное выражение исторического развития познания. В этой формуле законы исторического развития мышления и логические законы мышления совпадают» [1].

---

[1] М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 197.

Что касается того, что закономерность движения познания от живого созерцания к абстрактному мышлению и к практике отражает историю развития познания, это верно. Но это нельзя понимать так, что вся история познания делится на три стадии — стадию живого созерцания, стадию абстрактного мышления и стадию практики. Бесспорно, исторически люди начинали познание объективной действительности с живого созерцания, с восприятия предметов и явлений внешнего мира в процессе практического воздействия на них. Бесспорно также и то, что на начальной стадии развития познания у людей отсутствовала способность к абстрактному мышлению, что она появилась на более поздней, более высокой ступени развития познавательной деятельности. Но из этого вовсе не следует, что живое созерцание составляет какую-то историческую стадию или ступень развития познания, так же как не составляет исторической ступени абстрактное мышление. В истории познания не было такого положения, чтобы познание какой-то период времени осуществлялось только путем живого созерцания или только путем абстрактного мышления. Когда у человека отсутствовало абстрактное мышление, его познание не ограничивалось живым созерцанием, а неизбежно переходило к предметному, чувственно-конкретному, наглядно-образному мышлению. Абстрактное мышление возникло и развивалось на основе функционирования и развития именно этого наглядно-образного мышления.

С возникновением абстрактного мышления живое созерцание не исчезло, не сошло со сцены, а перешло на новую, более высокую ступень развития, стало более осмысленным и содержательным. Познание и здесь не могло функционировать иначе, как путем движения от живого созерцания к мышлению. Абстрактное мышление, таким образом, исторически пришло не на смену живому созерцанию, а на смену чувственно-конкретному, образному мышлению.

Неверно также думать, что практика является третьей, следующей за абстрактным мышлением исторической ступенью познания. Необходимость движения познания к практике исторически появилась не после возникновения абстрактного мышления, а вместе с возникновением познавательной деятельности людей, т. е. на самой начальной стадии познания. И связь познания

с практикой на этой начальной стадии особенно заметна, ибо здесь познавательная теоретическая деятельность еще не выделилась из производственной деятельности, а была органически вплетена в нее, слита с ней. Поэтому здесь живое созерцание, мышление (чувственно-конкретное, наглядно-образное) и практика были различными моментами одних и тех же действий, непосредственно переходили друг в друга и не были разделены даже во времени.

Итак, живое созерцание, мышление (чувственно-конкретное или абстрактное) и практика являются не историческими ступенями развития познания, а необходимыми моментами всякого нормально функционирующего познавательного процесса. Функционируя в рамках: живое созерцание — мышление — практика, познание проникает все глубже и глубже в мир явлений, выявляет все новые и новые стороны и связи и переходит от одной стадии своего развития к другой, более высокой. Формирующиеся в процессе этого движения философские категории оказываются связанными с соответствующими стадиями, выражают их особенности и являются своего рода опорными пунктами, историческими, а вместе с этим и логическими ступенями развития познания. Движение познания от одной категории к другой осуществляется, таким образом, в результате многократного повторения цикла «живое созерцание — абстрактное мышление — практика».

Необоснованной в связи с этим является попытка отдельных авторов распределить все категории диалектического материализма между живым созерцанием, абстрактным мышлением и практикой, связать их с этими моментами развития познания. Так поступает, например, Л. Н. Суворов. Он с живым созерцанием связывает такие категории, как «нечто», «качество», «количество», «бытие», «абстрактное» и т. д. «В процесс живого созерцания, — заявляет он, — включается не только непосредственное чувственное познание (впечатление), но и определенные абстракции (нечто, качество, определение вещи, количество)». Характеризуя движение познания на ступени живого созерцания, он добавляет: «В процессе живого созерцания человек с помощью анализа идет от хаотического представления о целом к все более и более простым понятиям; от конкретного, данного в представлении к все более и более общим и «тощим

абстракциям», пока не приходит к простейшим определениям. Этот путь, — продолжает он, — Маркс характеризует как выделение путем анализа некоторых абстрактных отношений, служащее основой перехода от непосредственного представления к абстрактному определению. Такие «абстрактные всеобщие отношения» являются исходным материалом для более высокой, второй ступени познания» [1].

Из этих рассуждений автора следует, что категории бытия, качества, количества, конкретного, абстрактного и все общие абстрактные понятия и определения формируются на ступени живого созерцания, не проходя ступеней абстрактного мышления и практики.

Нетрудно заметить, что все это противоречит действительным закономерностям функционирования и развития познания. В процессе живого созерцания не могут возникнуть не только категории и общие абстрактные понятия, но даже и элементарные общие представления, ибо для формирования последних необходима мыслительная деятельность, способная в ходе анализа и сравнения воспринимаемых объектов вычленить отдельные стороны, связи и создать на их основе целостный обобщенный образ. Автор здесь явно отождествляет ступень живого созерцания и стадию движения познания от чувственно-конкретного, единичного к абстрактному общему и всеобщему. В процессе развития познания от чувственно-конкретного к абстрактному общему действительно происходит формирование общих и всеобщих понятий и определений, но это осуществляется не путем живого созерцания, а путем абстрактного мышления, вернее, в ходе постоянного движения познания от живого созерцания к абстрактному мышлению и к практике.

Отождествив ступень живого созерцания с движением познания от чувственно-конкретного к абстрактному общему, автор естественно вынужден был отождествить и ступень абстрактного мышления с движением познания от абстрактного к конкретному. С этой ступенью он связывает такие категории, как «различие», «противоречие», «основа», «сущность» [2].

Что касается этих категорий, то движение от одной

---

[1] Л. Н. Суворов. Вопросы диалектики в «Философских тетрадях» В. И. Ленина. Изд-во МГУ, 1960, стр. 134—135.

[2] См. там же, стр. 136, 137.

из них к другой осуществляется действительно на стадии движения познания от абстрактного к конкретному. Но стадия движения познания от абстрактного к конкретному и ступень абстрактного мышления — вещи весьма различные. В первую познание вступает тогда, когда уже познаны отдельные общие и всеобщие, необходимые стороны и отношения исследуемого объекта, когда открыт целый ряд причинно-следственных связей и законов, когда есть возможность в ходе анализа этих всеобщих необходимых сторон и связей (законов) выявить основное, определяющее звено и, опираясь на него, идти к все более и более конкретному. Вторая начинается с момента возникновения первых общих понятий, т. е. на самых первых стадиях движения познания от чувственно-конкретного к абстрактному.

Что касается практики, то с этой ступенью познания рассматриваемые авторы не связывают каких-либо особых категорий, а указывают на то, что все категории так или иначе с нею связаны, разница только в том, что одни из них, в частности те, которые представляют ступень живого созерцания, связаны с нею непосредственно, те же, которые представляют ступень абстрактного мышления, связаны опосредствованно [1].

Мысль о том, что с практикой так или иначе связаны все категории, в своей основе правильна. Но это же самое характерно в равной степени и для живого созерцания, и для абстрактного мышления. Те категории, которые связаны с практикой, неизбежно связаны и с этими ступенями или, точнее, моментами функционирования познания, ибо движение познания от одной из них (из категорий) к другой осуществляется только благодаря его постоянному циркулированию от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике (на основе практики).

Мы этим самым не хотим сказать, что вообще нет категорий, которые связаны только с практикой, или только с живым созерцанием, или только с абстрактным мышлением. Такие категории, разумеется, есть. Но это не те категории, о которых здесь идет речь. Мы здесь говорили о категориях, отражающих всеобщие стороны и связи объективной действительности и являющихся

---

[1] См.: Л. Н. Суворов. Вопросы диалектики в «Философских тетрадях» В. И. Ленина, стр. 136. 140.

ступенями развития познания. С указанными же ступенями познания (живое созерцание — абстрактное мышление — практика) связаны другие категории, именно специфические категории познания, которые отражают особенности каждой из этих ступеней познания и закономерности перехода от одной из них к другой. Но хотя они и связаны с данными ступенями, они формируются не на этих ступенях развития познания. Например, категории, связанные с живым созерцанием, формируются не на ступени живого созерцания, так же как и категории, отражающие закономерности функционирования и развития практики, формируются не на ступени практики. Они, как и все другие категории, формируются в процессе движения познания от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике на основе выявления всеобщих сторон и связей объективной действительности и познания.

Положение о том, что категории являются ступенями, узловыми пунктами познания, со всей решительностью и четкостью было выдвинуто В. И. Лениным. Анализируя «Логику» Гегеля, в которой категории представлены в виде ступеней, моментов развития идеи, вечно существующей где-то вне природы и до природы, В. И. Ленин в «Философских тетрадях» неоднократно подчеркивал, что категории суть ступеньки развития познания.

«Перед человеком, — писал он, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»[1]. Далее, раскрывая содержание категории закона, В. И. Ленин указывает: «... понятие *закона* есть **одна** из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса»[2]. Говоря о категориях «сущности» и «явления», он замечает: «Суть здесь та, что и мир явлений и мир в себе суть *моменты* познания природы человеком, ступени, *изменения* или углубления (познания)»[3]. Категория субстанции, заявляет он в другом месте, есть «важная ступень в процессе развития *человеческого познания* природы и

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 85.
[2] Там же, стр. 135.
[3] Там же, стр. 138.

материи»[1]; «...действительное познание причины, — продолжает он, давая характеристику категории причинности, — есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»[2]. Общее, отмечает он, определяя место категории общего в историческом развитии познания, «есть *ступень* к познанию *конкретного*...»[3] и т. д.

Положение о том, что категории являются ступенями, узловыми пунктами развития познания, В. И. Ленин рассматривал в качестве одного из исходных принципов решения проблемы взаимосвязи категорий диалектического материализма. Он считал, что категории необходимо поставить в такое соотношение между собой, которое соответствовало бы «действительному углублению нашего познания мира»[4]. Поставив их в соотношение, соответствующее развитию познания от низших ступеней к высшим, мы тем самым воспроизведем действительную взаимосвязь между ними.

Когда мы говорим о том, что каждая категория появилась на строго определенной ступени развития познания и что соотношение этих ступеней выражает взаимосвязь между категориями, мы не думаем, что категории исторически следовали только друг за другом. Некоторые из них появлялись одновременно, на одной и той же ступени познания. Больше того, появившись, они не оставались в таком виде, а изменялись, развивались вслед за развитием познания и практики. Но если это так, то как же расположить категории, чтобы они выражали движение познания от низших его ступеней к высшим?

Согласно диалектическому методу, каждый момент исследуемого целого мы должны рассматривать в той точке его развития, где он достигает «полной зрелости, своей классической формы»[5]. Учитывая это, мы каждую категорию должны связывать с той ступенью развития познания, где она наиболее полно развернула свое содержание, где она приобрела классическую форму.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 142.
[2] Там же, стр. 142—143.
[3] Там же, стр. 252.
[4] Там же, стр. 84.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

б) принцип тождества диалектики, логики и теории познания

Другим важнейшим принципом, лежащим в основе построения системы категорий диалектического материализма, является принцип тождества диалектики, логики и теории познания. Он определяет в системе соотношение категорий, являющихся общими для указанных областей философского знания, и категорий, выражающих специфику каждой из этих областей.

Остановимся несколько подробнее на этом принципе.

В домарксовской философии, как правило, выделялись три самостоятельные части — онтология, гносеология и логика. Онтология изучала законы бытия, гносеология — законы познания, логика — законы и формы мышления. Между этими тремя частями не было необходимой связи и зависимости. Каждая из них имела свой особый специфический предмет исследования и свое особое содержание. Впервые этот разрыв попытался преодолеть Гегель. В его философии онтология, гносеология и логика оказались не только органически связанными, но и совпадающими по своему содержанию. Законы движения и взаимосвязи понятий, составляющие основное содержание логики, являются у него и законами бытия — материального мира, который порождается абсолютной идеей и представляет собой иную форму ее существования. На основе этих же законов осуществляется, по мнению Гегеля, и процесс познания, который у него выступает в виде осознания абсолютной идеей своего содержания, протекающего в той последовательности, в которой оно развертывалось в ходе исторического развития идеи, перехода ее от своего исходного состояния (чистого бытия) к своей высшей форме (абсолютному духу).

Основой, обусловливающей совпадение онтологии, гносеологии и логики и определяющей их содержание, у Гегеля является идеальное — чистые сущности. Именно они составляют содержание логики и определяют законы существования и развития вещей и сознания. «Сознание, — писал Гегель, — есть дух, как конкретное знание, притом находящееся в плену у внешности. Но движение форм этого предмета, подобно развитию всякой природной и духовной жизни, покоится только на при-

роде *чистых сущностей,* составляющих содержание логики» [1].

«Гегель, — по выражению В. И. Ленина,— обожествляет... „логическую идею", закономерность» [2], а вместе с этим и мистифицирует проблему совпадения онтологии, теории познания и логики.

Но несмотря на это, мысль о совпадении онтологии, гносеологии и логики, о тождестве законов бытия, познания и мышления гениальна и относится к тому рациональному содержанию, которое нужно вычленить из искусственных построений гегелевской философской системы, обусловленных идеалистическим исходным принципом его учения, освободить от мистификаций, которым она подверглась у Гегеля, и осмыслить на материалистической научной основе.

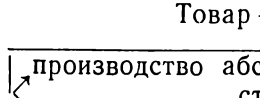
Впервые сформулированный Гегелем и примененный им к разработке диалектической теории познания в рамках идеализма принцип совпадения диалектики, теории познания и логики был материалистически осмыслен и практически применен в конкретном научном исследовании Марксом, который в своем «Капитале» показал, что диалектика, теория познания и логика не представляют собой самостоятельных, независимых, рядом существующих наук или областей знания, а органически связаны между собой, имеют один и тот же предмет исследования и в сущности совпадают по своему содержанию. В «Капитале» логика раскрытия сущности капиталистической общественно-экономической формации воспроизводит реальный процесс становления, функционирования и развития капиталистического способа производства в его необходимых сторонах и связях и вместе с этим — закономерности его познания экономической наукой.

Говоря о реализации Марксом принципа совпадения диалектики, логики и теории познания, В. И. Ленин отмечал: «Если Marx не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала", и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В „Капитале" применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.

---

[1] Гегель. Соч., т. V. М., 1937, стр. 4—5.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164.


Товар — деньги — капитал
производство абсолютной Mehrwert (прибавочной стоимости. — А. Ш.)
производство относительной Mehrwert.

[История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее» [1].]

Применив сформулированный Гегелем принцип тождества диалектики, логики и теории познания в конкретном исследовании, Маркс обосновал его истинность, но провести его последовательно в изложении содержания философской науки ни ему, ни Энгельсу не довелось, хотя при исследовании каждой философской проблемы они по существу им руководствовались. Разработка этого принципа применительно к самой философской науке, в частности к диалектическому материализму, выпала на долю В. И. Ленина, который впервые обратил внимание на важность указанной проблемы, недопустимость ее игнорирования при дальнейшей разработке диалектико-материалистической теории познания и логики и указал конкретные пути ее решения.

Показывая отличие марксистской теории познания от гносеологических теорий домарксовских материалистов, В. И. Ленин специально обратил внимание на тот факт, что она органически связана с диалектикой, по существу совпадает с ней, что диалектика и есть теория познания, подчеркнув, что многие марксисты, включая Плеханова, упускают из вида как раз эту сторону дела. «Диалектика, — писал он, — *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону" дела (это не „сторона" дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». И далее: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с „метафизическим" материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie (теории отражения. — А. Ш.), к процессу и развитию познания» [2]

[1] В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 29, стр. 301.
[2] Там же, стр. 321—322.

Аналогичные заявления имеются у В. И. Ленина и по поводу совпадения логики и теории познания. «Логика, — писал он, — есть учение о познании. Есть теория познания» [1].

Что касается важности поставленной В. И. Лениным проблемы тождества диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме, то здесь имеется полное единство среди философов-марксистов. Однако существуют разногласия в понимании сути этого тождества и путей его достижения.

Некоторые авторы считают, что тождество диалектики, логики и теории познания выражается в том, что указанные части или области философского знания, являясь относительно самостоятельными, находятся в определенной связи и зависимости и составляют единое целое, единую теорию — диалектический материализм. Тождество здесь понимается не как совпадение, а как единство — органическая связь и взаимообусловленность [2].

«Диалектический материализм, — пишет, например, по данному поводу В. И. Мальцев, — представляет собой единство диалектического метода, диалектико-материалистической теории познания и диалектико-материалистической логики» [3]. «Теория познания в марксистской философии немыслима... без диалектики. С другой стороны, научная диалектика возможна лишь в рамках философского материализма, материалистической теории познания. Марксистская диалектика базируется на материалистическом решении теорией познания основного философского вопроса, вопроса об отношении мышления к бытию» [4].

Что касается единства связи и обусловленности диалектики, логики и теории познания, то оно несомненно есть, но оно не выражает сути тождества между указанными областями знания, которое заключается не в наличии связи между ними, а в совпадении их содержания. Понимание тождества как единства (взаимосвязи,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163.

[2] См.: «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 5, стр. 36; «Вестник высшей школы», 1957, № 4, стр. 42; В. И. Мальцев. Очерк по диалектической логике. Изд-во МГУ, 1964, стр. 168—188.

[3] В. И. Мальцев. Очерк по диалектической логике, стр. 188.

[4] Там же, стр. 180.

известной взаимозависимости и обусловленности) не только не преодолевает разрыва между учением о бытии (онтологией), гносеологией и логикой, существовавшего в домарксовской философии и еще проявляющегося в настоящее время в работах наших философов, но оправдывает его, дает ему теоретическое обоснование. В самом деле, известная связь и зависимость между воззрениями на бытие, процесс познания и логику имеются в учении любого философа. И если тождество диалектики, логики и теории познания означает не что иное, как их взаимосвязь и взаимозависимость, то оно не только не ведет нас вперед, по сравнению с Гегелем, а возвращает нас назад — к догегелевскому решению рассматриваемой проблемы.

Другие авторы трактуют тождество диалектики, логики и теории познания в плане полного совпадения их содержания. Они считают, что указанные термины являются различными названиями одного и того же предмета. Данную точку зрения, в частности, развивает В. И. Черкесов. Суть его рассуждений сводится к следующему. Без изучения всеобщих свойств и законов материи, говорит он, нельзя разработать теории познания, так же как нельзя создать научного учения о бытии (материи) без изучения закономерностей процесса познания. Поэтому теория познания, изучая закономерности познавательной деятельности людей, отражает и материю, ее всеобщие свойства и законы, и является мировоззрением, а диалектика, отражая всеобщие свойства и связи материи, изучает процесс познания и выступает не только как мировоззрение, но и как теория познания. Значит, делает вывод он, теория познания и диалектика представляют собой одну и ту же теорию.

«В диалектическом материализме, — пишет автор, — нет места для особого учения о познании наряду с особым учением о бытии. Философское учение о бытии включает в себя учение о познании, а учение о познании включает в себя учение о бытии. На самом деле для объяснения познания людей приходится обращаться к общим свойствам и законам объективного мира, поскольку знание есть отображение его в сознании людей. Для объяснения самого сознания приходится обращаться к материи, ибо сознание есть особое свойство материи. С другой стороны, учение о бытии, исследующее общие закономерности материального мира, не может оставить

без внимания такое свойство материи, как сознание, не может обойти вопрос о том, что наши знания о материи являются объективными истинами и человечество имеет возможность знать объективный мир таким, каким он является на самом деле. И учение о бытии (онтология), и учение о познании (гносеология) в ленинском понимании решают один и тот же вопрос — отношение сознания к материи. ...Вот почему классики марксизма-ленинизма не подразделяли диалектический материализм на онтологию и гносеологию»[1]. Это, продолжает автор, свидетельствует о том, «что материалистическая диалектика и теория познания диалектического материализма не две разные теории, а одна и та же»[2].

Аналогичным образом автор обосновывает и тождество теории познания и диалектической логики. «... всеобщая логика научного мышления, которой является и должна являться диалектическая логика марксизма-ленинизма, — рассуждает он, — предметом своего исследования имеет не только мысли, но и чувства, и материальный мир, их единство и взаимовлияние, в котором материя играет определяющую роль, поскольку она первична по отношению к мышлению, сознанию. Это означает, что предмет диалектической логики и теории познания диалектического материализма один и тот же. Поэтому диалектическая логика и теория познания не разные науки, а разные названия одной и той же науки»[3]. Так автор приходит к выводу о полном совпадении содержания диалектики, теории познания и диалектической логики.

Нам представляется, что данный вывод и предпосланные ему рассуждения не являются обоснованными. Автор прав, когда он говорит о том, что нельзя разработать ни теории познания, ни логики, не изучая всеобщих свойств и законов материи. Он также прав, когда указывает на невозможность разработки теории диалектики без изучения закономерностей процесса познания и мышления. Но он неправ, когда пытается на основе этого сделать вывод о том, что теория познания и диалектическая логика представляют собой не только учение о закономерностях и формах познавательной дея-

[1] В. И. Черкесов. Материалистическая диалектика как логика и теория познания. Изд-во МГУ, 1962, стр. 221—222.
[2] Там же, стр. 223.
[3] Там же, стр. 269.

тельности людей, но и учение о бытии, о всеобщих свойствах и законах материи. Хотя при разработке теории познания и используется знание всеобщих свойств и связей объективной действительности, однако изучение этих свойств и связей не входит в задачу теории познания. Ее целью является изучение закономерностей возникновения, функционирования и развития познавательной деятельности. Правда, определенные законы развития познавательного процесса совпадают с всеобщими законами действительности, однако это не меняет существа дела. Теория познания рассматривает эти законы как законы познания, раскрывая через них сущность познавательной деятельности, а не сущность бытия.

Аналогичное положение дел имеет место и с диалектической логикой. Разрабатывая свои законы и принципы, диалектическая логика исходит из всеобщих свойств и законов действительности. Однако она призвана исследовать не эти свойства и законы, а законы и формы мышления, формулировать не всеобщие принципы бытия, а принципы мышления, познавательной деятельности людей. Далее, диалектическая логика при разработке своих принципов учитывает не только законы функционирования и развития мышления, но и законы чувственного познания, т. е. всей познавательной деятельности, но в ее функции не входит исследование данных законов. Этим занимается теория познания. Что же касается диалектической логики, то она на основе этих и всеобщих законов действительности формулирует требования к познающему субъекту, правила, которые он должен соблюдать в своей познавательной деятельности, в своем движении к истине.

Из всего этого следует, что диалектика, теория познания и логика совпадают не полностью, не во всем своем содержании, а в определенных моментах, сторонах, что, наряду с тождеством, они имеют различие, наряду с общим, — особенное, специфическое.

Сторонники полного тождества диалектики, логики и теории познания ссылаются, как правило, на тождество законов бытия и познания, объективной и субъективной диалектики, которое якобы является основой указанного совпадения. «... точно так же, как диалектика мышления, — пишет, например, А. Касымжанов, — не представляет по своему содержанию чего-то отличного от объективной диалектики, теоретическое отражение диа-

лектики реального мира и логика, теория процесса его познания не отличны друг от друга. В этом корень и принципиальная основа совпадения, тождества логики, диалектики и теории познания в философии марксизма»[1].

Что касается тождества объективной и субъективной диалектики, то оно, разумеется, имеет место, но не является полным. Оно касается лишь всеобщих законов действительности, но субъективную диалектику составляют не только всеобщие законы. В нее входят и специфические законы функционирования и развития общественного познания, которых нет в объективной действительности. Например, в объективной действительности процесс развертывается от сущности к явлению (сущность проявляется в явлении), от необходимости к случайности (необходимая тенденция пробивает себе путь через массу случайных отклонений), от причины к следствию (причина порождает следствие). В познании же имеет место прямо противоположное движение. Познание развивается от явления к сущности (от фиксации того, что выступает на поверхности, к внутренним, скрытым от познающего субъекта сторонам и связям), от случайного к необходимому (от описания случайных проявлений к выявлению необходимых отношений, закономерности), от следствия к причине (по следствию воспроизводится причина). Правда, в познании есть и движение мысли от сущности к явлению, от необходимого к случайному, от причины к следствию. Но это имеет место лишь после того, как пройдена первая часть пути — раскрыта сущность, выявлена причина, необходимая связь, закономерность. Лишь после достижения сущности субъект может перейти от нее к явлению (объяснить на ее основе явление), лишь после открытия причины он выводит из нее следствие, после познания необходимости прослеживает ее связь со случайностями. Больше того, первая часть пути, как правило, бывает более трудной, более сложной, чем вторая. Воспроизвести в сознании сущность исследуемого объекта гораздо труднее, чем вывести из нее (понять на ее основе) явление, так же как труднее открыть закон, чем проследить его проявление в тех или иных условиях. И хотя закономерности движения познания на этом — первом —

---

[1] А. Касымжанов. Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания. Алма-Ата, 1962, стр. 162.

этапе отличны от тех, которым подчиняются процессы внешнего мира, теория познания и логика, имеющая своей задачей разработку принципов или требований, обеспечивающих ориентацию субъекта в его познавательной деятельности, не могут их игнорировать. В противном случае они не смогут выполнить своих функций.

Сторонники полного тождества диалектики, теории познания и логики не учитывают как раз этого обстоятельства. Они закрывают глаза на то, что в познании, наряду с всеобщими законами диалектики, действуют и специфические законы развития самого познавательного процесса. Если некоторые из них и говорят о специфике субъективной диалектики, то сводят ее лишь к форме проявления всеобщих законов действительности, к тому факту, что в познании всеобщие законы действуют не стихийно, а в форме их сознательного применения субъектом [1]. Такая специфика, разумеется, свойственна субъективной диалектике, хотя и не всей ей, а лишь той ее части, которая составляет содержание диалектической логики. В самом деле, сознательно применяться может лишь тот закон познания (в том числе и мышления), который открыт и выражен в виде того или иного требования или правила, предписывающего субъекту поступать так, а не иначе, совершать те, а не иные мыслительные действия.

Видя, что структура реально развертывающегося познавательного процесса не является простой копией, фотографией всеобщей структуры объективной действительности, что она имеет определенную специфику, некоторые сторонники полного тождества диалектики, теории познания и логики заявляют о том, что это тождество представляет собой не действительность, а возможность, что оно достигается лишь при строго определенных условиях, именно тогда, когда диалектика становится универсальным методом познания. «...Философская абстракция совпадения диалектики, логики и теории познания, — пишет по данному поводу Л. К. Науменко, — выражает скорее категорию возможности, чем действительности. Она становится «практической истиной» ...лишь в определенную историческую эпоху — эпоху утверждения диалектики как универсального метода

---

[1] См.: А. Касымжанов. Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания, стр. 174.

познания действительности, универсального способа развития мыслей» [1].

Данные рассуждения нельзя признать истинными: они не отражают ни действительного положения вещей, ни реальных тенденций развития общественного познания. Ни превращение диалектики в универсальный метод познания, ни другое какое-либо изменение способа развития мысли не способны отменить движения познания от того, что является «последним в объективной действительности», к тому, что является «первым в ней», — от внешнего к внутреннему, от следствия к причине, от явления к сущности, от обоснованного к основе, а вместе с этим и всецело (на всех этапах развития познания) подчинить движение мысли «движению объекта», «активность субъекта активности самого предмета». А если это так, то и мечта о том времени, когда «формы движения мысли перестанут быть чем-то специфичным для нее самой» и логика науки целиком и полностью «совпадет с логикой предмета, с его диалектикой»[2], является фантазией, достойной художественного творчества, но не строго научного исследования.

Итак, правильно подчеркивая момент совпадения диалектики, логики и теории познания, представители рассматриваемой точки зрения абсолютизируют данный момент и тем самым искажают действительное положение вещей.

Некоторые авторы представляют тождество диалектики, логики и теории познания в виде соотношения части и целого. По их мнению, диалектика, будучи наукой о всеобщих законах действительности, включает в свое содержание теорию познания, которая изучает проявление этих законов в познании, а последняя включает в себя диалектическую логику, которая занята изучением проявления указанных законов в одной из областей познания, именно — в мышлении. В результате этого предмет и содержание диалектической логики являются в то же время предметом и содержанием (определенной частью) теории познания, а предмет и содержание последней являются предметом и содержанием (тоже частью) диалектики, т. е. имеет место полное совпадение диалектической логики и теории позна-

[1] Л. К. Науменко. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968, стр. 314—315.

[2] Там же, стр. 316.

ния с диалектикой. «...предмет диалектической логики, — пишет В. П. Рожин, развивая данную точку зрения на совпадение указанных областей философского знания, — является частью предмета марксистской теории познания и диалектики, значит логика совпадает с теорией познания и диалектикой. В свою очередь, предмет теории познания является частью предмета материалистической диалектики, следовательно, этой своей стороной теория познания совпадает с диалектикой. Отсюда, — делает вывод автор, — становится понятным положение Ленина, что логика и есть теория познания, а также диалектика есть теория познания марксизма» [1].

На первый взгляд может показаться, что данная концепция совпадения диалектики, логики и теории познания, раскрывая совпадение по содержанию данных областей диалектического материализма, не ликвидирует их различия, относительной самостоятельности, ибо каждая из них, совпадая с другой, имеет в то же время свой особый предмет исследования, свое в целом характерное только для нее содержание. Однако в действительности ничего подобного нет. Согласно рассматриваемой концепции тождества, различие между диалектикой, теорией познания и логикой является количественным, а не качественным. Они изучают одни и те же законы и различаются лишь размерами сфер, применительно к которым изучаются эти законы. Между тем диалектика, логика и теория познания, находясь в состоянии диалектического тождества, имеют определенное качественное различие, занимаются решением своих специфических, свойственных каждой из них задач.

В самом деле, диалектика изучает всеобщие законы действительности с целью выявления их собственной сущности, сохраняющейся при всех их проявлениях. Она призвана выделить эти законы из специфического содержания, свойственного различным областям действительности, и представить их в чистом виде. Решение этой задачи является специфической функцией диалектики, ею не занимаются и не могут заниматься ни теория познания, ни диалектическая логика. Теория познания имеет своей задачей исследование не всеобщих законов как таковых, а законов возникновения, функционирования и развития познания. И хотя определенные

[1] В. П. Рожин. Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Изд-во ЛГУ, 1957, стр. 241.

законы функционирования и развития познания оказываются всеобщими законами действительности (теми законами, которые изучаются диалектикой), это не меняет существа дела. Они рассматриваются в теории познания не сами по себе, не со стороны их универсальности, а как законы развития познавательной деятельности, раскрывающие (вместе с другими законами познавательного процесса) сущность этой деятельности, механизм ее осуществления. Что же касается диалектической логики, то она изучает не только законы мышления (что в некоторой степени характерно для формальной логики, которая изучает лишь законы мыслительных связей, да и то не все, а лишь строго определенные, в частности законы выводного знания и способы построения исчислений), но и все законы функционирования и развития познания, а также все всеобщие стороны и связи действительности. Однако она изучает их не с целью уяснения их содержания, не с целью выявления всеобщей сущности бытия и познания (применительно к бытию этим занимается диалектика, применительно к процессу познания — теория познания), а с целью разработки на их основе требований к познающему субъекту, формулировки правил, принципов, предписывающих субъекту познания определенную форму поведения.

В частности, такими именно требованиями или правилами, предписывающими определенную форму поведения субъекта в процессе осуществляемой им познавательной деятельности, являются сформулированные В. И. Лениным такие принципы диалектической логики, как необходимость рассмотрения предмета познания во всех его связях и отношениях [1], в его самодвижении и развитии [2], необходимость раздвоения единого и познания противоречивых частей его [3], принцип диалектиче-

---

[1] «Чтобы действительно знать предмет,— указывал В. И. Ленин, формулируя данный принцип диалектической логики,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290).

[2] «...Диалектическая логика,— отмечает В. И. Ленин,— требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении» (там же, стр. 290).

[3] «Условие познания всех процессов мира в их «*самодвижении*», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни,—указывал В. И. Ленин, показывая связь данного принципа диалектической логики с предшествующим,— есть познание их как единства противоположностей» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317).

ского отрицания [1], объективности рассмотрения [2], включение практики в определение предмета [3], необходимость движения мысли от сосуществования к каузальности [4] и др.

Первый принцип сформулирован на основе устанавливаемой диалектикой всеобщей взаимосвязи явлений действительности, второй — на основе выявляемой ею (диалектикой) всеобщности движения, третий — на основе закона единства и борьбы противоположностей, четвертый — на основе закона отрицания отрицания, пятый — на основе рассматриваемых теорией познания закономерностей связи содержания сознания с действительностью, шестой — на основе определяемой теорией познания роли практики в процессе отражения субъектом действительности, седьмой — на основе раскрываемых теорией познания закономерностей движения познания от одних своих ступеней к другим, более глубоким.

Итак, хотя диалектическая логика имеет дело с теми же самыми законами, которые исследуются диалектикой и теорией познания, она рассматривает их в другом плане, отличном от тех, в которых они рассматриваются диалектикой и теорией познания.

Из этого следует, что рассматриваемая точка зрения на тождество диалектики, логики и теории познания, как на соотношение целого и части, не отражает действительного положения вещей.

Как же решается эта проблема? В чем выражается и каким путем достигается тождество диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме?

В исследовании данной проблемы следует, на наш взгляд, опираться на сформулированный В. И. Лениным принцип категорий как узловых пунктов, ступеней развития процесса познания. Как мы уже указывали, каждая категория возникает на строго определенной ступе-

[1] «По отношению к простым и первоначальным, „первым" положительным утверждениям, положением etc „диалектический момент", т. е. научное рассмотрение, требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение неполно, безжизненно, мертво. По отношению ко „2-му", отрицательному положению, „диалектический момент" требует указания „*единства*", т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 208).

[2] См. там же, стр. 202.

[3] См. там же, т. 42, стр. 290.

[4] См. там же, т. 29, стр. 203.

ни развития общественного познания и практики для выражения выявленных (вследствие более глубокого проникновения человеческого ума в окружающую действительность) новых всеобщих сторон и связей и отражает не только эти объективные, существующие вне и независимо от человеческого сознания и познания формы бытия, но и особенности соответствующей стадии развития познания и практики, характерные для нее формы практического и теоретического освоения действительности. Другими словами, категории отражают не только всеобщие закономерности объективной действительности, но и закономерности развития человеческой деятельности, направленной на преобразование и познание действительности. «Категории мышления, — подчеркивал В. И. Ленин, — не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека...»[1]. И далее: «...категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»[2]. И если это так, то, расположив категории диалектики в той последовательности, в которой они появились в процессе развития познания и практики, мы, с одной стороны, представим категории в их естественной необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, с другой — воспроизведем ступени развития познания от низшего к высшему и закономерности перехода его от одной ступени к другой, более глубокой. Далее, поскольку переход познания от одной ступени или стадии развития к другой обусловливается освоением (практическим и теоретическим) новых сторон и связей объективной действительности субъектом, он неизбежно сопровождается изменением существующих и появлением новых форм мыслительной деятельности (суждений, умозаключений, способов ведения исследования и т. п.), которые приспосабливаются к выражению новых результатов познания и особенностям новой ступени познания. Поэтому рассмотрение форм мышления в связи с движением познания от одной ступени к другой, в частности от одних категорий к другим, позволит нам, во-первых, представить формы мыслительной деятельности, с одной стороны, в их движении, изменении и развитии, с другой — в их естественной взаимосвязи и взаи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 83.
[2] Там же, стр. 85.

мозависимости, во-вторых, определить практическую значимость и сферу применимости каждой из них.

В свете этих рассуждений нетрудно понять, что если мы, раскрывая содержание диалектики, поставим категории, а соответственно и законы, в такую взаимосвязь, которая будет соответствовать «действительному углублению нашего познания мира»[1], будет отражать соотношение «ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса»[2], мы сможем представить диалектический материализм в виде стройной, логически связанной теории, в которой диалектика, теория познания и логика будут по существу совпадать и в то же время сохранять известную самостоятельность, т. е. будут находиться в диалектическом тождестве, неизбежно предполагающем различие тождественного[3].

В самом деле, раскрывая содержание каждой категории, мы будем воспроизводить те всеобщие стороны и связи (законы), которые отражены в ней и в ее соотношении с другими категориями; вместе с этим мы дадим характеристику особенностей той ступени развития общественного познания, с которой связана данная категория, а также закономерностей соотношения данной ступени с предшествующими и последующими ступенями познания. Далее, на основе рассматриваемых всеобщих свойств и связей действительности и действующих в данном пункте развития познания закономерностей мы сформулируем соответствующие требования к мыслящему субъекту, принципы или, как принято говорить, законы диалектической логики, призванные ориентировать субъекта в его познавательной деятельности. Наконец, мы выявим и рассмотрим формы мышления и приемы научного исследования, связанные с данной ступенью развития познания.

Рассмотрев таким образом все категории диалектики, мы изложим диалектический материализм в виде единой, логически связанной системы, которая будет представлять собой в одно и то же время и диалектику, поскольку в ней будут раскрыты все известные на дан-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

[2] Там же, стр. 135.

[3] Данную точку зрения по существу развивает И. С. Нарский (см.: И. С. Нарский. Актуальные проблемы марксистской теории познания. М., «Знание», 1967).

ной стадии развития познания и практики всеобщие стороны и связи (законы), и теорию познания, поскольку в ней будут показаны закономерности развития познания от одних ступеней (узловых пунктов) к другим и связанные с этими ступенями формы и методы познавательной деятельности, и диалектическую логику, поскольку в ней будут изложены принципы (законы), сформированные на основе выявленных всеобщих сторон и связей (законов) действительности и специфических закономерностей функционирования и развития самого познавательного процесса и предназначенные для сознательного использования человеком в его мыслительной деятельности, и рассмотрены формы мышления в их развитии и взаимосвязи. Поскольку категории отражают всеобщие стороны и связи действительности, всеобщие формы бытия, они в этой единой системе будут представлять диалектику. Поскольку они являются ступенями, моментами познания и в своем соотношении выражают закономерности его развития от низшего к высшему, они в ней будут представлять теорию познания. Поскольку они являются формами мышления и основой для формулирования принципов, ориентирующих субъекта в его познавательной деятельности, они представляют диалектическую логику.

Такое решение проблемы тождества диалектики, логики и теории познания, на наш взгляд, соответствует указаниям В. И. Ленина о необходимости выведения теории познания и логики из закономерностей развития природы и мыслительной деятельности людей, из истории познания мира. «Логика и теория познания, — писал он, — должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа» [1]. И далее, в другом месте: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовны вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 80.
[2] Там же, стр. 84.

III. МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Говоря об исходном начале построения системы категорий диалектического материализма, мы указывали, что исследование необходимо начинать с выявления закономерностей соотношения материи и сознания, поскольку научный анализ категорий, раскрытие их природы, взаимосвязи и взаимозависимости возможен лишь в свете этих закономерностей, на их основе. А если это так, то первыми категориями в системе должны быть категории «материя» и «сознание». Их рассмотрению как раз и посвящается данная глава.

1. МАТЕРИЯ

Определенное понимание материи можно найти в любой философской системе. При всем разнообразии определений материи, даваемых различными философами, общим для идеалистов является то, что они или совсем отрицают существование материи, или отрицают ее объективность.

Материалисты же исходят из того, что материя существует вне и независимо от человеческого сознания. Признавая объективное существование материи, материалисты расходятся во взглядах на то, что́ она (материя) собой представляет, в какой форме существует.

Известно, что древнекитайские, древнеиндийские, вавилонские и первые древнегреческие философы-материалисты в качестве материи выдвигали то или иное чувственно-конкретное тело, в частности наиболее распространенное вещество, которое они считали первоначалом всего существующего. Например, у Фалеса в роли материи выступала вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь и т. д. Выдвигая в качестве материи определенное вещество, указанные философы стремились исходя из него объяснить все наблюдаемое в мире многообразие вещей и явлений. Но показать более или менее убедительно, как все это многообразие возникает

из одного конкретного вещества, ни один из философов не мог. Трудно было поверить, что все множество разнообразных вещей суть видоизмененная вода, или воздух, или огонь; поэтому впоследствии философы стали выдвигать в качестве материи уже не одно какое-либо вещество, а несколько. Например, Эмпедокл выдвигает четыре вещества: воду, воздух, огонь и землю. В дальнейшем это количество увеличивается до бесконечности. Например, Анаксагор считает, что «семян вещей» (выступающих в роли материи — первоначал) бесчисленное множество. То же утверждает Демокрит, выдвигая в качестве материи (первоначала) бесчисленное множество атомов. Атомы и вся совокупность образуемых ими веществ выступали в роли материи вплоть до конца XIX и начала XX в. Именно такое понимание материи было у английских и французских материалистов, а также у Фейербаха.

Отождествление материи с веществом сыграло немалую роль в возникновении кризиса в естествознании конца XIX и начала XX в., когда были открыты электрон и радиоактивность. С открытием электрона оказалось, что атом вовсе не является последним кирпичиком Вселенной, что он сам разлагается на более мелкие частицы — электроны. Более того, было установлено, что масса электрона не остается неизменной, как это считалось раньше, в отношении массы атома, а увеличивается и уменьшается соответственно увеличению или уменьшению скорости движения. На первых порах даже стали думать, что электрон вообще не обладает собственной массой, что вся его масса электромагнитного происхождения. В результате материя оказалась сведенной к электричеству, а вместе с этим и к движению. В этом же духе была истолкована и радиоактивность. Радиоактивный распад урана (открытый в 1894 г. Беккерелем), а затем и радия был воспринят как превращение вещества в чистую энергию.

Из всего этого идеалисты сразу же сделали выводы, направленные против материализма. Они начали кричать об исчезновении материи, о замене ее энергией, движением, о том, что материализм опровергнут новейшими достижениями естествознания и т. д. Возникла необходимость обобщить последние научные данные с точки зрения диалектического материализма и защитить теоретическую основу марксизма. Выполнение этой задачи выпало на долю В. И. Ленина.

В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» проанализировал последние открытия, сделанные в естествознании, и убедительно доказал, что они не только не опровергают диалектического материализма, но, наоборот, подтверждают его истинность. Он показал, что диалектический материализм не сводит и никогда не сводил материю ни к атомам, ни к каким-либо другим неизменным элементам, что он вообще не признает никаких неизменных абсолютных элементов, никакой неизменной сущности, а считает мир безграничным в своем многообразии. Признание неизменных, абсолютных элементов мира, говорит В. И. Ленин, характерно лишь для метафизического материализма. А если это так, то открытие делимости атома на электроны опровергает не диалектический, а метафизический материализм. «Ошибка махизма вообще и махистской новой физики, — пишет он, — состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического» [1]. И далее: «Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим... материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка. Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира» [2].

Связывая понятие материи с веществом, с совокупностью атомов, метафизически мыслящие философы и физики рассматривали специфические для вещества состояния и свойства как всеобщие, необходимые свойства материи. Поэтому обнаружение с открытием электрона и радиоактивности относительности этих состояний они восприняли как крушение учения о материи, как исчезновение материи. На самом же деле имело место исчезновение не материи, а того предела, до которого до сих пор мы знали материю. «Материя исчезает», — пишет по данному поводу В. И. Ленин, — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 18, стр. 275.
[2] Там же, стр. 276—277.

которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [1].

Все это, разумеется, свидетельствует об относительности наших знаний о строении материи, но ни в какой степени не опровергает марксистского понятия материи как объективной реальности, существующей вне и независимо от человеческого сознания, которое охватывает все материальные образования: и уже открытые и еще не известные науке.

Доказывая ошибочность отождествления материи с теми или иными конкретными ее формами или видами, В. И. Ленин показал, что диалектический материализм связывает понятие материи с объективной реальностью, внешним миром, существующим независимо от человеческого сознания, что, согласно диалектическому материализму, к материи относится все, что является этой объективной реальностью, что относится к внешнему миру. Поэтому, чтобы решить вопрос, относится ли электрон или какое-либо другое вновь открытое явление к материи, необходимо установить, является ли это объективной реальностью или не является. Принадлежность того или иного явления к объективной реальности есть свидетельство принадлежности его к материи.

«Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, — замечает В. И. Ленин, — надо спросить: существуют ли электроны, эфир *и так далее* вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» [2].

Критикуя физиков и философов, которые хотя и не отрицали объективное существование материи, но из от-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 275.
[2] Там же, стр. 276.

носительности наших знаний были склонны делать выводы о непознаваемости ее, В. И. Ленин подчеркнул, что материя не является непознаваемой, не представляет собой «вещи в себе», а вполне познаваема, дается человеку в его ощущениях, копируется, фотографируется органами чувств человека. Хотя это положение и признавалось домарксовскими материалистами, но не выдвигалось ими в качестве фактора, необходимого для раскрытия содержания понятия материи, а поэтому и не фигурировало в даваемых материалистами определениях материи.

Обобщая указанные открытия и развивая марксистское учение о материи, В. И. Ленин дал классическое определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1].

Ленинское определение материи направлено против идеалистов, метафизиков и агностиков и имеет своей задачей выразить то главное, что отличает диалектико-материалистическое понимание этого вопроса от понимания его представителями других философских направлений. Однако некоторые авторы не учитывают данного обстоятельства и, произвольно толкуя ленинское определение материи, искажают его суть.

Так, Э. Г. Гендель пишет: «...некоторые авторы определяют материю только как объективную реальность вне нашего сознания и тем самым сужают основной вопрос философии (его первую сторону) до противопоставления материализма лишь субъективному идеализму». «...В таком смысле материальность звезд, планет и т. п., — продолжает он, — признает и такой идеалист, как Гегель, который вовсе не считал мир порождением нашего сознания». «На деле все эти неточности означают так или иначе то, что игнорируется направленность понятия материи против объективного идеализма и религии...» [2].

Аналогичную точку зрения разделяет ряд польских авторов. По их мнению, «подчеркивание того, что един-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

[2] Э. Г. Гендель. Проблема единства мира и категория материи. «Ученые записки Новозыбковского государственного педагогического института», т. IV. Брянск, 1958, стр. 68—69.

ственным свойством материи является свойство быть объективным реальностью, данной нам в ощущениях, выдвигается на первый план в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в связи с борьбой с конкретным противником — с субъективным идеализмом». «Ограничение определения материи этим тезисом, — заявляют они, — разоружает нас в борьбе с другим противником, в особенности с определенными разновидностями объективного идеализма». Поэтому указанное выше определение они считают недостаточным [1].

Приведенные рассуждения являются ошибочными. Они исходят из того, что наряду с нашим, человеческим сознанием существует еще какое-то нечеловеческое сознание, сознание вообще. Поэтому указание на то, что материя представляет собой объективную реальность, существующую вне и независимо от нашего (человеческого) сознания, по их мнению, не отмежевывает нас от объективного идеализма, который тоже может считать материю объективной реальностью, существующей вне и независимо от нашего сознания, но находящейся в определенной зависимости от «нечеловеческого» сознания, от сознания вообще (от абсолютной идеи, верховного разума, универсальной воли, бога и т. д.). Но никакого другого сознания, кроме человеческого, не существует. Выдвигаемое объективными идеалистами то или иное универсальное сознание представляет собой то же человеческое сознание, но оторванное от человека и превращенное в абсолют.

«Всякий человек, — замечает по данному поводу В. И. Ленин, — знает — и естествознание исследует — идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определенным образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под всю физическую природу... это насмешка над естествознанием» [2].

В. И. Ленин, учитывая все это, счел возможным в даваемом определении материи ограничиться указанием на независимость ее от человеческого сознания и ничего не говорить об ее отношении к сознанию вообще. Это поз-

---

[1] См.: «Mysl Filozofizna», 1955, 2 (16).

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 241.

волило ему остаться в рамках научной постановки вопроса и отмежеваться от всякого идеализма.

Другой ошибочной, на наш взгляд, тенденцией является попытка отдельных авторов рассматривать в качестве материи не внешний, существующий независимо от человеческого сознания чувственный, предметный мир, не объективную реальность, а отдельные свойства этого мира, этой реальности, например пространство, время, движение и т. д. Данную точку зрения разделяют: Г. Клотц, Г. Хепфнер и др.

«Энергия, — пишет, например, Ганс Клотц, — в философском смысле является материей»[1]. «Материей, — заявляет Р. Янч, — является все то, что существует вне сознания — сюда принадлежат все отношения, свойства, стороны, изменения (энергия), так же как вещество, поле и т. д.»[2]. «Было бы в высшей степени возможным, — читаем мы у Г. Хепфнера, — про материальное движение сказать, что оно относительно сознания является материей»[3]. «Пространство и время, в которых движутся количественно и качественно многообразные формы и явления материи, — продолжает он, — представляют собой материю»[4].

Рассматриваемую точку зрения авторы обосновывают следующим рассуждением: «Материя представляет собой объективную реальность. Все свойства материи, кроме сознания, существуют объективно, значит все они по отношению к сознанию являются материей».

«Свойство объективной реальности, — заявляет в данной связи Г. Клотц, — это единственное свойство, к которому приходят при определении философского понятия материи. Оно является необходимым и достаточным критерием для того, является ли нечто в философском смысле материей или нет»[5]

Положение о том, что объективное, независимое от человеческого сознания существование является достаточным признаком определения материи, правильно. Но

---

[1] H. Klotz. Ist die Energie Materie? Bemerkungen zu einem alten Problem. DZfPh, 1959, № 2, S. 307.

[2] R. Jantsch. Zum Materiebegriff des dialektischen Materialismus. «Wiss. Zeitschrift der TH Dresden», 1958—1959, № 2.

[3] G. Höpfner. Über den Materiebegriff des dialektischen Materialismus. DZfPh, 1958, № 3, S. 455.

[4] Ebenda, S. 457.

[5] H. Klotz. Ist die Energie Mterie?... S. 307

авторы рассматриваемой точки зрения неправильно, неумело используют это положение, применяют его в том плане, в каком оно неприменимо, и делают отсюда неправильные выводы.

В самом деле, определяя материю как объективную реальность, существующую независимо от сознания и отражающуюся в нем, В. И. Ленин имел в виду внешний мир, объективную реальность как целое, как совокупность всех форм объективного бытия, со всеми характеризующими его свойствами, со всеми присущими ему отношениями.

Об этом свидетельствуют, в частности, такие его заявления: материалисты признают *«действительный мир, материю,* ощущаемую нами, *за объективную реальность»* (курсив наш. — *А. Ш.*)»[1]. «Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за *образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием»* (курсив наш. — *А. Ш.*)»[2]. «...Материалисты, признавая *действительный мир, материю* (курсив наш. — *А. Ш.*), ощущаемую нами, за *объективную реальность*, имеют право выводить отсюда, что никакие человеческие измышления и ни для каких целей, выходящие за пределы времени и пространства, *не действительны*»[3]. «...Известный всем и каждому *внешний мир,* физическое — есть *единственная объективная реальность...* (курсив наш. — *А. Ш.*)»[4]. *«Признавая объективной реальностью тот чувственный мир* (курсив наш. — *А. Ш.*), который мы познаем через ощущения, Фейербах естественно отвергает и феноменалистское (как сказал бы Мах про себя) или агностическое (как выражается Энгельс) понимание пространства и времени...»[5].

Данная мысль также достаточно четко выражена у основоположников диалектического материализма. Ф. Энгельс, в частности, по данному поводу писал: «...материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие...». И далее:

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 188.
[2] Там же, стр. 282—283.
[3] Там же, стр. 188.
[4] Там же, стр. 230.
[5] Там же, стр. 181.

«...такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения,* в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных, чувственно воспринимаемых вещей»[1]. Здесь также под материей понимается объективный мир в целом, вся совокупность составляющих его тел, все многообразие его форм. Во времена Энгельса ничего не было известно о поле как особом виде материи. Поэтому с точки зрения современного уровня развития науки его определение материи неполно, а значит и неточно. Но нас здесь интересует не эта сторона дела, а то, что под материей у Энгельса понимается мир в целом, вся совокупность составляющих его тел, все многообразие его форм.

Таким образом, объектом, из которого абстрагировано понятие материи, является вся объективная реальность, весь внешний мир, вся окружающая человека действительность, т. е. мир в целом. Но положение, применимое к объекту как целому, как правило, неприменимо к отдельным сторонам, свойствам, отношениям этого объекта. Например, понятие «общество» применимо к обществу как целостному организму, включающему в себя определенные производительные силы, производственные отношения, политическую организацию, нравственные нормы, эстетические воззрения и т. д. Но оно совершенно неприменимо к отдельным сторонам и отношениям этого целого. Так, например, нельзя назвать обществом производство, хотя оно и играет определяющую роль в существовании общества, нельзя назвать обществом классовую борьбу, мораль и т. д., хотя все это необходимо свойственно обществу, является существенными моментами общественной жизни. Каждый из этих моментов, так или иначе отражаясь в понятии «общество», не исчерпывает всего содержания этого понятия и не входит в его объем. Принадлежность каждого из указанных свойств явлений, отношений к обществу выражается в том, что их называют «общественными» свойствами, явлениями. Будучи общественными свойствами, явлениями, отношениями, они имеют свои особые названия, отражаются в особых, специально для них созданных понятиях.

Все это присуще и понятию «материя». Оно применимо к объективной реальности как целому, но непримени-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 550.

мо к отдельным свойствам и отношениям этой реальности. Все эти свойства и отношения, поскольку они являются свойствами и отношениями объективной реальности, так или иначе отражаются в понятии материи, но сами по себе ее не составляют. Связь их с материей выражается в том, что их называют материальными. И этого вполне достаточно для того, чтобы подчеркнуть их объективное, независимое от человеческого сознания, существование.

Сторонники точки зрения, согласно которой каждое свойство материи является материей, упрекают авторов, отличающих материю от отдельных ее свойств, в онтологизации понятия материи, в том, что последние якобы пытаются рассмотреть материю в себе, т. е. вне отношения к сознанию, что якобы противоречит диалектике. В диалектическом материализме, пишет один из сторонников указанной точки зрения, «никогда не может идти речь о материи в себе. Имеются лишь философские взгляды на структуру материи, поскольку речь идет о всеобщих связях, отношениях, сторонах и т. д. материи (объективной реальности), но не может быть «онтологического понятия материи, не может быть «онтологической» стороны философского понятия материи... Онтологическое понятие материи требует «материи в себе». Это противоречит объективной диалектике. Философское понятие материи всегда является гносеологической категорией. Нет философского понятия материи вне основного вопроса философии» [1].

Что касается того, что не может быть философского понятия материи вне основного вопроса философии, то это правильно. Но это правильно не только по отношению к категории материи, но и ко всем категориям диалектического материализма, ибо содержание их формировалось на основе определенного решения основного вопроса философии. Правильна также мысль автора о том, что категория материи является гносеологической категорией. Но это тоже характерно для всех категорий марксистской философии, ибо все они так или иначе отражают закономерности функционирования и развития процесса познания. Но совершенно неправильным является утверждение автора о том, что категория материи не имеет онтологического аспекта, что этот аспект при-

[1] H. Klotz. Ist die Energie Materie?... S. 311.

сущ лишь категориям, отражающим всеобщие стороны, связи и отношения объективной действительности. Категория материи, как и все другие философские категории, отражая определенные закономерности взаимодействия сознания и объективной реальности, отражает определенные характеристики (свойства, стороны, связи) этой объективной реальности, отражает их такими, какими они существуют в действительности.

Рассуждение о том, что категория материи должна быть только гносеологической категорией, является неправильным, во-первых, потому, что оно противоречит принципу тождества диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме, обязывающему рассматривать все законы и категории марксистской философии как законы и категории объективной действительности и как законы и категории диалектико-материалистической теории познания и диалектической логики.

Во-вторых, при абсолютизации гносеологического момента понятия материи неизбежен вывод о невозможности существования материи до и независимо от сознания, а вместе с этим, хотят этого или нет представители данной точки зрения, возрождение в той или иной форме «принципиальной координации» Авенариуса. Именно это наблюдается, например, у Ф. А. Селиванова. «Все существующее, — пишет он, — материально лишь потому, что существует независимо от сознания. Все существующее материально лишь в отношении к сознанию. И проблема материального и идеального возникает лишь при исследовании этого отношения. Вне отношения вещи к сознанию вещь не имеет качества материальности (материи). Итак, — подчеркивает автор, — вне отношения к сознанию нет материи, как нет сознания (как идеального) вне отношения к материи»[1]. Крен в сторону идеалистической интерпретации ленинского определения материи здесь очевиден. Приходится удивляться, как сам автор не замечает этого. Вредность подобных рассуждений усиливается тем, что они имеют место в работе, предназначенной для студентов в качестве методического пособия.

Сторонники отождествления отдельных свойств материи с материей как таковой в подтверждение своей точки

---

[1] Ф. А. Селиванов. Основные законы материалистической диалектики. Тюмень, 1969, стр. 14.

зрения ссылаются на неразрывную связь свойств материи с материей. Они заявляют: «Поскольку свойства материи органически связаны с материей, постольку неправомерно отличать их от последней. Кто это делает, вносит путаницу в проблему материи и неизбежно должен скатиться к идеализму или повторить ошибки домарксовского метафизического материализма»[1].

Если свойства материи по той причине, что они органически связаны с ней, являются материей, тогда и сознание должно быть материей. Ведь оно тоже является ее свойством и органически связано с ней. Неосновательность данной аргументации очевидна. Неразрывная связь свойств материи с материей не только не исключает возможности различения материи и характеризующих ее свойств, но необходимо предполагает это. В противном случае нельзя было бы говорить ни о какой связи между ними, ибо связанным может быть лишь то, что не представляет одного и того же, что так или иначе различается.

Из наличия органической связи между материей и ее свойствами, таким образом, следует не то, что нельзя отличать свойство от материи, а то, что нельзя не отличать их, что между ними неизбежно должно быть различие. И этой действительно так. Материя как объективная реальность отличается от того или иного своего свойства. Она — диалектическое единство всех своих свойств. Каждое свойство раскрывает лишь одну из ее сторон, является одной из бесчисленных ее характеристик.

Стараясь доказать, что движение, пространство, время и другие свойства материи являются материей, некоторые авторы приходят по сути дела к утверждению существования двух материй. Они вынуждены различать материю в рамках основного вопроса философии и материю, не связанную с основным вопросом философии. Первой у них является всякое объективно-реальное свойство материи — пространство, время, энергия и т. д., вторая отличается от этих свойств. «Вне связи с данным основным вопросом (где материей является все, что обладает свойством объективно-реального существования. — *А. Ш.*) при исследовании структуры объективной

---

[1] См.: G. Höpfner. Über den Materiebegriff des dialektischen Materialismus, S. 453—457.

реальности, — пишет один из сторонников данной точки зрения, — материя с ее свойствами не идентична, это само собой разумеется. Об этом не следует особенно говорить» [1]. Выходит, что в рамках основного вопроса философии мы должны пользоваться одним понятием материи, а вне его — другим. Такое утверждение нельзя признать правильным, оно не только идет вразрез с принципом единства гносеологии и онтологии в диалектическом материализме, но и противоречит элементарным правилам формальной логики, в частности закону тождества, требующему однозначности и определенности понятий.

Итак, материей является не то или иное свойство или отношение объективной реальности, внешнего мира, а сама объективная реальность, сам внешний мир со всем многообразием присущих ему свойств и отношений.

Несколько слов о понятиях «материальное образование», «вид материи» и их соотношении с понятием материи.

Будучи объективной реальностью, материя существует не в виде сплошной однородной массы, а представляет собой расчлененное целое, все части которого, находясь между собой во всеобщей, универсальной взаимосвязи, имеют известную обособленность, вследствие чего выступают в качестве самостоятельных материальных образований. С материальными образованиями связаны такие понятия, как «тело», «вещь». «Вся доступная нам природа, — писал по данному поводу Энгельс, — образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [2]. Каждое материальное образование, таким образом, представляет собой часть материи, одно из ее звеньев. Все же вместе они составляют материю.

Будучи звеньями единой материи, отдельные материальные образования (вещи, тела, явления) обладают целым рядом общих свойств, входящих в содержание понятия материи, в частности, они существуют объективно, вне и независимо от человеческого сознания, имеют пространственные и временные характеристики, находят-

---

[1] H. Klotz. Ist die Energie Materie?.. S. 308.
[2] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 20, стр. 392.

ся в движении, им свойственны необходимые и случайные, единичные и общие, возможные и действительные стороны и связи, причинность, противоречивость, все они обладают содержанием и формой, сущностью и явлением и т. д. Но наряду с всеобщими свойствами и связями, присущими каждому отдельному материальному образованию, в понятие материи включаются такие свойства и связи, которые характерны не для каждого отдельного материального образования, а лишь для всей их совокупности, т. е. для мира в целом. Такими чертами являются, например, вечность существования, пространственная бесконечность и т. д. Каждое отдельное материальное образование не вечно, оно имеет начало и конец своего существования. Оно возникает, определенное время существует и затем исчезает, превращается в другое материальное образование. Ни одно материальное образование не является также безграничным, а занимает строго определенное, ограниченное в пространстве место. Вечен и бесконечен только мир в целом.

Данное обстоятельство прямо указывает на то, что понятие материи в тесном смысле этого слова неприменимо к отдельным материальным образованиям (телам, вещам, явлениям); его объектом является лишь мир в целом, лишь вся совокупность материальных образований. Между тем весьма распространенным является мнение, что понятие материи приложимо к каждому отдельному материальному образованию, телу, явлению, вещи.

«Материя, — пишет, например, А. Толкачев, — это конкретные объекты окружающего нас мира: камни, деревья, молекулы, электроны, электромагнитные волны и т. д., которые обладают свойством быть объективной реальностью» [1].

Материальные образования, через которые в каждый данный момент существует материя, органически связаны между собой и образуют целый «ряд больших, хорошо отграниченных групп...» [2], представляющих собой определенные узловые точки, ступени движения материи от низшего к высшему и являющиеся определенными видами (или формами) ее. «...дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небес-

---

[1] А. Толкачев. Единство строения и движения материи. Минск, 1964, стр. 6.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 20, стр. 585.

ные тела), — указывал Ф. Энгельс, — являются различными *узловыми точками,* которые обусловливают различные *качественные* формы существования всеобщей материи...» [1]. Вид материи, таким образом, есть не что иное, как совокупность материальных образований, представляющих определенную ступень развития материи.

Вопрос о видах материи до самого последнего времени остается спорным. Одни авторы выступают против деления материи на виды, другие, считая такое деление необходимым, спорят между собой о количестве этих видов и о том, какие формы существования материи рассматривать в качестве ее видов.

Довольно распространенным является деление материи на два вида: на вещество и поле. Однако некоторые авторы выступают против этого. Например, лишь один вид существования материи признает немецкий философ В. Штерн. По его мнению, материя существует только в форме вещества, что же касается поля, то оно не представляет собой материи. В. Штерн обвинил авторов, считающих поле особым видом материи, в отрыве материи от движения, в уступке идеализму и т. п. [2].

Отождествление материи с веществом, так же как и со всякой другой особой формой ее существования, по своему характеру метафизично. Это очень хорошо показал В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм». Признавая материей только вещество, В. Штерн по сути дела отбросил то новое, что внес В. И. Ленин в марксистское учение о материи, и тем самым закрыл себе путь к правильному философскому обобщению новых открытий в естествознании, связанных с выявлением новых форм существования материи.

В этой связи следует отметить, что неверным является не только сведение материи к одной основной форме, или виду, ее существования — к веществу, но и сведение ее к двум видам — веществу и полю. Это, во-первых, следует из открытия того, что целый ряд частиц, относимых ранее к веществу (например, мезоны, электроны, позитроны), относятся также и к области поля, поскольку они образуют соответствующие поля, а частицы, относимые ранее только к полю (например, фотоны, гравитоны), входят в состав вещества. Строгой дифференциации меж-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 608—609.

[2] См.: V. Stern. Es gibt keine nichtstoffliche Materie, DZfPh., 1956, № 3, S. 280

ду веществом и полем, таким образом, не существует. Имеется целый ряд материальных образований, включающих в себя и то и другое, т. е. относящихся в одно и то же время к веществу и к полю. Во-вторых, само вещество не может выступать в роли одного вида материи, поскольку в него входят материальные образования, представляющие самые различные ступени развития материи. Поэтому деление материи на два больших вида — вещество и поле — оказалось слишком огрубленным и неточным.

Более правильным, на наш взгляд, является деление материи не на два вида — вещество и поле, а на целый ряд видов, соответствующих определенным ступеням, или, как выражаются отдельные авторы, качественным узлам [1] развития материи. Часть из них будет касаться полей, часть — вещества [2]. Мы здесь согласны, в частности, с С. Т. Мелюхиным, который считает, «что в природе соответственно неисчерпаемости мира существует не две, а значительно больше основных форм материи». «Очевидно, — замечает он, — важнейшие разновидности известных «элементарных» частиц и полей образуют те основные формы материи, которые существуют в природе» [3]. Это согласуется с решением данного вопроса В. И. Лениным, который считал открываемые наукой различные виды вещества различными видами материи [4]. Например, электроны он рассматривал как особый вид материи [5].

2. СОЗНАНИЕ

Сознание является свойством высокоорганизованной материи — мозга человека, продуктом и необходимой стороной трудовой деятельности и существующей на ее основе общественной жизни. Под воздействием труда психическая форма отражения, свойственная животным предкам человека, постепенно превратилась в сознание, в

---

[1] См.: В. И. Рудаков. Ленинское понятие материи и проблемы единства поля и вещества. В сб.: «Известия Ленинградского электротехнического института» имени В. И. Ульянов (Ленина), вып. X, 1960, стр. 122.

[2] См.: G. Höpfner. Über den Materiebegriff des dialektischen Materialismus. S. 461; G. Redlow. Ist die Anerkennung der Leninschen philosophischen Bestimmung der Materie Dogmatismus? DZfPh, 1964, № 5, S. 461.

[3] См.: S. Meljuchin. Bemerkungen zu dem Beitrag Victor Sterns. DZfPh, 1956, № 5—6, S. 734.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 281, 295.

[5] См. там же, стр. 131.

осознанное отражение действительности. Исходным пунктом этого процесса был переход высокоразвитой породы обезьян к использованию предметов природы для получения соответствующего результата, связанного с удовлетворением той или иной потребности организма. Сначала эти действия были единичными случаями, но поскольку они, как правило, приводили к положительному результату, способствовали удовлетворению той или иной потребности, на их основе стал вырабатываться условный рефлекс, а с ним вместе и привычка при соответствующих условиях использовать предметы природы в виде «орудий». Эта привычка внесла существенные изменения в поведение данных животных. Их связь с окружающей действительностью теперь опосредствовалась предметами природы.

Такое усложнение связи организма с окружающей средой положительно повлияло на развитие нервной системы и, в частности, головного мозга. Он вынужден был образовывать все новые и новые связи, выполнять все более и более сложные функции и тем самым развиваться, совершенствоваться. А это, в свою очередь, оказывало благоприятное влияние на «орудийную деятельность» животных. Она усложнялась, развивалась. На определенной стадии развития этой деятельности рассматриваемые животные в случае отсутствия необходимого «орудия» для осуществления того или иного действия начинают предпринимать попытки приспособить тот или иной предмет, изменяя его в нужном направлении. Появляется тенденция создавать необходимые «орудия» путем соответствующей обработки тех или иных предметов природы. Попытки изменения неприспособленного для выполнения той или иной функции предмета и создания необходимого «орудия» можно наблюдать даже у современных обезьян [1].

Развитие этой тенденции у животных предков человека обусловило постепенное превращение рефлекторных действий в осознанную деятельность, направленную на изменение окружающей действительности специально созданными орудиями. Эта деятельность становится

---

[1] См.: Н. Н. Ладыгина-Котс. Развитие форм отражения в процессе эволюции организмов. «Вопросы философии», 1956, № 4, стр. 101; Г. Ф. Хрустов. О функциональных предпосылках сознания. «Проблемы сознания». Материалы симпозиума. М., 1966, стр. 66—67.

необходимой формой связи выделяющихся из животного состояния существ между собой и с окружающей действительностью. Она ставит эти существа в определенные, от их воли не зависящие отношения и тем самым объединяет их в единое, органически связанное целое. Чтобы это целое могло возникнуть, нормально функционировать и развиваться, необходима была известная согласованность в действиях индивидов, его образующих. Но это предполагало уяснение единой цели и задач, распределение функций в процессе их осуществления.

Все это делало необходимым обмен мыслями между совместно действующими индивидами. «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу»[1]. Возникшая потребность обусловила появление средства ее удовлетворения. Таким средством и явился язык. В языке сознание получило соответствующую его общественной природе материальную форму существования. Через него мысли одного человека становились доступными другим людям, всему коллективу. Подчеркивая органическую связь сознания с языком, Маркс и Энгельс писали: «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...»[2]. Посредством языка формирующиеся люди обменивались между собой мыслями и добивались необходимой для коллективного труда и общественной жизни согласованности действий.

Будучи связано с трудом и с возникающим на его основе обществом, сознание имеет социальную природу, является необходимой стороной общественной формы движения материи, хотя и существует через сознание отдельных индивидов, составляющих общество. Каждый индивид через действующий язык, средства труда, способы деятельности овладевает накопленным обществом опытом и передает обществу свой индивидуальный опыт, воплощая его в создаваемых духовных и материальных ценностях — формах жизни и деятельности.

Данное обстоятельство, т. е. то, что сознание является стороной общественной формы движения материи, общественным продуктом[3], не всегда учитывается авто-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 489.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.
[3] См. там же.

рами, исследующими проблему сознания. Довольно распространенным является утверждение, что сознание представляет собой продукт или результат физиологической деятельности мозга. Несомненно, сознание связано с определенными физиологическими процессами, протекающими в мозгу, но эти процессы сами по себе не способны породить сознание. Для его возникновения необходимо существу, обладающему мозгом, включиться в систему общественных отношений, взаимодействовать с другими людьми, одним словом, жить человеческой, общественной жизнью. Значит, физиологические процессы мозга вызывают к жизни сознание лишь в сочетании, вернее, в органической связи с определенными общественными действиями, которые совершает субъект, в связи с осуществлением той или иной общественной функции.

Больше того, нейродинамические связи мозга, те его структуры, на основе которых возникает и функционирует сознание, формируются под воздействием социальных факторов, практической деятельности. «Психика человека, — пишет по данному поводу А. Н. Леонтьев, — является функцией тех высших мозговых структур, которые формируются у него онтогенетически в процессе овладения им исторически сложившимися формами деятельности по отношению к окружающему его *человеческому миру*[1]. А если это так, то нельзя признать правильным утверждение, что сознание есть функция, продукт, проявление или свойство физиологических взаимодействий, т. е. биологической формы движения материи. Оно есть свойство, продукт, результат общественных взаимодействий, общественной формы движения материи, которая в снятом виде включает в себя все другие предшествующие ей низшие формы движения, в частности, физическую, химическую и биологическую. Учитывая все это, правильнее, на наш взгляд, говорить о связи сознания не с физиологическими процессами мозга, а с самим мозгом, и не просто с мозгом, а с человеческим мозгом, ибо здесь в определенной степени будет выражаться мысль о принадлежности мозга как органа мышления, а с ним вместе и сознания как его функции

[1] А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе в изучении психики человека. «Психологическая наука в СССР», т. 1. М., изд-во АПН РСФСР, 1959, стр. 41.

к более высокой форме движения материи, чем биологическая форма.

Подчеркивая связь сознания как более высокой формы отражения с общественной формой движения материи, Тодор Павлов отмечает: «*Как общественная структура и функции есть нечто качественно новое и более сложное, чем все структуры и функции на более низких уровнях, хотя они и связаны в своем происхождении с ними и никогда не отрываются абсолютно и метафизически от них, так и человеческое сознание — субъективный образ объективно-реальных вещей — есть нечто качественно новое и гораздо более сложное, чем... отражение на уровне животных...*» [1].

Невозможность сведения высшего к низшему часто используется буржуазными философами, например неотомистами, для «опровержения» марксистского учения о сознании как свойстве материи. На этом основывает свою критику материалистического решения вопроса о связи сознания с материей, например, де Фриз. «Диалектический материализм, — пишет он, — ...утверждает, что все «психическое», «духовное» есть лишь функция материи, точнее говоря, материи центральной нервной системы, мозга...» [2]. «Материалистический ответ, — продолжает он, — мы признаем недостаточным потому, что более высокое, душу и дух, он вынужден объяснять из более низкого, материи. ...Как ни велики открытые силы материи, они всегда остаются материальными силами, и их недостаточно, чтобы произвести по существу более высокое, душу или дух» [3].

Итак, в самом деле, может ли существующее произвести более высокое, чем оно само? Конечно, может. Именно таким путем и осуществляется развитие материи. Одни материальные образования в результате тех или иных взаимодействий образуют другие, более сложные. А эти, в свою очередь, — третьи, еще более сложные и т. д. без конца.

Всякое новое, более высокое происходит не иначе как из более низкого. Это — всеобщая закономерность развития материи. Ее очень хорошо выразил Вальтер Хол-

---

[1] Тодор Павлов. Избранные философские произведения, т. 3. М., 1962, стр. 790—791.

[2] J. de Vries. Die Erkenntnistheorie des dialektischen Materialismus. München, 1958, S. 140.

[3] Ebenda, S. 166.

личер в своей статье «Сознание и материя». «Определенное новое, — пишет он, — происходит только из определенного старого при определенных внутренних и внешних условиях и по определенным объективным законам»[1].

Правда, нам могут сказать, что мы говорим о переходе от одних материальных образований или качественных состояний к другим, более высоким. Де Фриз же имеет в виду невозможность перехода от материального к духовному как более высокому и совершенному, от мозга к сознанию. Что касается этого перехода, то он не имеет никакого отношения к порождению высшего низшим, превращению второго в первое. Материальное образование не может превращаться в свое свойство. Оно может превратиться лишь в другое или, вернее, в другие материальные образования или качественные состояния. Превращаясь из одного материального образования или качественного состояния в другие, оно может терять одни свойства и приобретать другие, изменять и развивать третьи. Поэтому совершенно неправомерно говорить о переходе или превращении материи в сознание, поскольку последнее есть ее свойство. Здесь речь может идти лишь о появлении сознания в процессе перехода или превращения одних материальных образований или качественных состояний в другие, о том, с какими взаимодействиями и структурами в материальных образованиях это свойство связано. На этот же вопрос диалектический материализм и современная психологическая наука дают довольно определенный ответ. Они указывают, что сознание связано с определенными структурными образованиями мозга и формами взаимодействия людей между собой и с природой, с определенными формами их деятельности.

Такое решение вопроса не устраивает де Фриза, ибо оно исключает необходимость при объяснении сознания обращаться к «душе» и богу. Де Фризу же нужно показать, что «душа» и бог существуют, что без них невозможно объяснить появление сознания. Поэтому он с порога отвергает какие-либо попытки выведения сознания из материи. Оно, по его мнению, не имеет никакого отношения к материи, поскольку ведет свое начало от бо-

---

[1] W. Hollitscher. Bewußtsein und Materie. «Weg und Ziel», Wien, 1964, № 2, S. 112.

га — чисто духовной сущности. Причину же возникновения или появления духовного сознания, заявляет он, нельзя найти в этом мире. Но тем самым неизбежным становится выход за пределы этого мира, которому так сильно противится диалектический материализм. Конечная причина всей духовной жизни в этом мире, продолжает он, должна быть сама чисто духовной сущностью. Но сверхмировая, чисто духовная, даже в этом смысле не зависящая больше ни отчего-либо другого, следовательно, безусловная, «абсолютная» сущность есть то, что религия издавна называет высоким именем «бог» [1].

Так, отвергнув возможность нахождения причины возникновения сознания в реально существующем мире, объяснения его из материи, автор, естественно, должен был искать ее вне этого мира, в сверхъестественном мире. Но поиски какого-либо явления вне данного, реально существующего мира неизбежно ведут к идеализму и поповщине, к объявлению конечной причиной существующего абсолютное духовное начало, чистую духовную сущность — бога. Да это и естественно, ибо существуют лишь два пути объяснения сознания (как и всякого другого явления): материалистический и идеалистический. Если мы отвергаем первый, мы неизбежно, хотим этого или нет, встаем на второй. Де Фриз сознательно встал на второй путь.

Будучи свойством высокоразвитой материи, сформировавшимся на основе труда и общественных отношений, возникших между индивидами в процессе производства жизненных средств, сознание представляет собой новую, более высокую форму психического отражения действительности, является снимком, копией, образом ее, как и всякое другое психическое явление, имеет идеальную природу.

Идеальность сознания выражается в том, что составляющие его образы не обладают ни свойствами отражаемых в нем предметов действительности, ни свойствами нервных процессов, на основе которых эти образы возникли. В них не существует ни грана вещества, характерного для отражаемого объекта и мозга. Они лишены веса, пространственных характеристик и других физиче-

[1] См.: J. de Vries. Die Erkenntnistheorie des dialektischen Materialismus, S. 169—170.

ских свойств. Существенно отличаясь от материального, идеальное органически связано с ним. Оно возникает и существует только в материальном — в мозгу человека — и является следствием взаимодействия человека с окружающей действительностью и с другими людьми. Содержание его определяется этой действительностью и представляет собой ее отражение. Подчеркивая связь идеального с материальным и зависимость от него, К. Маркс указывал: «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1].

Видя, что сознание возникает в мозгу, являющемся высокоорганизованным материальным телом, на основе определенных образующихся в нем нервных связей, некоторые авторы склонны его считать материальным явлением, особой формой движения материи. «Сознание (ощущение, психика и т. д.), — заявляет, например, В. М. Архипов, — есть особая форма движения материи, — явление столь же материальное, сколь материальны ... электромагнитные колебания» [2]. И далее, в другом месте: «Тезис, что психическое нематериально, является ложным. Психическое — материально, тождественно нервному...» [3].

«У нас нет никакого основания, — пишет, развивая эту же мысль, В. Ф. Сержантов, — отрицать, что психическое есть телесное. ...То, что психический процесс есть результат определенной физиологической деятельности, а именно деятельности мозга, — продолжает он, — вовсе не означает, что этот результат не есть физиологическое. В этом отношении и результат и процесс тождественны, так как физиологическим является как вся цепь телесных процессов, приводящих к психическому, так и само психическое явление» [4].

Утверждение, что психическое, сознание является телесным, представляет собой особую форму движения материи, аналогичную электромагнитным колебаниям, не отражает действительного положения вещей. Созна-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

[2] В. М. Архипов. О материальности психики и предмете психологии. «Советская педагогика», 1954, № 7, стр. 68.

[3] Там же, стр. 77.

[4] В. Ф. Сержантов. Основные аспекты проблемы материи и сознания и их связь с физиологией. В сб.: «Некоторые философские вопросы теоретической медицины». Л., 1958, стр. 24.

ние не является телесным процессом, какой-то особой формой движения материи, стоящей в одном ряду с другими ее формами движения, не существует в виде какого-либо самостоятельного материального образования наряду с мозгом, человеком и человеческим обществом. Оно есть особое свойство мозга, следствие происходящих в нем процессов, развертывающихся в ответ на взаимодействия человека с окружающей его общественной и природной действительностью, воспроизводящее ее (эту действительность) не в том виде, как она существует, не в форме телесных материальных процессов, свойств и связей, а в виде идеальных образов, лишенных физических характеристик. Хотя они и возникают на основе телесных процессов, материальных, в частности, нервных связей, но не тождественны этим процессам и связям. Их содержание составляют не эти процессы и связи, не характерные для последних свойства, а своеобразные копии, снимки с соответствующих процессов, свойств и связей окружающей действительности.

Некоторые авторы доказывают материальность сознания ссылкой на его реальное существование. Сознание, рассуждают они, существует в действительности, все же, что существует в действительности, является материальным. Значит, сознание материально. «Материализм, — пишет, например, И. Шипош, — традиционно обозначает при помощи понятия материи вселенную, реально существующий мир. Таким образом, *все, что существует в действительности, является «материальным»*: в мире нет ничего «нематериального»... Сама мысль в этом смысле материальна: она реально существует в качестве мысли, в качестве отражения» [1].

Нетрудно заметить, что в рассуждении И. Шипоша содержится определенная неточность, искажающая марксистско-ленинское учение о материи и материальном. Согласно диалектическому материализму, далеко не все, что существует в действительности, является материальным. Материальным является лишь то, что относится к материи и характеризует ее в отличие от сознания, что является объективной реальностью, т. е. существует вне и независимо от сознания. Мысль, сознание тоже существуют в действительности, но не в качестве

---

[1] «Проблемы марксистско-ленинской философии» (статьи венгерских авторов). М., «Прогресс», 1965, стр. 424.

объективной реальности, не материально, а в виде образов этой реальности, лишенных составляющих ее форм бытия и характеризующих их свойств, т. е. идеально. В действительности, таким образом, существует две реальности: объективная, существующая вне и независимо от сознания, и субъективная, порождаемая первой и являющаяся ее отражением. Первая реальность по своей природе материальна, вторая — идеальна.

Для обоснования материальности сознания И. Шипош использует такой путь: он указывает на то, что отражение представляет собой материальное явление, затем отмечает, что сознание является одной из форм отражения. И если это так, рассуждает он далее, то оно не может не быть материальным. «...«отражение», — пишет он, — всегда будет полностью принадлежать этому (материальному. — *А. Ш.*) миру, всегда будет явлением материального мира и во всех случаях его можно будет объяснить материальными причинами (даже если сегодня мы еще не знаем или знаем недостаточно ту или иную форму, тот или иной специфический механизм отражения). ...Можно предположить, — продолжает он, — что никто не скажет об отражении, существующем в процессах неодушевленного мира, что оно «нематериальное» явление. Так же обстоит дело, очевидно, и в отношении чувствительности амеб и, возможно, «сознания» животных. Вероятно также, ни один материалист не будет рассматривать функционирование «думающих машин», их «память», их способность выполнить в одну секунду поразительное количество расчетов и сообщить нам их результаты как относящиеся к области «сверхъестественного». Почему же можно допустить исключение человеческой мысли из числа материальных явлений? не остаток ли это, — заключает он, — древней иллюзии, неотвязной мысли о привилегированной, противопоставляемой материальному миру и чуждой ему «душе»? Не «исчезает» ли материя на этой стадии своего развития» [1].

Что касается физического отражения, чувствительности амебы и функционирования «думающих машин», то их материальность несомненна. Но это ни в какой степени не свидетельствует о материальности сознания. Сознание сходно с указанными процессами в том, что является, как и они, отражением действительности, воспроиз-

[1] «Проблемы марксистско-ленинской философии», стр. 426.

ведением в иной форме особенностей воздействующих на организм явлений. Но воспроизведение воспроизведению рознь. При физическом отражении и функционировании «думающих» машин, которое (функционирование) протекает на основе физического отражения, воспроизведение особенностей воздействующих явлений осуществляется через соответствующие изменения свойств и состояний воспринимающей системы; чувствительность амебы связана с отражением свойств воздействующих на нее явлений через определенные биологические изменения, реакции. И в первом, и во втором случаях отражение выступает в виде материальных изменений, воспроизводящих так как иначе свойства воздействующих объектов. Сознание же воспроизводит окружающую человека действительность не через изменения физических, химических или биологических свойств и состояний организма, хотя эти изменения необходимо происходят в процессе функционирования сознания, а через возникновение на основе данных изменений соответствующих идеальных образов, являющихся копиями, снимками с воздействующих на органы чувств человека предметов окружающей действительности, но не обладающих характеристиками, свойственными этим предметам и изменениям в организме, в частности в нервной системе, на основе которых возникают указанные образы. Именно этим отличается сознание как особая форма отражения от других материальных по своей природе форм, и именно это имеется в виду, когда указывается на то, что сознание нематериально, что оно по своей природе идеально, хотя и возникает на основе соответствующих материальных процессов, протекающих в мозгу человека. Но это обстоятельство почему-то упускает из виду автор при характеристике сознания как отражения действительности.

Итак, тот факт, что сознание является отражением действительности, свидетельствует не о том, что оно материально, а о том, что оно идеально, представляет собой систему образов, воспроизводящих идеально, в форме мысли (известного понимания) то, что происходит, — окружающую человека действительность.

Есть точка зрения, согласно которой сознание в одно и то же время и материально и идеально. И такая противоречивая природа его якобы обусловлена тем, что оно представляет собой отражение практической деятельности людей, которая является единством материального и идеального.

«Как отражение, — заявляет И. Н. Ястремский, — сознание обладает противоречивой природой: оно и подобно отражаемому (материально), и противоположно ему (нематериально, идеально). Очевидно, — продолжает он, — что у материальной основы сознания также должна присутствовать эта двойственная сущность, иначе откуда последняя могла бы появиться у сознания? Следовательно, то, что отражается в сознании, должно быть и подобно материи (т. е. материально), и противоположно ей...».

«Существует ли такое материальное? — спрашивает автор и отвечает: — Да, существует. Это трудовая деятельность людей. ...Сознание оказывается той стороной человеческой психики, которая выступает как сопутствующая, внутренняя и результирующая сторона трудовой деятельности людей» [1].

Автор прав в том, что сознание является результатом и внутренней стороной трудовой деятельности, которая включает в себя как материальные, так и идеальные стороны, что оно отражает эту деятельность. Но он не прав, когда природу сознания выводят из природы отражаемого им объекта. Идеальная природа сознания обусловливается не природой отражаемого объекта, а формой отражения, способом воспроизведения особенностей воздействующего объекта. Сознание отражает объект в форме идеальных образов, являющихся снимками, копиями последнего. И это касается любого объекта, будь он по своей природе материальным, идеальным или единством материального и идеального.

Некоторые авторы сводят идеальность сознания к идеальности понятия о нем, что же касается его реального существования, то оно объявляется материальным, системой нервных и социальных связей.

«По дискуссионному вопросу о том, — пишет Е. Н. Каменева, — является ли сознание идеальным понятием или материальным процессом, можно ответить, что понятие сознания, как всякая абстракция — продукт мышления — является идеальным понятием, но система сознания, как деятельность, как биологическая функция — наиболее совершенная функция отражения и при-

---

[1] «Сознание». Материалы для обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1—3 июня 1966 г. в Москве. М., 1967, стр. 49—50.

способления к среде (включая человеческий коллектив) и регуляции деятельности в ней, — является материальным процессом нейродинамического характера» [1].

Против того, что понятие «сознание» является идеальным, никто не спорит. Но если бы идеальность сознания заключалась только в идеальности понятия о нем, тогда надо было бы считать идеальным не только сознание, но и материю, ибо понятие о ней тоже идеально. Сознание идеально не потому, что понятие о нем является идеальным, а потому, что оно отражает действительность в системе идеальных образов и является формой или способом его существования.

Что же касается противопоставления сознания как системы понятий системе сознания как деятельности, как функции отражения и приспособления к среде и т. д., то оно неправомерно, ибо сознание как система понятий, идеальных образов, отражающих действительность, существует в органической связи с деятельностью, является ее формой, моментом или стороной, а вместе с этим и формой проявления функции отражения и приспособления к среде.

В последние годы наиболее распространенным способом обоснования материальности сознания стала тенденция рассмотрения его в двух аспектах: гносеологическом и онтологическом, в отношении к отражаемому объекту и в отношении к мозгу. Авторы, развивающие данную точку зрения, утверждают, что при рассмотрении сознания в гносеологическом плане — в отношении к отражаемой действительности — оно выступает как идеальное, представляет собой идеальный образ, снимок, копию с предметов и явлений внешнего мира, при рассмотрении же его в онтологическом плане — как свойства или продукта деятельности мозга — оно проявляется как материальное явление.

«По отношению к внешнему миру, отражением которого является сознание, оно,— пишет по данному поводу Н. П. Антонов,— выступает как идеальное явление, а по отношению к мозгу, к физиологическим процессам, происходящим в мозгу, свойством которых является сознание, оно выступает как материальный нейродина-

---

[1] Е. Н. Каменева. Понятие сознания и его нарушения при некоторых психических заболеваниях. «Проблемы сознания». Материалы симпозиума. М., 1966, стр. 504.

мический процесс [1]». «Как известно, — заявляет, выражая в несколько иной форме эту же мысль, В. Н. Мясищев,— в ряде своих трудов В. И. Ленин освещал сознание как отражение. Однако он касался этого вопроса преимущественно в плане гносеологии. При этом он указал, что в зависимости от плана философского рассмотрения меняется понимание и содержание взаимоотношения материального и идеального.

Так, при гносеологическом подходе противопоставляются идея и материя, и это законно, а при других планах рассмотрения это противопоставление было бы грубой ошибкой» [2]. И далее, в другом месте: «...проблема психики не только гносеологическая — значит и признание психического только идеальным в противопоставлении материальному в связи с этим неправильно. Это, очевидно, относится и к сознанию» [3].

Сторонниками признания материальности сознания в онтологическом плане являются Ф. Ф. Кальсин [4], Я. А. Пономарев [5] и др.

Данную точку зрения, на наш взгляд, нельзя признать правильной уже потому, что она ставит природу сознания в зависимость от направления исследования, от субъективных желаний исследователя, от его воли. В самом деле, согласно рассматриваемой точке зрения, сознание идеально не само по себе, не всегда, а только тогда, когда мы его рассматриваем в гносеологическом плане, т. е. в отношении к отражаемому объекту. Как только мы переключим внимание на его связь с мозгом, будем рассматривать его как свойство мозга, оно теряет свою идеальность и становится материальным явлением в таком смысле, в каком «говорят, например, о материальности массы, энергии, пространства, общественных отношений [6]. Получается, что быть или не быть сознанию идеальным, решает исследователь. Если он захочет его рассматривать в гносеологическом аспекте, оно будет идеальным,

---

[1] Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959, стр. 283.

[2] «Сознание». Материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1—3 июня 1966 г. в Москве, стр. 447.

[3] «Проблемы сознания», стр. 130.

[4] См.: Ф. Ф. Кальсин. Основные вопросы теории познания. Горький, 1957, стр. 10.

[5] См.: Я. А. Пономарев. Психика и интуиция. М., Политиздат, 1967, стр. 64.

[6] «Философские науки», 1968, № 3, стр. 112.

если же он заинтересуется онтологическим аспектом, сознание потеряет свою идеальность и выступит в материальной форме, подобно массе, энергии, пространству.

Однако природа сознания, как и любого другого явления, не может зависеть от аспекта рассмотрения, направления исследования. Несомненно, что сознание как отражение действительности в идеальных образах выявляется в отношении его к действительности, к отражаемому объекту, но оно является идеальным не только в этом отношении, но и во всех отношениях. Оно идеально по самой своей природе, по своей сущности и остается таковым, в какой бы связи мы его ни рассматривали. Прав, на наш взгляд, С. Л. Рубинштейн, который по данному поводу писал: «В гносеологическом отношении к объективной реальности психические явления выступают как ее образ. Именно с этим отношением образа к предмету, идеи к вещи связана характеристика психических явлений как идеальных; именно в гносеологическом плане психическое выступает как идеальное. Это, разумеется, не значит, что психические явления перестают быть идеальными, когда они рассматриваются в другой связи, например, как функция мозга. Характеристика психических явлений — как и любых других — не зависит от точки зрения, с которой они рассматриваются»[1]. От аспекта рассмотрения зависит не природа сознания, не его сущность, а раскрытие, выявление тех или иных его сторон. Действительно, идеальность сознания, существование его в виде образа, копии объекта выявляется лишь в соотношении с объектом, так же как и то, что оно является свойством, функцией мозга, обнаруживается лишь при рассмотрении его в отношении к мозгу. Но исчезает ли его идеальность, образность, перестает ли оно быть идеальной копией, снимком с установлением того, что оно есть свойство мозга? Конечно, нет. Оно и после выявления этих новых характеристик остается образом, идеальной копией, снимком окружающей действительности.

В признании сознания идеальным только в отношении к объекту и материальным во всех других отношениях скрывается попытка отрицания реального существования идеальных образов, сведения их к материальным структурам мозга и вообще любого другого тела, воспроизво-

[1] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 41.

дящего те или иные особенности воздействующего объекта. Эта тенденция особенно отчетливо выражена в книге Я. А. Пономарева «Психика и интуиция», где автор, по существу, отрицает реальность существования идеальности сознания, с одной стороны, путем сведения последнего к материальным динамическим структурам мозга, с другой — путем признания существования идеальности (в потенции) вне сознания человека, в любой вещи, отразившей в изменениях своих свойств тот или иной воздействующий объект. Поскольку каждая вещь испытывает на себе воздействия других окружающих ее вещей и в изменениях тех или иных своих свойств воспроизводит их особенности, постольку (по автору) идеальность не является особенностью сознания, психики, а представляет собой всеобщее свойство материи и присуща любому отражательному процессу. Не случайно поэтому идеальностью у него обладают карамель, сделанная в виде мяча[1], леденец, имеющий форму петушка[2], следы зверя на снегу, изображение той или иной вещи на фотографии и т. д.

Идеальное не существует в вещах, вне психики, сознания (ни актуально, ни потенциально), оно не является стороной любого отражательного процесса, как это представляет автор. Идеальное — неотъемлемое свойство психического отражения действительности и его высшей формы — сознания. Оно связано с воспроизведением особенностей воздействующего объекта в форме образов, является способом их существования.

Некоторые авторы решают рассматриваемый вопрос так: они указывают, что сознание, с одной стороны, является свойством мозга, продуктом его деятельности, с другой — представляет собой отражение действительности в идеальных образах. Как свойство, продукт деятельности мозга сознание материально, как отражение действительности — идеально[3].

Никто не спорит о том, что сознание является свойством мозга и отражением действительности в идеальных образах. Но из этого нисколько не следует, что оно в одно и то же время и идеально, и материально. Вос-

[1] «Мяч «представлен» в конфете идеально, — пишет Я. А. Пономарев (Карамель... не есть сам мяч; она только его изображение.)» (Я. А. Пономарев. Психика и интуиция, стр. 33.)

[2] «Леденец, имеющий форму петушка, в известном смысле идеален» (там же, стр. 44).

[3] См.: A. Policarow, DZfPh, 1959, № 2, S. 316.

произведение действительности в виде идеальных образов представляет собой не что иное, как свойство мозга. Эти образы возникают на основе определенных процессов, протекающих в мозгу, являются продуктом его деятельности, они не могут превратиться из идеальных снимков вещей в сами вещи, в их физические и химические свойства.

Существует также точка зрения, различающая сознание как отражение действительности и способность к такому отражению. Что касается отражения действительности, то оно, по мнению авторов этой точки зрения, идеально, способность же к отражению материальна[1].

Данная постановка вопроса, на наш взгляд, правильна. Способность к отражению действительности в идеальных образах и само отражение — весьма различные вещи. Первая существует объективно, вне и независимо от сознания, почему и является материальной. Она обусловливает появление идеальных образов, воспроизводящих действительность и составляющих сознание, но сама не превращается в эти образы, а существует вне и независимо от них. Второе же органически связано с указанными образами, осуществляется и существует лишь через них. Поэтому оно идеально. Идеальность сознания, таким образом, определяется идеальностью образов, через которые оно, как высшая форма отражения существует и воспроизводит окружающую действительность.

Итак, важнейшей чертой сознания является его идеальность. Оно существует и отражает мир в виде идеальных образов.

Существуя в виде идеальных образов, возникающих в мозгу человека в результате взаимодействия с окружающей действительностью, сознание представляет собой субъективное отражение действительности. Субъективность сознания выражается в том, что оно существует в виде внутреннего, духовного мира субъекта — человека и человеческого общества, отражающего внешний мир, объективную действительность. Но не все, что составляет внутренний мир субъекта, не все, что входит в сферу его сознания, зависит от него (от субъекта).

[1] См.: K. Oberländer. Einige Bemerkungen zum Verhältnis von Materie und Bewustsein. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität». Rostock. 11 Jahrgang 1962. Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe. JH 3, S. 204—205.

В субъективном мире человека имеются стороны, моменты, которые обусловливаются объективной действительностью, соответствуют ей и не зависят от субъекта — человека и человечества. Эти стороны, моменты представляют объективное в субъективном, являются особой формой существования внешнего мира во внутреннем мире субъекта. Сознание, таким образом, будучи субъективным отражением объективной действительности, представляет собой единство субъективного и объективного, единство того, что зависит от субъекта, от состояния его нервной системы, его индивидуального опыта, общественного положения, условий жизни и т. д., и того, что не зависит от него, а обусловлено окружающей действительностью, отражает ее.

Возникнув под воздействием труда в качестве стороны, формирующейся на основе последнего, общественной жизни и функции человеческого мозга, сознание проявилось прежде всего в виде осознания предком человека своего бытия[1], своего собственного существования, отделения себя от внешнего мира и определенного отношения к нему. Животное не отделяет себя от окружающей действительности, не знает, что существует. Оно полностью сливается со своей жизнедеятельностью. Для животного не существует ни отношения к себе, ни отношения к окружающей действительности. «Там, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «*относится*» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение»[2].

Дикарь, обретший сознание, впервые замечает, что он существует, что вокруг него существуют предметы, что эти предметы находятся в определенных отношениях, связях с ним и между собой. Осознавая свои инстинкты и привычки, он постепенно начинает понимать, что происходит вокруг него, в окружающей действительности. Сознание есть, таким образом, понимание того, что происходит в окружающей действительности. «Сознание, — пишет по данному поводу Е. В. Шорохова, — является способностью человека понимать окружающий мир, процессы, происходящие в нем, свои мысли и дей-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.
[2] Там же, стр. 29.

ствия и свое отношение к миру и себе самому»[1]. Аналогичную мысль на сознание проводит в своих работах и Н. П. Антонов[2].

Но понимание происходящего представляет собой не что иное, как его знание. Следовательно, сознание есть определенное знание[3]. Внешний мир присутствует в сознании в виде образов, возникающих в мозгу человека в результате взаимодействия его с этим миром. Совокупность этих образов, отражающих окружающую действительность, и составляет знание человека. Используя эти образы, содержащуюся в них информацию о тех или иных свойствах и связях предметов и явлений внешнего мира, человек и достигает понимания того, что происходит вокруг него. Знание, таким образом, является формой существования сознания. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — это — *знание*»[4].

Хотя сознание и проявляется как знание, оно далеко не тождественно последнему. Сознание существует не только в виде знаний, но и в виде эмоций, чувств, воли и т. д. С другой стороны, и не всякое знание составляет сознание. Знание представляет собой всю совокупность сведений об окружающей действительности, которыми располагает человеческое общество. Сознание же составляет лишь те сведения, которые органически вплетены в данный конкретный мыслительный процесс субъекта, на которых строится его понимание окружающей обстановки. Другими словами, сознание — это не все знание, а лишь то, которое используется человеком в каждый данный момент, которое оживает в его мозгу при осмыслении той или иной конкретной ситуации. На эту сторону дела обратил внимание при характеристике сознания французский нейрофизиолог А. Фессар. По его мнению, к области сознания относится не всякая интегрирующая деятельность ума, а лишь та, которая вплетается в данный конкретный опыт, на основе которой происходит его осознание. В связи с этим А. Фессар

---

[1] Е. В. Шорохова. Проблема сознания в философии и естествознании. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 256.

[2] См.: Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания.

[3] См.: С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 153.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 633.

предлагает назвать сознание «испытываемой интеграцией». Имея в виду сознание, он заявляет: «Это явление мы предлагаем назвать «испытываемой интеграцией», для того чтобы отличить его от умственных интеграций вообще, потому что большая часть их остается бессознательной (неиспытываемой)»[1].

В процессе своей жизни, практической деятельности человек постепенно переходит от осознания одних сторон и связей действительности к осознанию других, в связи с чем содержание его сознания постоянно меняется. Вместе с этим постоянно меняется и круг знаний, входящих в сферу сознания. Одни из них оживляются и тем самым входят в сферу сознания, другие, выполнив свою функцию, выпадают из сферы сознания и переходят в область бессознательного.

Некоторые авторы не учитывают данного обстоятельства и включают в сознание все знание, которым располагает человечество, независимо от того, включено оно в мыслительный процесс субъекта или не включено, используется для достижения понимания той или иной ситуации или не используется[2].

Говоря о закономерностях соотношения сознания и знания, мы имели в виду сознание отдельного человека. Между тем о сознании можно говорить не только применительно к отдельной личности, но и применительно к обществу. Не является ли в таком случае все знание способом существования общественного сознания? Все знание, знание как таковое, не может выступать и в качестве формы бытия общественного сознания. В содержание общественного сознания оно входит лишь той своей частью, которая так или иначе отражает существующее общественное бытие.

Итак, знание является способом или формой существования сознания не само по себе, а лишь постольку, поскольку через него достигается осознание (осмысление, понимание) того или иного положения вещей.

Осознание тех или иных моментов действительности осуществляется или путем подведения их под соответствующие, имеющиеся у субъекта, понятия и представления, или путем открытия и осмысления новых, не извест-

[1] **A. Fessard.** Mechanisms of nervous integration and conscious experience, brain mechanisms and cosciousness, Oxford, 1954, p. 202.

[2] См.: А. Спиркин. Происхождение сознания. М., 1960, стр. 9.

ных ранее субъекту сторон и связей рассматриваемого объекта. Осознание объекта путем открытия в нем новых сторон и связей представляет собой познание. Значит, сознание выступает и как познание действительности.

Учитывая, что все знания, которыми располагают люди, были получены в процессе развития общественного познания, отражения действительности на основе ее практического изменения, нетрудно заметить, что познание является необходимой стороной сущности сознания, без которой невозможно его функционирование и развитие.

Являясь необходимой стороной сознания, формой его проявления, познание, однако, не исчерпывает всего его содержания, не исключает других его форм проявления. Познание, как уже отмечалось, предполагает открытие нового, новых свойств и связей осознаваемого объекта. Но сознание не всегда связано с отражением нового, оно может функционировать и в рамках познанного, на основе уже существующих в обществе знаний. Это обстоятельство упускают из вида некоторые авторы. Давая характеристику сознания, они указывают, что последнее связано лишь с новыми, ранее не известными субъекту моментами окружающей действительности, осознаваемого объекта. Поэтому оно проявляется лишь тогда, когда субъект сталкивается с незнакомой ему ситуацией, и отсутствует в случаях, повторяющих то, что уже было, с чем субъект много раз сталкивался. Такую точку зрения на сознание развивает, в частности, Э. Шредингер. «Сознание, — пишет он, — связано со своими приспосабливающимися к изменяющимся внешним условиям функциями». И далее: «В сферу сознания проникают лишь те модификации или различия, благодаря которым новое течение явления отличается от прежних...». Иллюстрируя эту свою мысль на примерах, он продолжает: «Мы идем обычной дорогой к месту работы, сворачиваем на другую сторону улицы, пересекаем проезжую часть всегда в том же самом месте и т. д. — думаем при этом совсем о других вещах. Если происходит изменение ситуации (например, улица разрыта и мы должны ее обойти), то это проникает в сознание... «Разветвление дороги» также фиксируется. Если ситуация имеет меняющиеся варианты — иногда мы имеем дело в университете, иногда в физическом инсти-

туте — мы выбираем целесообразные варианты реакции (или сворачиваем на противоположную сторону улицы, или идем дальше прямо) совсем автоматически, полностью бессознательно. Так, — рассуждает далее он, — различные варианты, разветвления располагаются один над другим в невообразимом множестве, но только новейшие, которые не охвачены тренировкой, проникают в сознание. Вообще, — делает вывод Шредингер, — я мог бы резюмировать так: сознание связано с обучением органической субстанции, органическое умение бессознательно»[1].

Итак, согласно Шредингеру, всякое явление лишь постольку «связано с сознанием субъекта, поскольку оно для него является новым», все что повторяется, «выпадает из сферы сознания»[2].

Шредингер прав в том, что однообразные, часто повторяющиеся действия обычно осуществляются людьми автоматически, бессознательно, но это вовсе не означает того, что они не осознают ситуации, в которой находятся, хотя она и буквально повторяет предшествующие случаи. Какими бы автоматическими ни были их действия, они не могут не осознавать, где находятся, чем заняты, что происходит в окружающей их действительности. Одним словом, при всем автоматизме совершения тех или иных действий человек никогда не теряет понимания происходящего, хотя в последнем и нет ничего нового, отличного от того, что уже совершалось много раз. Это и естественно, ибо оно, это понимание, достигается не только путем познания, предполагающего выявление нового, еще неизвестного, но и путем использования имеющихся у субъекта сведений об окружающей действительности, знаний того, что уже много раз повторялось.

Выше мы говорили о путях достижения понимания того, что происходит с субъектом и в окружающей его действительности. Но какую роль в жизни людей играет понимание ими происходящего? Оно является необходимым условием ориентации человека в окружающей действительности. Опираясь на правильное понимание действительности, знание тех или иных ее необходимых

---

[1] E. Schrödinger. Geist und Materie. 2 Auflage. Braunschweig, Vieweg, 1961, S. 6.

[2] E. Schrödinger. Geist und Materie, S. 6.

сторон и связей, человек как бы заглядывает в будущее, воспроизводит в виде идеальных образов то, чего еще нет, но что должно произойти вследствие тех или иных воздействий на нее. На основе этого опережающего отражения действительности он ставит соответствующие цели и подчиняет им свое поведение, свои действия. Основывающиеся на знании необходимых сторон и связей явлений внешнего мира, понимании того, что происходит в окружающей действительности, предвидение будущего и связанное с ним целеполагание составляют важнейшую функцию сознания. Осуществление этой функции отличает человеческое поведение от поведения животного, человеческую разумную деятельность от инстинктивных действий животных. «Паук, — писал К. Маркс, — совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»[1].

Опережающее отражение действительности, осуществляемое сознанием, лежит не только в основе целеполагания, разумной ориентации субъекта в окружающей действительности, но и в основе творческой, преобразовательной деятельности, являющейся необходимой стороной труда. Возникнув под непосредственным воздействием труда, предполагающего преобразование действительности в соответствии с потребностями общества путем воздействия на нее специально созданными орудиями, сознание не только обеспечивает понимание осуществляемых действий, не только создает идеальный образ того, что должно получиться в результате этих действий, но и соотносит, соединяет все эти действия с конечным результатом, т. е. на основе имеющихся в его распоряжении знаний действительного положения вещей и обусловливаемых последним реальных возможностей оно творит новое, не существующее в действительности, которое, будучи выражено в системе идеальных образов, становится реальным планом материальной деятельно-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

сти, превращающей ту или иную возможность материи в действительность. Без этого четко представляемого плана, указывающего пути преобразования действительности соответственно потребностям человека, невозможно осуществление практической, трудовой деятельности. Это свидетельствует о том, что сознание является необходимой стороной производственной деятельности, формируется и развивается вместе с формированием и развитием последней.

Будучи стороной практической, преобразующей в интересах общества объективную действительность деятельности, сознание, однако, не сливается с ней. Эта деятельность является материальным процессом. «Труд, — писал К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы»[1]. Что же касается сознания, то оно по своей природе идеально, оно — отражение, снимок, копия существующей действительности и основывающееся на этом отражении представление (в виде системы идеальных образов и отношений) будущей действительности. Оно является не самим реальным процессом создания новых материальных образований, а «субъективной представляемостью будущего акта творчества»[2], идеальной моделью процесса творения и его результата, а также фактором, осуществляющим контроль за ходом творчества, постоянно соотносящим производимые субъектом действия и их результаты с указанной моделью.

Некоторые авторы не учитывают указанного обстоятельства, включают в сознание трудовую деятельность, сам процесс целенаправленного изменения объективной действительности и тем самым смешивают материальное с идеальным, физические взаимодействия с психическими. Так, характеризуя сознание индивида, Н. П. Антонов, например, пишет: «Познание себя, окружающей среды и своего отношения к этой среде, а также активная деятельность, направленная на достижение целей,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 188.

[2] П. Ф. Протасеня. Происхождение сознания и его особенности. Минск, 1959, стр. 250.

которые человек себе ставит в зависимости от отношения к окружающему миру (курсив наш. — *А. Ш.*), и характеризуют индивидуальное сознание человека, как свойство мозга отражать окружающий мир»[1].

Наблюдается также тенденция обеднения содержания сознания, а вместе с этим и искажения его. Есть авторы, которые все содержание сознания сводят к свойству отражения объективной, существующей вне и независимо от него действительности. «Единственное свойство» сознания, с признанием которого связан философский материализм, — заявляет, например, И. Молчанов, раскрывая сущность сознания, — есть свойство отражать действительность в ее объективном значении»[2].

Несомненно, сознание обладает свойством отражения, больше того, это свойство относится к числу важнейших основных его свойств. Но, будучи важнейшим, основным свойством сознания, оно не раскрывает его специфической сущности, не отличает его от форм отражения, проявляющихся на низших, предшествующих человеческому обществу ступенях организации материи. Наоборот, оно выражает то общее, что связывает человеческое сознание с отражательными процессами, свойственными материальным образованиям живой и неживой природы. Руководствуясь только им, мы неизбежно должны признать наличие сознания у животных, растительных организмов и даже в неживой природе. Не случайно поэтому некоторые авторы, разделяющие данную точку зрения на сознание, приходят именно к такому выводу, считают, что оно присуще всем живым организмам. «Сознание,— заявляет, например, Д. Кутасов,— начинается с простой раздражимости, чувствительности у низших растений и животных и доходит у людей до логического, абстрактного теоретического мышления, связанного со звуковым языком»[3]. Аналогичную мысль развивает Г. Г. Голиков: «Сознание, — пишет он, — это философская категория, которой мы обозначаем все психические процессы, все виды нематериальной деятель-

---

[1] Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания, стр. 179.

[2] И. Молчанов. В. И. Ленин и решение вопроса об абсолютном и относительном противопоставлении материи и сознания. В сб.: «Всепобеждающие идеи». Ростов-на-Дону, 1960, стр. 278.

[3] Д. Кутасов. В чем состоит основной вопрос философии? М., 1958, стр. 32.

ности живых существ»[1]. О наличии сознания у живых организмов говорят и буржуазные авторы, в частности Д. Вильямс, Д. Хебб и др.[2].

Сознание — это не просто отражение действительности в ее объективном значении, а осознанное, идеальное по своей природе, отражение, сопровождающееся пониманием субъектом того, что отражается, отражение, опережающее действительность, представляющее субъективно результат ее изменения и развития и в связи с этим делающее возможным целеполагание и творчество. Одним словом, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»[3]. Только все эти моменты в совокупности, в их органической взаимосвязи и взаимозависимости составляют сущность сознания, его специфическую природу.

Итак, попытка сведения содержания сознания к отражению действительности приводит к ликвидации его качественной специфики, к отождествлению его с другими, низшими по уровню развития формами отражения.

На этом, в частности, строят свои рассуждения некоторые современные критики ленинской теории отражения. Объявляя сознание отражением действительности, рассуждают они, мы ликвидируем его специфическую сущность, поскольку отождествляем его с отражательными процессами, свойственными животным и растительным организмам и даже материальным образованиям неживой природы.

Отражение, пишет, например, югославский философ Михайло Маркович, «не является специфической характеристикой человеческого сознания: восприятия животных, рефлексы растений и даже взаимодействие объектов неорганической природы являются также своеобразным отражением»[4]. Согласно точке зрения, «самым характерным представителем которой является Ленин, а также многие другие, в том числе и Тодор Павлов, —

---

[1] «Сборник статей по диалектическому материализму». М., изд-во МВТУ, 1959, стр. 80.

[2] См.: D. Williams. Old and new concepts of the basis of consciousness. The brain and its functions. Oxford, 1959, pp. 75—76; D. Hebb. The problem of consciousness and introspection. Brain mechanismus and consciousness. Oxford, 1954, pp. 406—407.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

[4] M. Markovic. Humanizam i dijalectika. Beograd, 1967, str. 129.

заявляет, подчеркивая указанную мысль, Гайо Петрович, — вся наша духовная жизнь — по существу отражение, а все формы нашего сознания суть только разные виды субъективного отражения объективной действительности. Но сознание не является единственным источником отражения; материя также имеет свойства, сходные с ощущением: свойство отражения. Отражение — это общее свойство материального мира...» [1].

Что касается того, что отражение свойственно всей материи, то это верно, но из этого вовсе не следует, что сознание не является отражением действительности. Сознание представляет собой высшую форму отражения, которая присуща человеку и возникает лишь в обществе на основе трудовой, производственной деятельности, изменяющей окружающую действительность в интересах человека. Поэтому, раскрывая сущность сознания, мы не можем игнорировать то обстоятельство, что оно представляет собой отражение действительности. Другое дело, что этой характеристики недостаточно для выявления специфики сознания. Указывая на то, что сознание является высшей формой отражения действительности, мы должны показать особенности данной формы отражения, отличающие ее от других форм отражения. Такой особенностью, в частности, и является как раз то, что сознание есть осознанное отражение действительности, понимание субъектом своего бытия и своего отношения к окружающему, что оно связано с целеполаганием и деятельностью, направленной на осуществление целей, а вместе с этим и на изменение действительности, другими словами, что оно является необходимой стороной и условием творческой деятельности. Ни одна из этих черт не свойственна другим, предшествующим сознанию формам отражения.

Но, может быть, при определении сущности сознания достаточно отметить лишь эти, специфические моменты, отличающие его от других явлений, и ничего не говорить о том, что оно есть отражение, поскольку последнее не отличает его от других форм отражения? Нет, не достаточно. Отражение действительности для сознания является фундаментальным свойством, обусловливающим возможность существования других его свойств. Потеря сознанием способности отражать действительность не-

---

[1] G. Petrovic. Filozofija y marksizam. Zagreb, 1965, str. 252.

избежно ведет к потере всех других его свойств. В самом деле, сознание субъектом своего бытия и своего отношения к окружающей действительности как признак сознания есть не что иное, как отражение действительности; понимание субъектом происходящего вокруг достигается тоже лишь через отражение, через использование получаемой в результате него соответствующей информации. Далее, целеполагание как определенная функция сознания опирается на имеющиеся в распоряжении человека сведения о свойствах и связях окружающей действительности, т. е. на результаты отражения, и, кроме того, отражает потребности субъекта, а вместе с этим и его бытие.

Теперь о творческой деятельности сознания. Многие авторы, выступающие против понимания сознания как отражения действительности, указывают на то, что отражение является типичным для животного, а не для человеческого отношения к действительности. Человек, заявляют они, существо творческое. Для него типичным является творческое, практическое отношение к действительности. И если это так, рассуждают они, то сознание человека надо рассматривать не как отражение действительности, а как творение ее. «Когда мы говорим об отношении человека и человеческого познания к миру, — рассуждает Михайло Маркович, — мы должны исходить из того, что мы — практические существа, что мы прежде всего работаем. Это — основная наша характеристика. Поэтому ...свойство отражения не является типичным для человеческого сознания. Также теория познания не является типичной для марксистской философии: отражение не является типичным для человеческого сознания, — продолжает он, — потому, что отражение имеет место и в сознании животных. Для человеческого сознания и отношения человека к миру типическим является то, что это отношение творческое, активное, практическое»[1].

По мнению сторонников этой точки зрения, человек не отражает, а творит, изменяет мир, и делает он это не только тогда, когда практически воздействует на него, но и тогда, когда интерпретирует, объясняет его. Критикуя 11-й тезис Маркса о Фейербахе, мысль о том, что домарксовские философы лишь различным образом

---

[1] «Neki problemi teorije odraza». Bled, 1960, str. 140.,

объясняли мир и не ставили задачи изменить его, Гайо Петрович пишет: «Интерпретация мира, не означающая его изменение, логически невозможна. ...Когда человек интерпретирует мир, он тем самым меняет, по крайней мере, свое понимание мира, а изменяя свое понимание мира, он не может не изменять и свое отношение к миру. Изменяя свое понимание и поведение, он влияет на понимание и деятельность других людей, находясь с ними в различных отношениях.

Насколько данная теория изменяет мир — это вопрос практики. Но в принципе не может быть, чтобы данная философская теория не изменяла мира. Это невозможно и потому, что всякая философская теория и вообще всякая интерпретация мира означает своеобразное создание мира»[1].

Итак, согласно Г. Петровичу, всякое объяснение, познание мира есть его создание, творение, но не отражение. Отражение несовместимо с творчеством. «В нем нет ничего творческого»[2]. А если это так, то, делает вывод Г. Петрович, ленинская теория отражения не имеет научной ценности, она «не совместима с марксовым пониманием человека как творческого, практического существа»[3]. «Попытки спасти теорию отражения не имеют больших шансов на успех»[4].

Посмотрим, насколько обоснованны все эти рассуждения. Что касается того, что отличительной чертой человеческого отношения к действительности является ее преобразование в процессе практической деятельности, то это верно. Верно и то, что мы из этого обстоятельства должны исходить при определении сущности сознания, которое возникло на основе трудовой деятельности людей и является важнейшим условием ее осуществления и развития. Но из этого вовсе не следует, что сознание только творит и ничего не отражает. Сознание не может творить, создавать новое, не отражая действительности, не опираясь на отраженные необходимые ее свойства и связи, законы ее изменения и развития, ибо все новое в объективной действительности, что создает человек в результате творческой деятельности своего сознания, должно подчиняться объективным, существующим

[1] G. Petrovic. Filozofija i marksizam, str. 256.
[2] Ibid., str. 257.
[3] Ibid., str. 250.
[4] Ibid.

вне и независимо от сознания законам. Далее, любое истинное творчество является отражением и осуществлением в сознании и действительности реальных возможностей.

Конечно, если под творческой деятельностью сознания понимать создание любых идей, независимо от того, соответствуют они действительности или не соответствуют, осуществимы они или нет, тогда отражение не будет являться необходимой стороной сознания. Но такое творчество не способно преобразовать действительность, превратить ее в средства удовлетворения потребностей общества. И если это так, то оно не может составлять сущности человеческого отношения к действительности. Для человеческого отношения к действительности характерно такое творчество, которое ведет к реальному преобразованию окружающей действительности, к созданию необходимых условий для существования и развития общества. А последнее возможно лишь тогда, когда оно основывается на отражении существующей действительности и свойственных ей реальных возможностей.

По мнению же критиков ленинской теории отражения, творческая деятельность сознания не должна основываться на отражении. Если последнее и необходимо, то не для осуществления практического преобразования действительности, не для создания нового, а для познания созданного. Поэтому оно (отражение) осуществляется не в творчестве и не в предшествующий ему период, а когда творческая деятельность завершена. «Никто не мог раньше знать, — пишет по данному поводу Драган Еремич, — каким будет югославское общество до того, как его начали создавать политики и наш народ. До 1950 года, — продолжает он, — никто не мог предположить, как должна выглядеть работа рабочих советов. Вначале необходимо было на практике посмотреть их работу, чтобы потом увидеть, что речь идет о новой форме социалистического управления средствами производства». Позже «на основе практики были произведены соответствующие изменения в нашей экономической системе. Необходимо, следовательно, — делает вывод Д. Еремич, — действовать, создавать, изменять, а потом бдительно смотреть, как проходят действия, создание, изменение...»[1]. Следовательно, люди творят вслепую, наугад, не зная, что получится.

[1] «Neki problemi teorije odraza», str. 141.

Нетрудно понять, что подобное творчество, как и произвольное творение всевозможных мысленных конструкций, не составляет сущности человеческого отношения к действительности, необходимой функции его сознания. Сущность человеческого отношения к действительности составляет творчество, основывающееся на отражении существующей действительности и ее реальных возможностей, ее необходимых сторон и связей, объективных законов ее изменения и развития. Именно с такой творческой деятельностью связано сознание, именно она определяет его специфическую сущность.

Итак, с какой бы стороны мы ни подошли к характеристике сознания, мы не можем обойтись без указания на то, что оно представляет собой отражение действительности, отражение специфическое, существенным образом отличающееся от других, свойственных материи, форм отражения, но тем не менее отражение.

В качестве другого аргумента против понимания сознания как отражения действительности обычно выдвигается тот факт, что в сознании людей якобы имеются такие мысли, понятия, суждения, которые, будучи истинными, ничего не отражают в действительности. «Все мы, — пишет, например, Гайо Петрович, — ежедневно высказываем истинные суждения, в истинности которых ни на иоту не сомневаемся, хотя нельзя дать ответ на вопрос: что они отражают? Негативное экзистенциалистское суждение, — продолжает он, — является, например, истинным, если нет того, что оно отражает. Разве такое суждение можно интерпретировать как отражение действительности? Что отражает суждение «Нет кентавра» или суждение «Нет круглого квадрата»? Вся система математических суждений — это система истинных суждений, про которые трудно сказать, что они отражают. Что отражает, — продолжает автор, — суждение о прошлом, будущем, возможности, невозможности?» [1].

Данное рассуждение не имеет под собой никакой реальной почвы. Автору кажется, что об отражении может идти речь лишь тогда, когда в сознании возникает мысль о том или ином реально существующем предмете, свойстве или отношении. Однако это далеко не так; сознание фиксирует не только то, что существует, что присуще тому или иному предмету, но и то, что не существует, что

---

[1] G. Petrović. Filozofija i marksizam, str. 254.

не характеризует предмет. И в первом, и во втором случае суждения, в которых осуществляется эта фиксация, являются истинными только потому, что они отражают действительное положение вещей.

С этих же позиций автор подходит к суждениям о прошлом и будущем, возможном и невозможном. Автор думает, что отражать можно только то, что существует сейчас, в данный момент. Суждения же о прошлом, будущем, возможном и невозможном касаются того, чего в данный момент нет, что сейчас не существует. Автор не учитывает того обстоятельства, что отражение бывает не только непосредственным, но и опосредствованным. При непосредственном отражении отражаемый объект должен существовать реально, в данный момент времени, при опосредствованном отражении объект реально в данный момент может и не существовать. Его воспроизведение в сознании осуществляется через отражение других объектов, которые позволяют высказать те или иные истинные суждения о нем. Что же в этих реально существующих объектах дает нам основание судить о том, что было и будет? Воспроизведение в сознании прошлого и будущего на основе отражения настоящего возможно потому, что прошлое в снятом виде существует в настоящем. Отражая сущность того или иного материального образования, открывая законы его функционирования и развития, мы так или иначе воспроизводим процесс его становления, пройденные ступени развития, а вместе с этим и свойственные им черты. Далее, познав сущность реально существующего материального образования, выявив свойственные ему необходимые стороны и тенденции, мы можем судить о том, чем станет данное материальное образование в будущем, при других условиях, как изменятся его свойства, во что оно превратится. И эти наши суждения будут истинными, будут отражать действительное положение вещей.

В этом же плане решается вопрос и об истинности суждений возможности и невозможности. Мысль о возможности или невозможности основывается на отражении действительности, свойственных ей необходимых сторон и связей, законов ее изменения.

Доказывая, что отражение не является необходимой характеристикой сознания, ссылаются также на такие явления сознания, как эмоции и воля, которые якобы

тоже ничего не отражают в действительности. «Когда я говорю, — пишет по данному поводу Гайо Петрович, — что оно (отражение. — *А. Ш.*) несовместимо с явлением сознания, то думаю, что оно нам не может объяснить почему, в каком смысле и каким образом все наши сознательные действия отражают действительность. Что отражает воля и эмоция? Разве любовь, ненависть, зависть, злоба являются различными формами отражения внешних предметов, на которые они направлены?»[1].

Нетрудно заметить, что и эти рассуждения автора основываются на узком, упрощенном понимании отражения. В его представлении отражением может быть лишь то, что воспроизводит в сознании находящийся перед нами предмет; между тем сознание отражает не только предметы, воздействующие на органы чувств человека, но и условия его жизни, экономические отношения, в которых он находится с другими людьми. И отражает оно не только в виде идеальных образов, воспроизводящих те или иные стороны воздействующих объектов, но и в виде переживаний, стремлений, настроений, чувств. Последние, в частности, отражают значение для субъекта воздействующих на него явлений, его отношение к ним.

Для доказательства того, что сознание не может быть отражением действительности, ссылаются и на закономерности взаимосвязи субъекта с объектом, которые якобы свидетельствуют о том, что сознание представляет собой не субъективное отражение действительности, а творение ее. Те, кто исходит из того, что сознание является субъективным отражением объективного мира, рассуждает, например, Данко Грлич, «ясно и недвусмысленно противопоставляют субъект всей объективной действительности и таким образом исключают его из нее». «Что, — спрашивает он, — представляет такой субъект, если он не является не только материальной, но и объективной действительностью?» И отвечает: «Он тогда пустая фикция, иллюзия, изображение, нечто недействительное...» [2].

Здесь обращает на себя внимание прежде всего отождествление понятий субъекта и субъективного отражения объективной действительности. Между тем это

---

[1] G. Petrović. Filozofija i marksizam, str. 254.
[2] «Neki problemi teorije odraza», str. 134.

весьма различные вещи. Субъект — это не субъективное отражение действительности, не сознание, а материальная система — общество, образованное людьми на основе производства, распределения и потребления материальных благ, обладающими сознанием и в связи с этим способными в субъективных образах отражать объективную действительность. Будучи материальной общественной системой, субъект не исключается из объективной действительности, а выступает в качестве одной из ее составных частей, одной из форм ее бытия. Он взаимодействует с другими окружающими его формами существования материи, отражает их свойства и связи в возникающих у него в ходе этого взаимодействия субъективных образах и, опираясь на содержащуюся в них информацию, целенаправленно изменяет окружающую действительность. Но нельзя думать, что все это Д. Грличу не известно. Он знает, что́ понимают марксисты под субъектом, и поэтому вынужден специально остановиться на этом понимании. «Могут сказать, — пишет он, — ...субъект марксистской теории отражения представляет исторически и общественно обусловленный результат, проистекающий из взаимопроникновения закономерностей реальных факторов и данной ступени общественного развития. Но диалектика для некоторых «теоретиков», — продолжает он, — не является конфузом понятий, бессмысленным эклектицизмом, которая свою непоследовательность спасает некоторыми фразами о взаимопроникновении противоположных полюсов. Поскольку субъект является продуктом общественных закономерностей, постольку еще абсурднее попытка втянуть его в тезис о субъективном образе объективного мира. В этом случае фикцией является не только субъект, ибо объективной действительности противопоставляются и все эти экономические, исторические и общественные законы, которые провозглашаются необъективными, недействительными, пустыми иллюзиями»[1].

Итак, признание сознания субъективным образом объективной действительности, по мнению Д. Грлича, неизбежно должно превратить субъект в нечто иллюзорное, недействительное, нереальное, одним словом, в фикцию.

Но откуда все это следует? Почему вдруг способ-

[1] «Neki problemi teorije odraza», str. 133—134.

ность субъекта отражать в своем сознании в субъективной форме объективную действительность должна исключать его (субъект) из этой действительности? Почему эта способность должна превращать его в нечто нереальное, недействительное? Наоборот, именно этот факт, т. е. наличие у субъекта способности субъективного отражения объективной действительности, познания ее, делает его реальным субъектом, способным активно воздействовать на окружающий мир и творчески изменять его, ибо, как мы уже отмечали, целенаправленное изменение действительности предполагает знание ее необходимых свойств и связей, законов функционирования и развития и обусловливаемых ими возможностей. Субъект, лишившийся способности отражать действительное положение вещей, познавать законы движения и развития окружающего его мира, не в состоянии целенаправленно действовать, практически изменять действительность, творить новое. А без этого он не может быть полноценным, реальным субъектом. Значит, в фикцию, в нечто недействительное, нереальное превращает субъект не наличие у него способности субъективного отражения объективной действительности, а отсутствие ее.

Против признания сознания отражением действительности выдвигается и такой довод. Если сознание представляет собой отражение действительности, то его развитие неизбежно должно привести к окончательному познанию всей природы и общества. Но тогда весь мир должен будет содержаться в нашем сознании, и оно как человеческое сознание должно будет исчезнуть, лишиться активности и превратиться в универсальное зеркальное отражение [1].

Данное рассуждение, как и предшествующее, не имеет под собой реальной почвы. Оно не отражает действительного положения вещей. Во-первых, человеческое познание никогда не достигнет такого пункта в своем развитии, когда будет познано все до конца, когда весь мир будет отражен в сознании людей, ибо отражаемая действительность не стоит на месте, а постоянно изменяется, развивается. Во-вторых, никакое развитие познания не может привести к превращению сознания отдельного человека в универсальное сознание, поскольку

[1] См.: «Neki problemi teorijé odraza», str. 134.

возможности отдельного человека всегда ограниченны, и он не в состоянии овладеть всеми знаниями, которыми располагает человечество. В-третьих, увеличение знаний людей не только не ликвидирует их активности, но усиливает ее, так как расширяет их творческие возможности и поле деятельности.

В критике марксистского учения о сознании как отражении действительности много места отводится доказательству ложности ленинского положения об ощущении как субъективном образе объективной реальности. Доказательство это осуществляется, как правило, следующим образом: берется какое-либо ощущение, чаще ощущение того или иного цвета, и показывается, что оно не является точной копией, снимком со световых волн соответствующей длины. А затем делается вывод о том, что ленинское учение об ощущениях как копиях, образах предметов внешнего мира ложно. Так поступают, в частности, А. Джемс Грегор и Х. Б. Эктон. Кажется, рассуждает, например, А. Д. Грегор, ленинское заявление о том, что ощущения суть копии или образы объектов, должно быть несомненным. Но даже предварительный анализ выявляет бессмысленность этого утверждения. «Первая трудность, — продолжает он, — возникает из рассмотрения простых предикатов, которые должны определять объекты внешнего мира: что мы имеем в виду, например, когда мы говорим о вещи, что она красная? Красный цвет, который мы осознаем, не может быть представлен в сколько-либо важном значении, как «копия», «отражение» или «фотография» световой волны длиной в 647—760 миллионных долей миллиметра» [1].

«Вибрация эфира и ощущения цвета, — пишет Х. Б. Эктон — развивая эту же мысль, — очень отличны один от другого, так что странным кажется полагать, что ощущаемые цвета являются копиями, снимками или зеркальными отражениями вибрации»[2].

Нетрудно заметить, что расматриваемые авторы в термины «копия», «снимок», «отражение» вкладывают тот смысл, который они приобретают, будучи использованными для осмысления физических явлений. Под «копией» они понимают физическую копию, под «снимком»—

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensations. «Studies on the left», v. III, 1963, № 2, p. 35.

[2] H. B. Acton. The Illusion of the epoch. Marxism—Leninism as a philosophical creed. London. Cohen and West, 1955, p. 40.

фотографический снимок, под «отражением» — зеркальное отражение. Это, в частности, следует из такого заявления А. Д. Грегора: «Мы все очень хорошо осознаем, что мы подразумеваем, когда говорим об «образах» в смысле фотографии, мы также имеем в виду портретное сходство, когда говорим о портретном подобии» [1]. Ленин же в указанные термины вкладывал другой смысл. Он подчеркивал, что ощущения являются субъективными образами вещей [2], идеальными, а не физическими, не материальными снимками, копиями. Будучи субъективными, т. е. существующими только в сознании людей образами, ощущения испытывают на себе влияние не только отражаемого предмета или его свойства, но и отражающего человека, зависят не только от объекта, но и от субъекта, от его органов чувств, нервной системы, психического состояния. Другими словами, ощущение является результатом взаимодействия объекта и субъекта, представляет собой явление объекта субъекту и, как всякое явление, не только выражает сущность воздействующего предмета, но и искажает ее. Не случайно всякое явление, раскрывая сущность того или иного предмета, не совпадает с ней, отличается от нее. Тем более это характерно для ощущения, которое выражает сущность воздействующего на органы чувств человека объекта не в материальной форме, а в идеальной, субъективной. Из этого следует, что ощущение не может быть буквальной, полной копией, зеркально точным отражением предметов, а является своеобразным, видоизмененным соответственно особенностям отражающего субъекта воспроизведением тех или иных сторон, свойств объекта.

Нельзя думать, что критики ленинской теории отражения не заметили этого. Они специально цитируют то место из сочинений В. И. Ленина, где он указывает на субъективность ощущений и подвергает его критике. «Одно направление в современном марксизме, — пишет в связи с этим А. Д. Грегор, — склонно интерпретировать ленинские заявления в критическо-реалистическом смысле, т. е. что форма ощущения субъективна, в то время как содержание объективно. Иными словами, ощущение красного есть субъективная форма «объективного содержания» волны длиной 647—760 миллионных долей миллиметра.

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensations, p. 35.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 120.

...Но эта интерпретация — продолжает он, — уязвима, против нее можно привести ряд возражений»[1].

В качестве одного из возражений против трактовки ощущения как «субъективного образа объективного мира» А. Д. Грегор приводит следующее рассуждение: «Если мы считаем, что ощущение имеет субъективную форму и объективное содержание в выше приведенном смысле, то можем ли мы сказать определенно, что ощущения «отражают», «изображают», «фотографируют» реальность? Не будет ли более правильным сказать, что ощущения в лучшем случае «сигнализируют» о «реальности» (т. е. о световых волнах, электронах, фотонах и т. д.), которая может быть выведена только посредством последующего концептуального анализа и логического конструирования?»[2].

Тот факт, что ощущение является субъективным образом, не исключает того, что оно отражает объективную реальность, является ее своеобразной копией. Необходимость абстрактного мышления, логического анализа и синтеза для установления действительного положения вещей, раскрытия сущности воздействующего на органы чувств объекта свидетельствует не о том, что ощущение не отражает действительности (реальности), а о том, что оно отражает, копирует ее внешние стороны, то, что лежит на поверхности, т. е. явления. Явление же, как мы уже отмечали, не совпадает с сущностью, искажает ее. Отражая явление, внешние стороны объективной реальности, ощущение не способно дать нам знания сущности. Поэтому возникает необходимость в абстрактном мышлении, которое через логическую обработку чувственных данных, построение соответствующих конструкций осуществляет переход от внешнего к внутренному, более или менее точно воспроизводит действительное положение вещей. Здесь следует подчеркнуть, что переход от внешнего к внутреннему, от фиксации в ощущениях явления к воспроизведению в процессе абстрактного мышления сущности объекта становится возможным только потому, что в ощущениях отражается, копируется объективная реальность, соответствующие ее стороны, моменты, ибо, только опираясь на них, теоретическое познание может построить такие мысленные конструкции, которые вос-

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensations, p. 38.
[2] Ibid.

производят в системе абстрактных понятий сущность исследуемого предмета.

Итак, субъективность ощущений и тот факт, что они не в состоянии дать знания сущности воздействующего на органы чувств объекта, не доказывают того, что они не отражают объективной реальности.

Не является обоснованным и второе возражение А. Д. Грегора против субъективности ощущений. «Если,— заявляет он,— нам дана только субъективная форма (ощущения), то где гарантия того, что мы можем предсказать объективное содержание чувственного опыта?» [1].

Когда В. И. Ленин говорит о том, что ощущение есть субъективный образ объективного мира, он под субъективностью понимает принадлежность ощущений субъекту, т. е. существование их в сознании человека в виде идеальных, духовных образований. Будучи субъективными по форме существования, ощущения имеют в своем содержании такие моменты, которые в специфической для субъекта форме (в виде осознанных идеальных образов) отражают соответствующие стороны воздействующего на органы чувств человека предмета и не зависят от субъекта, не зависят ни от человека, ни от человечества [2]. Наличие этих объективных моментов в содержании ощущений и является гарантией того, что чувственный опыт дает нам определенное, истинное знание о внешнем мире, объективной реальности.

А. Д. Грегор по-своему понимает субъективность. Для него субъективность ощущений означает отсутствие какой-либо связи их с объективным миром, отсутствие в этом мире тех свойств, которые через них (ощущения) осознаются. Не случайно поэтому он отрицает существование в окружающем нас мире всех выявленных людьми в процессе познания свойств. Больше того, он приписывает это отрицание и В. И. Ленину. «Теперь, с прогрессом теории относительности и ядерной физики,— заявляет он,— нет ни единого качества «вещей», которое в некотором смысле не опровергнуто. Ни длительность, ни протяженность, ни цвет, ни вкус, ни форма, ни строение, ни непроницаемость не могут предстать в качестве объективных свойств в онтологическом смысле. Подавленный этими соображениями,— продолжает он,— Ленин

---

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensations, p. 38.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.

был вынужден утверждать, что «философия материализма» не должна приписывать каких-либо окончательных качеств воспринимаемому объекту, кроме свойства «безусловного существования вне сознания»[1]. Обработав таким образом В. И. Ленина под субъективиста, А. Д. Грегор далее пишет: «Если мы не можем должным образом определить что-либо из объективных свойств материи, как мы можем сказать, что ощущения «копируют», «отражают» и «фотографируют» эти свойства?»[2].

Что касается самого Грегора, то он, разумеется, волен иметь какое угодно представление о тех или иных свойствах окружающей нас действительности. Но поскольку здесь его собственная и потому ни для кого не обязательная точка зрения приписывается В. И. Ленину, мы должны на ней остановиться подробнее.

Во-первых, ни теория относительности, ни ядерная физика не опровергли объективности существования таких свойств материи, как пространство, время, форма, строение и т. д. Опровергнута не их объективность, не их реальное существование вне и независимо от сознания, а абсолютность, неизменность, независимость от конкретных форм существования материи.

Во-вторых, говоря об объективности существования как единственном свойстве материи, с признанием которого связан философский материализм, В. И. Ленин не отрицал существования у материи других всеобщих и специфических свойств, например он специально подчеркивал, что материя немыслима без движения, вне пространственных и временных характеристик и т. д. Он указывал не на отсутствие у материи и ее конкретных форм бытия тех или иных объективных свойств, а на относительность наших представлений об этих свойствах, на неизбежность изменения этих представлений в ходе развития общественного познания и практики. Но, говоря об относительности наших знаний тех или иных свойств объективной действительности, В. И. Ленин подчеркивал, что в них имеются моменты абсолютного, что не все в содержании этих знаний изменяется с развитием познания. Определенные идеи, положения, понятия, поскольку они верно отразили ту или иную сторону дейст-

---

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensations, pp. 38—39.

[2] Ibid., p. 39.

вительности, сохраняются, составляя звенья развертывающейся в бесконечность цепи абсолютной истины.

Итак, утверждение А. Д. Грегора, что «мы не можем должным образом определить что-либо из объективных свойств материи», просто неверно, оно не соответствует действительному положению вещей. Общественная практика свидетельствует о том, что многие свойства окружающей нас действительности мы можем довольно точно определить. Она же постоянно доказывает и то, что наши ощущения отражают, копируют эти свойства.

Некоторые авторы, в частности Х. Б. Эктон, против марксистского понимания ощущения как отражения, копии объективной реальности выдвигают и такое рассуждение: «Если воспринимающий субъект, — говорят они,— никогда не имеет непосредственного доступа к материальным реальностям, которые существуют вне его, а имеет доступ только к копиям, которые они производят в нем, то он не может знать, какие копии истинны и какие ложны, какие сходны и какие не сходны с их оригиналами»[1].

Действительно, объективная реальность предстает перед человеком в виде субъективных образов, являющихся ее копиями. Но это вовсе не означает того, что он (человек) не имеет к ней непосредственного доступа. Такой доступ обеспечивает практическая деятельность, в ходе которой он, руководствуясь имеющимися в его сознании идеальными копиями соответствующих сторон и связей этой реальности, преобразует ее и тем самым выявляет, соответствуют эти копии своим оригиналам или не соответствуют.

Часто указывают также на то, что понимание сознания как отражения действительности не является специфичным для марксизма, что оно не представляет собой того нового, что внес марксизм в исследование данной проблемы, что такое решение вопроса было свойственно не только всем домарксовским материалистам, но и некоторым идеалистам.

Приведя высказывания В. И. Ленина о том, что ощущения являются копиями, снимками, образами вещей, А. Джемс Грегор, например, замечает:«... кажется, что Ленин принимает этот тип изобразительства посредст-

---

[1] H. B. Acton. The Illusion of the epoch. Marxism — Leninism as a philosofical creed, p. 37.

вом отождествления себя с материализмом 17-го и 18-го столетий»[1]. «Теория отражения, — пишет по данному поводу Михайло Маркович, — не является типичной для марксистской философии: начиная от Демокрита ее защищали почти все различные формы наивного реализма и механистического материализма. Эта теория нисколько не выражает того нового, что Маркс внес в философию»[2]. «Если идет речь о теории отражения, — рассуждает, развивая эту мысль дальше, Бранко Бошняк, — то интересно напомнить, что она не является специфичной для философского материализма. Впервые теория отражения была создана в цельной философской системе Платона. Он считал, что все существующее (действительное и реальное) должно иметь свой образец в чем-то абсолютном (идеи)»[3]. «Она (теория отражения — *А. Ш.*), — заявляет Данко Грлич, — разумеется, не является специальным продуктом марксистской мысли и с ней согласятся не только материалисты..., но и многие объективные идеалисты. Разве не согласится с ней, — продолжает он, — Платон, который будет понимать идеи под объективными вещами, но также считать, что познавательный процесс развивается в рамках субъективного?...»[4].

Верно, что понимание сознания как отражения действительности характерно не только для марксизма, но и для домарксовской философии. Верно также и то, что это понимание не составляет того нового, что внес марксизм в философию. Марксистская философия возникла не на пустом месте, она является преемником всего рационального, что было достигнуто предшествующей философией. К этому рациональному как раз и относится положение о сознании как отражении действительности. Взяв это положение у предшествующих философов-материалистов, Маркс и Энгельс не оставили его в таком виде, а развили дальше. Они освободили его от созерцательности и механистичности. Для Маркса и Энгельса отражение сознанием объективной действительности происходит не пассивно, не зеркально, не статично, как это думали домарксовские материалисты, а активно, творчески, на основе и в

[1] A. James Gregor. Lenin on the nature of Sensation, p. 36.
[2] M. Marković. Humanizam i dijalektika, str. 129.
[3] «Neki problemi teorije odraza», str. 108.
[4] Ibid., str. 134.

процессе практического преобразования действительности. Все это как раз и составляет то новое, что внесли Маркс и Энгельс в понимание отражения сознанием объективной действительности и из чего исходил В. И. Ленин в дальнейшей разработке теории отражения. Критики же ленинской теории отражения представляют дело таким образом, что якобы она ничем не отличается от концепций сознания, выдвигаемых домарксовскими материалистами.

Некоторые, например Г. Петрович, видя заслугу Маркса и Энгельса в том, что они, рассматривая человека как творческое существо, преодолевают созерцательность предшествующего материализма, считают, что теория отражения противоречит сущности марксистского учения, хотя ее положения и присутствуют в произведениях Маркса, Энгельса и В. И. Ленина. «Я, — пишет по данному поводу Г. Петрович, — подчеркиваю, что теория отражения несовместима с марксистским пониманием человека как творческого практического существа. Когда я это говорю, — продолжает он, — я не утверждаю, что этой теории нет вообще у Энгельса и Ленина или у самого Маркса»[1]. «Элементы теории отражения, — заявляет он далее, — мы иногда находим даже там, где вообще не ожидали, например, в первой части тезиса Маркса о Фейербахе, если его рассматривать изолированно. Между тем, эта теория находится в противоречии со всей марксистской концепцией мира и человека»[2].

Другие, отмечая введение Марксом момента активности в теорию познания, указывают на то, что он в угоду своей материалистической теории общественного развития вынужден был принижать эту активность. «Для того, — пишет Г. Майо, — чтобы обеспечить детерминистскую основу для своих железных законов истории, Маркс имел склонность принижать эту активность (активность субъекта, проявляющуюся в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью. — *А. Ш.*) и обращать ее в нечто подобное простейшим взглядам Энгельса и Ленина о том, что сознание является простым отражением диалектической материи»[3].

Критики ленинского понимания сознания как отраже-

[1] G. Petrovič. Filozofiia i marksizam, str. 255.
[2] Ibid., str. 257.
[3] Mayo Henry B. Introduction to marxist Theory, N.-Y., 1960, p. 44.

ния действительности не могут или не хотят понять того, что это положение не только не противоречит марксистскому пониманию человека как творческого практического существа, но является необходимой стороной этого понимания, не только не ведет к принижению активности субъекта в его воздействии на окружающую действительность, но делает возможным научное обоснование активности, раскрытие условий творческой деятельности субъекта.

Что же касается рассуждений о том, что с пониманием сознания как отражения действительности согласятся и объективные идеалисты и что такое понимание якобы характерно для учения Платона, то они (эти рассуждения) под собой не имеют никакой реальной основы. У марксистов понимание сознания как отражения действительности связано с материалистическим решением основного вопроса философии и является необходимой стороной этого решения. Сознание является вторичным по отношению к материи потому, что оно порождается ею на определенной стадии своего развития, и потому, что оно есть отражение материи, существующей вне и независимо от него реальности. Никакие идеалисты не могут согласиться с таким решением вопроса. Для них сознание не является вторичным по отношению к материи, оно первично, порождает материю, чувственные вещи и так или иначе отражается в них. Не составляющие его идеи являются снимками, копиями материальных вещей, а эти последние являются копиями идей. Так именно обстоит дело с решением рассматриваемой проблемы в учении Платона. Не ясно ли из всего этого, что марксистское понимание сознания как отражения действительности не только не имеет ничего общего с каким-либо идеалистическим, в частности платоновским, пониманием отражения, но прямо противоположно ему.

Мы рассмотрели все основные аргументы, выдвигаемые различными авторами против ленинского понимания сознания как отражения действительности, и видим, что они несостоятельны. Сознание является особой, высшей формой отражения внешнего мира и только поэтому способно ориентировать человека в окружающей действительности и творчески преобразовывать, изменять ее.

IV. ВСЕОБЩИЕ ФОРМЫ БЫТИЯ И СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ ПОЗНАНИЯ

1. ОТНОШЕНИЕ

В отличие от животного, которое, подчиняя свое поведение инстинктам и привычкам, формирующимся на основе условных рефлексов, не отделяет себя от окружающей его среды, а сливается с ней в единое целое, человек, обретя сознание, начинает отделять себя от окружающей среды, осознавать свое особое бытие, отличное от бытия внешнего мира. «Перед человеком, —писал В. И. Ленин, характеризуя момент перехода человека от животного состояния к человеческому, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет...»[1].

Осознав свое бытие и бытие внешнего мира, человек должен обращать внимание на эту свою отдельность, определенную обособленность, так же как и на отдельность, обособленность различных форм бытия внешнего мира. Для выражения этой особенности бытия у людей сформировалось понятие отдельного — отдельного предмета, явления, вещи.

Вместе с осознанием своей отдельности, обособленности, известной самостоятельности человек должен был осознать и свою связь с внешним миром и связь предметов внешнего мира между собой. Он как живое существо должен был есть, пить, иметь жилище, защищаться от врагов и т. д. Удовлетворение этих и других его потребностей предполагало его органическую связь с внешним миром, использование определенных предметов природы и их взаимосвязи между собой. Обо всех предметах, с которыми человек сталкивался в процессе своей жизни на данной стадии своего развития, он судил лишь по тому, какую роль они играли в его жизни, как они были связаны с его потребностями. Эта их связь, выявляемая

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 85.

в процессе взаимодействия человека с внешним миром, является главным моментом, определяющим в это время направление равития познания и обобщения его результатов.

Итак, человек начинает познание внешнего мира с осознания отдельного (отдельности, обособленности своего существования и форм бытия внешнего мира) и связи (себя с внешним миром и предметов внешнего мира между собой).

Связь представляет собой отношение между явлениями или сторонами одного и того же явления. Но не всякое отношение является связью. Связью называется лишь такое отношение, которое предполагает определенную зависимость изменений одного явления или стороны от изменений других. Например, общественное сознание людей находится в определенной связи с материальными условиями их жизни. Изменение материальных условий жизни людей неизбежно вызывает соответствующие изменения в их сознании. В известной связи находятся живые организмы и среда, в которой они обитают. Изменение среды так или иначе сказывается на живых организмах. Изменения же в животном и растительном мире обусловливают соответствующие изменения в среде.

Кроме связей, отношение включает в себя изолированность (раздельность), которая представляет собой такое отношение между явлениями или сторонами одного и того же явления, когда изменения одних из них не сопровождаются какими-либо изменениями других. Такого рода отношение существует, например, между географической средой и производственными отношениями людей. Изменения географической среды не влияют на производственные отношения, и наоборот, изменение производственных отношений не сопровождается изменениями географической среды. В состоянии изолированности находится переплет книги и ее содержание. Изменение переплета книги не затрагивает ее содержания, и наоборот, изменение содержания книги не обусловливает необходимости изменения переплета. Он может остаться тем же самым. Аналогичное отношение существует между назначением стола и его цветом. Изменение цвета не изменяет назначения стола.

Представляя собой различные виды отношений, связь и изолированность существуют не отдельно друг

от друга, а вместе, в единстве. Там, где есть связь, имеется и изолированность, и наоборот, где есть изолированность, присутствует та или иная связь. Всякое материальное образование (явление, свойство), имея определенную самостоятельность, качественную обособленность, существует отдельно от других материальных образований (явлений, свойств) и в то же время связано с ними. Оно зависит от них в одних отношениях и не зависит в других. В нем происходят такие изменения, которые вызывают соответствующие изменения в других материальных образованиях (явлениях, сторонах), и такие, которые не затрагивают последних.

Например, общественное производство связано с географической средой, его состояние, направление развития зависит от наличия или отсутствия плодородных земель, ископаемых богатств, водных массивов, климата и т. д., те или иные изменения последних обусловливают определенные изменения в производстве. Но вместе с этим производство обладает определенной самостоятельностью по отношению к географической среде, изменяется не по законам изменения последней, а по своим собственным законам. Его характер, форма зависят от уровня развития производительных сил, изменяются с изменением последнего, а не с изменением среды.

Другой пример. Животный или растительный организм связан со средой и в то же время обособлен, отделен от нее. Одни изменения среды, в частности изменения тех ее сторон, которые связаны с жизнедеятельностью организма, вызывают в нем определенные изменения, другие никаких изменений не вызывают.

Итак, связь и изолированность (раздельность) существуют в единстве, являются двумя различными сторонами каждого отношения. Правда, эти стороны не всегда проявляются в одинаковой степени. В одних случаях (отношениях) на первый план выступает связь, в других — изолированность. Данное обстоятельство и явилось основанием различения на практике и в познании явлений, связанных и не связанных между собой. В действительности же все явления и связаны и обособлены друг от друга, т. е. находятся в состоянии раздельности, изолированности.

Определенные представления о раздельности, обособленном существовании явлений и их взаимосвязь

появились с возникновением философии. Так, уже у первых древнегреческих философов взаимосвязь выступает в роли исходного принципа для объяснения наблюдаемых в окружающей действительности явлений. Беря в качестве исходного начала какое-либо вещество или явление природы (воду, воздух, огонь), древнегреческие философы показывали, что все наблюдаемые в мире явления появились вследствие определенных изменений этого вещества (явления), что, будучи различными состояниями одной и той же природы, они органически связаны между собой, переходят друг в друга и в исходное начало.

Мысль об универсальной взаимосвязи явлений действительности особенно четко выразил Гераклит, выдвинувший в качестве исходного начала огонь, который у него выступает в роли основы всякой связи и раздельности. «На огонь, — писал он, — обменивается все и огонь — на все, как на золото — товары и на товары — золото» [1]. И далее, в другом месте: «Грядущий огонь все будет отделять и связывать» [2].

В учениях первых древнегреческих философов взаимосвязь понималась как взаимопереход явлений друг в друга. Но впоследствии эта точка зрения вытесняется другой, согласно которой взаимосвязь выступает в виде механического соединения и разъединения одних и тех же неизменных элементов. Данную точку зрения на взаимосвязь развивали, в частности, Эмпедокл и Анаксагор. Ограниченность этой точки зрения преодолевается Аристотелем. У него взаимосвязь представляется как взаимозависимость вещей. «Все соотнесенное с другим, — пишет он, — высказывается по отношению к вещам, находящимся во взаимной зависимости...» [3]. Аристотель впервые объявил понятие «отношение» категорией и тем самым придал ему необходимую общность.

Дальнейшую разработку категория «отношение» получила у Канта, который показал, что отношение включает в себя и связь, и раздельность. Рассматривая этот вопрос применительно к соотношению понятий в суждении, он отметил, что они здесь и связаны между собой и

---

[1] См.: «История философии», т. 1. Под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского и др. Госполитиздат, 1940, стр. 52.

[2] «Античные философы». Изд-во Киевского университета, 1955, стр. 24.

[3] Аристотель. Категории. Соцэкгиз, 1939, стр. 20.

раздельны, что любое суждение фиксирует и наличие связи и ее отсутствие. Например, в суждении «Волк есть животное», замечает Кант, выражено и то, что волк связан с животными, и то, что он отделен от всех других животных, кроме себе подобных, т. е. волков. Развивая правильную мысль о том, что связь и раздельность являются двумя взаимополагающими сторонами любого отношения, и делая тем самым известный шаг вперед в решении этой проблемы, Кант в то же время делает и шаг назад. Он отрицает наличие взаимосвязи явлений во внешнем мире, в объективной действительности. Она у него привносится в мир явлений мыслящим субъектом. Против этого утверждения Канта выступил Гегель. По его мнению, взаимосвязь, отношения по природе присущи вещам. Именно через отношения вещи проявляют свою сущность. «Все, что существует, — замечает Гегель, — находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования»[1]. Доказывая, что связь и отношение присущи вещам, Гегель, однако, был далек от того, чтобы встать на позиции материализма. Он считал, что отношения по своей природе идеальны, являются моментами или ступенями развития абсолютной идеи, существовавшей вне и до материального мира, чувственных вещей.

Кроме диалектической концепции отношений, развиваемой указанными философами, в истории философии возникла метафизическая концепция, сторонники которой абсолютизировали изолированность, раздельность и так или иначе отрицали взаимосвязь явлений действительности. Появление данной концепции обусловлено тем, что на определенной стадии развития общественного познания (XV—XVI вв.) ученые перешли от исследования мира в целом, как это было раньше, к изучению отдельных предметов, составляющих этот мир, и их свойств. В ходе этого исследования люди отделяли одни предметы от других, разлагали их на части и исследовали каждую часть в отдельности, вне какой-либо связи с другими частями и предметами. Этот способ исследования выработал привычку рассматривать мир, действительность как совокупность изолированных, не связанных между собой тел, элементов, свойств.

Рассматриваемая концепция отношения явлений дей-

---

[1] Гегель. Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 226.

ствительности в философии в той или иной форме разрабатывалась Бэконом и Локком. Из современных буржуазных философов ею руководствуются сторонники плюралистической теории. Согласно этой теории, каждый предмет представляет собой нечто замкнутое в себе самом, вследствие чего между ними нет никакой связи.

В противоположность метафизикам, отрицающим взаимосвязь явлений действительности, и идеалистам, выводящим эту связь из сознания, диалектический материализм считает, что взаимосвязь является всеобщей формой бытия, присуща всем явлениям действительности. Все существующие в мире явления представляют собой звенья единой материи, «некую совокупную связь тел»[1].

Например, согласно данным науки, Земля находится в определенной связи с Солнцем и с другими планетами солнечной системы. Солнце представляет собой звено Галактики, включающей в себя множество других связанных между собой звезд. Сама Галактика входит составной частью в еще более грандиозную систему и в рамках этой системы связана с целым рядом других звездных образований и т. д. без конца. Аналогичное явление наблюдается и при движении в глубь материи. В самом деле, всякое небесное тело представляет собой совокупность различных, так или иначе связанных между собой веществ, каждое вещество — совокупность определенным образом связанных молекул, молекула — совокупность взаимосвязанных атомов, атом — совокупность взаимосвязанных «элементарных» частиц. Связь небесных тел осуществляется через гравитационные поля. Связь веществ, образующих то или иное тело, а также атомов в молекуле и электронной оболочки с атомным ядром проявляется через гравитационные и электромагнитные поля. Определенным образом связаны между собой живая и неживая природа, животный и растительный мир, природа и общество, различные стороны общественной жизни, явления сознания и познания.

Одним словом, в действительности все взаимосвязано, «каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны *с каждой*»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 392.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

2. ДВИЖЕНИЕ И ПОКОЙ

Взаимосвязь предметов предполагает их взаимодействие, а вместе с этим и определенное их изменение, т. е. движение. Поскольку взаимосвязь органически слита с движением, то, осознавая взаимосвязь между предметами, человек неизбежно осознает и то, что эти предметы изменяются, т. е. находятся в движении.

Об изменчивости как следствии взаимосвязи, взаимодействия предметов человек неизбежно заключает из осуществляемой им повседневно трудовой деятельности. Трудовая деятельность имеет своей целью изменить тот или иной предмет или явление природы путем воздействия на него другим предметом (орудием труда), т. е. путем постановки этих предметов в определенную связь между собой. В процессе труда, ставя предметы в иную, чем они находились в естественном состоянии, связь, человек добивался их изменения в нужном ему направлении. Наблюдая всякий раз это явление, он приходит к мысли о том, что предметам внешнего мира свойственны изменения, движение. Больше того, именно это обстоятельство — знание того, что предметы внешнего мира могут измениться в результате их взаимосвязи и взаимодействия — лежало в основе труда, трудовой деятельности. Если бы человек не знал или не был уверен в том, что окружающие его предметы могут изменяться, он не стал бы на них воздействовать, не организовывал бы производства. Сам факт функционирования и развития производства у древних людей свидетельствует не только о том, что они понимали, что предметы внешнего мира обладают способностью изменяться в результате их взаимосвязи и взаимодействия, но и о том, что они успешно использовали эти знания в своей трудовой деятельности.

Итак, человек, осознав взаимосвязь и взаимодействие между предметами, неизбежно осознает и свойственные этим предметам изменения — движение.

На первоначальных стадиях развития философии движение понималось как возникновение одного и уничтожение другого. Такое понимание движения характерно, в частности, для первых древнегреческих философов (Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра).

Выдвигая на первый план движение, изменение, первые древнегреческие философы, однако, упускали из ви-

ду устойчивость. На это обратили внимание последующие мыслители, в частности элейцы (Ксенофан, Парменид, Зенон). В противоположность первым философам, они в качестве исходного принципа выдвинули устойчивость, абсолютизировали ее и пришли к отрицанию движения. Эмпедокл восстановил исчезнувшее движение, но сохранил и устойчивость. Выдвинутые им четыре «корня» (вода, воздух, огонь и земля), образующие вещи, вечны и неизменны. Движение же у него представляет собой не уничтожение одного и возникновение другого, как это было у первых философов (Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра), а перемещение указанных неизменных «корней», их соединение и разделение.

Дальнейшее развитие учения о движении наблюдается у Аристотеля. Он восстановил точку зрения, рассматривавшую движение как возникновение одного и уничтожение другого. Восстанавливая то, что выдвигалось первыми древнегреческими философами, он в снятом, т. е. преобразованном, виде включил в свое учение о движении воззрения последующих философов, в частности Эмпедокла. По Аристотелю, движение — это не только уничтожение и возникновение, но и рост, уменьшение, качественное изменение, а также перемещение тел в пространстве.

В последующие периоды развития материалистической философии в понимании движения намечается тенденция абсолютизации механической формы движения материи. В XVII—XVIII вв. эта тенденция становится господствующей. В этот период движение трактуется как перемещение тел в пространстве. Такое понимание движения было, в частности, у Декарта, Гольбаха. «Движение, — писал Гольбах, — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить свое местоположение»[1].

Понимание движения как перемещения тел в пространстве является ограниченным, а потому и неправильным. Оно не охватывает всего многообразия изменений, свойственных материи. Не являются простым перемещением, например, изменения, происходящие в атомном ядре, в живом организме, в обществе и т. д.

Впервые последовательно научное определение движения было дано лишь основоположниками диалекти-

[1] П. Гольбах. Система природы. Соцэкгиз, 1940, стр. 13.

ческого материализма, в частности Энгельсом, который писал: «Движение, в применении к материи, — это *изменение вообще*» [1]. Оно «обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[2].

Итак, движение есть философское понятие, обозначающее любые изменения, происходящие в объективной действительности.

Движение является атрибутом материи, ее коренным свойством. Если это так, то оно неразрывно связано с ней. Не было, нет и не может быть материи без движения, так же как и движения — без материи.

О неразрывной связи материи и движения свидетельствует закон соответствия массы и энергии. Согласно этому закону, каждому определенному количеству массы соответствует строго определенное количество энергии. Всякое изменение массы сопровождается соответствующим изменением энергии, и наоборот, всякое изменение энергии вызывает соответствующее изменение массы.

Некоторые буржуазные философы и физики не признают органической связи движения с материей, «обосновывают» возможность сведения материи к движению и на этой основе объявляют первичным, определяющим энергию, а материю считают одной из форм энергии. В качестве доказательства своей точки зрения они ссылаются на случаи превращения вещества в свет, в частности электрона и позитрона в пару или тройку фотонов, рассматривая их как превращение материи в чистую энергию.

«Материя, — пишет, например, американский ученый Р. Маршалл, — это одна из форм энергии. При известных обстоятельствах возможно превращение материи в чистую энергию и чистой энергии в материю» [3].

Нетрудно заметить, что сторонники указанной точки зрения исходят из домарксовского, метафизического понимания материи как вещества и тем самым искажают действительное положение вещей. Превращение электронов и позитронов в фотоны — частицы света — представляют собой не превращение материи в энергию (чистое движение), а превращение одного вида материи

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 563.
[2] Там же, стр. 391.
[3] Roy K. Marshall. The nature of Things, N.-Y., 1951, p. 46,

в другой, ибо материей является вся объективная реальность. К ней относится не только вещество, но и свет, и бесчисленное множество других известных и еще не известных нам форм бытия.

Будучи объективной реальностью, существующей вне и независимо от человеческого сознания, материя ни вся в целом, ни частично не может исчезнуть, превратиться во что-либо нематериальное. Она существует вечно, бесконечно превращаясь из одного качественного состояния или вида в другие. Аналогичным образом обстоит дело и с движением. Оно, находясь в органической связи с материей, не может исчезнуть или превратиться во что-либо другое, не являющееся движением; количество его всегда остается неизменным. Подчеркивая вечность материи и движения и их органическую связь, Энгельс писал: «Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же несотворимо и неразрушимо, как и сама материя...». И далее: «...количество имеющегося в мире движения остается всегда одним и тем же» [1].

Положение о том, что материя органически связана с движением, что она является ее способом существования, может породить мнение, что в мире нет никакой устойчивости, никакого постоянства. Такую мысль, в частности, высказывал древнегреческий философ Кратил. Однако это далеко не так. Наряду с движением материи присуща и устойчивость. Постоянно изменяясь, материя в тех или иных своих частях определенное время остается неизменной, находится в состоянии покоя.

В отличие от движения, выражающего постоянное изменение, покой выражает устойчивость, неизменность. Будучи противоположным движению, покой, однако, не изолирован от движения, а органически связан с ним, является его моментом, частным случаем. Покой представляет собой относительно устойчивую систему движения, движение в равновесии. Например, солнечная система как покоящееся материальное образование есть не что иное, как движение составляющих ее планет, повторяющее строго определенные циклы, т. е. движение в равновесии. Относительно устойчивой системой движения является любое покоящееся тело, например, материальное образование неживой природы, животный

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 59.

организм, человеческое общество. Ликвидируйте характерные для этих тел изменения, и они исчезнут как данные относительно устойчивые (покоящиеся) материальные образования.

Являясь особой формой движения, покой не исчерпывает всего движения, свойственного материальному образованию. Наряду с движением в равновесии каждое материальное образование включает в себя бесчисленное множество других изменений, которые до поры до времени укладываются в данную относительно устойчивую систему движения, не нарушают равновесия образующих ее элементов. Но, достигнув определенного уровня, эти изменения разрушают данную относительно устойчивую систему движения и приводят к образованию новой, устойчивой системы, которая, просуществовав определенное время, тоже разрушается вследствие происшедших в ней изменений и дает начало возникновению других относительно устойчивых (покоящихся) систем, а эти — для третьих, и так без конца. И если посмотреть на этот вечный поток перехода материи от одних устойчивых систем к другим, нетрудно заметить, что движение абсолютно. Оно существует всегда: и в момент возникновения относительно устойчивой системы (ибо возникновение той или иной системы происходит в результате соответствующего изменения предшествующих систем), и через нее (поскольку она представляет собой движение в равновесии), и в ее рамках, и в момент ее разрушения и возникновения новой относительно устойчивой системы. Что же касается покоя, то он относителен, временен, возникает вместе с возникновением той или иной относительно устойчивой системы и исчезает, когда эта система разрушается, снова возникает и, просуществовав определенное время, исчезает, и так без конца.

Итак, материя находится в постоянном движении, изменении, вечно переходит от одних устойчивых состояний к другим, разрушает одни материальные образования и создает другие. Но какова тенденция этих изменений, что возникает на смену разрушающимся материальным образованиям?

Одни философы считают, что движение материи осуществляется по кругу, что она вечно повторяет одни и те же циклы. Другие утверждают, что в ходе постоянных изменений материи происходит движение от высшего к

низшему, т. е. регресс. Третьи все изменения, наблюдаемые в мире, объявляют движением от низшего к высшему. Как же обстоит все на самом деле?

В действительности имеет место и круговое движение, и регресс, и движение от низшего к высшему [1]. Однако господствующим является движение от низшего к высшему. Движение от низшего к высшему, от простого к сложному называется развитием.

Примером развития могут служить: образование атомов из «элементарных» частиц, молекул — из атомов, возникновение живых организмов из неживых веществ, превращение простейших, лишенных клеточного строения организмов в одноклеточные, а затем и в многоклеточные, переход от организмов, способных отражать окружающую среду лишь в форме раздражимости, к организмам, обладающим ощущением и психикой, превращение стада обезьян в человеческое общество, переход общества от первобытнообщинного строя к рабству, феодализму, капитализму и, наконец, к социализму и т. д.

Говоря о том, что развитие является господствующей тенденцией в мире, нельзя думать, что каждая конкретная форма существования материи находится в состоянии развития. Наряду с материальными образованиями, изменяющимися от низшего к высшему, имеются и такие материальные образования, которые находятся в состоянии кругового движения или испытывают регрессивные изменения. Определяющая роль развития, его всеобщий характер выражается не в том, что все материальные образования непременно развиваются, а в том, что они обладают способностью к усложнению, к переходу от низшего к высшему. Будучи присущей всей материи, каждому материальному образованию, эта способность, как и всякая другая, проявляется лишь при наличии соответствующих условий. Там, где эти условия складываются, неизбежно происходит изменение от низшего к высшему, от простого к сложному; там же, где эти условия отсутствуют, имеют место или движение по кругу, или регрессивные изменения. Причем, те материальные образования, которые оказываются вовлеченными в круговое движение или испытывают регрессивные изменения, не теряют способности перехода

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 91.

от низшего к высшему. Эта способность сохраняется у них при всех их изменениях и превращениях и сразу же дает о себе знать, как только начинают создаваться благоприятные для ее проявления условия.

3. ЕДИНИЧНОЕ, ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ

На этой же начальной стадии познания человек выделяет и осознает единичное и общее. В самом деле, в ходе практического воздействия на мир он сталкивался с отдельными материальными образованиями, с отдельными вещами. Каждую вещь, с которой он впервые сталкивался, он сначала воспринимал как единственную в своем роде, как то, чего он раньше не встречал, т. е. как единичное. Если тот или иной обнаруженный предмет оказывался способным прямо или косвенно удовлетворить какую-либо потребность людей, он запоминался. И по мере обнаружения других предметов, удовлетворяющих эту же потребность, совершался переход (и на практике, и в сознании) от одного (единичного предмета) к нескольким предметам, к «многому». В результате сравнения этих многих предметов друг с другом и на практике и в сознании выявлялось, улавливалось их тождество (сходство). На основе обнаруженного тождества, сходства той или иной группы предметов они самой практикой выделялись из всей массы других предметов, окружавших человека, и объединялись в единую группу, которая и в сознании людей начинает выделяться и отличаться от остального мира. Возникают общие понятие, через которые человек фиксирует и осмысливает выявленное практикой тождество тех или иных предметов[1].

Так познание, начиная с единичного, через движение от «одного» к «многому» и от «многого» к «единству» в результате установления различия и тождества переходит к общему, от менее общего — к более общему.

В истории философии четко проявились две тенденции в решении проблемы взаимосвязи единичного и общего — реалистическая и номиналистическая.

Реалисты утверждают, что общее существует самостоятельно, независимо от единичного. Согласно одним авторам, оно идеально, духовно, существует в виде идеальных сущностей, общих понятий (Платон, Александр

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 377—378.

Гельский, Мур [1], Сантаяна [2], Уайтэд [3]); согласно другим, оно материально, существует в виде неизменной, все занимающей тождественной себе массы (древнегреческие философы Ксенофан, Парменид, Зенон) или в виде группы предметов, подобно войску, народу и т. п. (средневековый философ Расцелина Суассонский). Что касается единичного, то оно, по мнению реалистов, или совсем не существует (как это считал Платон, объявляя единичные чувственные вещи нереальным миром, тенями реально существующих сущностей — общих идей), или в своем существовании зависит от общего, порождается им и является чем-то второстепенным, временным, преходящим. Такую точку зрения проводил, например, средневековый философ Ансельм Кентерберийский, по мнению которого вечно существуют лишь бог и творимые им духовные сущности. Единичные же вещи временны, они творятся богом путем создания соответствующих мыслей о них, которые являются прообразами вещей и основой их существования. Аналогичным образом решает этот вопрос и современный буржуазный философ Уайтхэд. Общие идеальные сущности он объявляет вечными объектами, существующими где-то вне пространства и времени. Единичные же вещи появляются у него в связи с переходом в пространственно-временной мир соответствующих идеальных сущностей и исчезают, как только эти сущности покинут чувственный мир и возвратятся в потусторонний, идеальный мир.

Номиналисты считают, что общее не существует реально, в объективной действительности. Реальным существованием обладает лишь единичное. Общее же существует лишь в умах людей, в сознании. Оно не что иное, как имя, название ряда единичных объектов.

Объявляя единственной реальностью единичное, номиналисты по-разному решали вопрос о форме существования единичного. Одни считали, что единичное существует в виде чувственных, материальных вещей (Вильям Оккам, Ришар Мидлтонский), другие формой существования единичного объявляли ощущения (Беркли), третьи доказывали, что единичное существует в ви-

[1] См.: G. E. Moore. Some main problems of philosophy. London — N.-Y., 1953, pp. 312—372.

[2] См.: G. Santayana. The Realm of Essence, N.-Y., 1927, pp. 5—134.

[3] См.: A. N. Whitehead. Science and the modern World, N.-Y., 1935, p. 121.

де индивидуальных духовных атомов — «монад» (Лейбниц).

В современной буржуазной философии номиналистическую точку зрения развивают такие философы, как Чейз[1], Уэлпол[2], Кейзер[3] и др.

Чейз, например, объявляет общее понятие символом, которому в действительности ничего не соответствует. «Мы постоянно, — пишет он, — смешиваем ярлык с несловесным предметом и таким образом даем подлинную ценность слову как чему-то живому»[4]. Это обстоятельство, рассуждает Чейз, приводит к тому, что люди считают такие абстрактные общие понятия, как «свобода», «справедливость», «демократия», «капитализм», реально существующими, в то время как в действительности ничего подобного этим сущностям нет и не может быть, ибо реально существуют лишь единичные предметы, явления[5].

В истории философии были попытки преодолеть односторонность реалистического и номиналистического решения проблемы взаимосвязи единичного и общего. В древности такие усилия предпринимал Аристотель, в средние века — Дунс Скотт, в новое время — Бэкон, Локк, Фейербах и др. Однако и эти авторы не могли дать последовательно научного решения рассматриваемого вопроса. Согласно их воззрениям, полноценным существованием обладает лишь единичное, общее же существует лишь в виде стороны, момента единичного. Существование же единичного никакими условиями не связывается.

Только диалектический материализм окончательно преодолел недостатки, свойственные номиналистическим и реалистическим теориям взаимосвязи единичного и общего, и дал последовательно научное решение вопроса. Согласно диалектическому материализму, ни общее, ни единичное не обладают самостоятельным существованием, не существуют «как таковые». Самостоятельно существует отдельное (отдельные предметы, процессы,

[1] См.: Stuart Chase. The Tyranny of words. N.-Y., 1938. pp. 8—276.

[2] См.: Huph Wolpole. Semantics. The nature of words and their meanings. N.-Y., 1941, pp. 100—177.

[3] См.: C. J. Keyser. The rational and superrational. N.-Y., 1952, pp. 242—245.

[4] Stuart Chase. The Tyranny of words, p. 88.

[5] См.: Ibid., pp. 8—9.

явления). Общее же и единичное существуют лишь в отдельном, в виде сторон, моментов отдельного.

Если общее не имеет самостоятельного существования, а является стороной, моментом или сущностью отдельного[1], которое представляет собой единство единичного и общего, то общее всегда находится в неразрывной связи, в единстве с единичным, так же как и единичное находится в неразрывной связи с общим. Взаимосвязь же общего и единичного выступает как взаимосвязь определенных сторон внутри отдельного материального образования, сторон, присущих лишь данному материальному образованию, и сторон, повторяющихся в том или ином круге других материальных образований. А взаимосвязь общего и отдельного проявляется как взаимосвязь целого и части, где целым является отдельное, частью — общее. Отсюда «всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы», «всякое отдельное неполно входит в общее...»[2], ибо наряду с общим всякое отдельное имеет единичное, наряду с повторяющимися свойствами — неповторимые.

Далее, всякое отдельное, как уже было отмечено, не вечно, оно возникает, определенное время существует и затем превращается в другое отдельное, а это — в третье и т. д. без конца. В ходе этих бесконечных переходов из одного в другое каждое отдельное материальное образование может превратиться в любое другое материальное образование. Например, согласно данным современной науки, каждый химический элемент при известных условиях может превратиться в любой другой химический элемент, каждая «элементарная» частица — в любую другую «элементарную» частицу, вещество — в поле, поле — в вещество и т. д. Из этого следует, что «всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами)...», что оно «не существует иначе. как в той связи, которая ведет к общему»[3]. Обладая способностью превратиться при соответствующих условиях в любое другое отдельное, оно в возможности содержит в себе (в своей природе) свойства всех этих других отдельных (материальных образований, явлений, процессов) и поэтому

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.
[2] Там же.
[3] Там же.

может рассматриваться как тождественное им, т. е. общее.

Таким образом, всякое отдельное, рассматриваемое как узловой пункт бесконечного движения и развития материи, т. е. взятое в его всеобщей связи с бесчисленным множеством других отдельных материальных образований, выступает как общее.

Итак, всякое отдельное представляет собой единство противоположностей, оно в одно и то же время и единичное и общее. Через свои неповторимые черты, свойства оно выступает как единичное, но через стороны, повторяющиеся в других материальных образованиях, оно выступает как общее.

Будучи противоположными сторонами отдельного, единичное и общее не просто сосуществуют в отдельном, но органически связаны между собой и при определенных условиях переходят друг в друга: единичное становится общим, а общее — единичным. Все это нетрудно заметить при анализе процесса возникновения и исчезновения тех или иных свойств у материальных образований живой природы. Биологи, например, считают, что, встречая при расселении различные условия жизни, особи приобретают те или иные приспособительные свойства, которые по мере усиления тех или иных сторон, характеризующих условия существования, превращаются в общие свойства, характеризующие вначале разновидность, а затем и вид в целом. И если взять особи одного и того же вида из разных мест, отличающихся или определенными чертами окружающей среды, или степенью проявления этих черт, то мы сможем обнаружить все ступени превращения того или иного свойства из единичного отклонения в общее свойство вида и, наоборот, из общего свойства в единичное.

Чтобы выявить единичное, необходимо сравнить рассматриваемый предмет со всеми другими предметами. Но практически это сделать невозможно. Поэтому на практике обычно сравнивают тот или иной предмет не со всеми другими предметами, а лишь с некоторыми, определенными предметами. В связи с этим появляется необходимость противопоставлять общее не единичному, а особенному.

В самом деле, в ходе сравнения одного предмета с другими устанавливается их сходство и различие. Но то, что отличает сравниваемые предметы друг от дру-

га, составляет особенное в них, то же, что указывает на их сходство, — общее.

Сравнивая единичное с особенным, нетрудно заметить, что единичное всегда выступает в роли особенного. Являясь свойствами, присущими только данному предмету, оно всегда будет отличать этот предмет от всех предметов, с которыми мы его будем сравнивать. Например, тот факт, что в нашей стране осуществилась Великая Октябрьская социалистическая революция именно 7 ноября и первым председателем Совета Народных Комиссаров был В. И. Ленин, являясь единичным, характерным только для нашей страны, будет всегда отличать нашу страну от всех стран, с какими бы мы ее ни сравнивали. Поэтому этот факт всегда будет являться особенным для нашей страны.

Если единичное всегда выступает в роли особенного, то общее по отношению к особенному ведет себя не всегда одинаково. В одних случаях оно выступает в роли особенного, в других — в своей собственной роли. Когда оно указывает на отличие сравниваемого предмета от других предметов, с которыми мы его сравниваем, оно выступает как особенное; когда же оно указывает на сходство сравниваемых предметов, оно выступает в своей собственной роли, т. е. как общее. Например, тот факт, что в ДРВ преобразование частнокапиталистической промышленности (предприятий национальной буржуазии) осуществляется постепенно, через создание смешанных государственно-капиталистических предприятий, является общим, поскольку это имеет место и в других странах, в частности в ГДР. Но этот факт выступает в роли особенного, если мы будем сравнивать ДРВ не с ГДР, а с Советским Союзом. Далее, то, что в ДРВ диктатура пролетариата существует в форме народной демократии, является тоже общим моментом, поскольку диктатура пролетариата в такой форме существует и в ряде других стран социалистического лагеря, например в Болгарии, Румынии и т. д. Но этот же момент будет составлять особенное, если мы будем сравнивать ДРВ не с Болгарией и Румынией, а с СССР, где диктатура пролетариата существовала в форме Республики Советов.

Но всякое ли общее может выступать в двух ролях — в своей собственной роли и в роли особенного? Нет, не всякое. Есть такое общее, которое не может

выступать в роли особенного. Это всеобщее. Поскольку оно присуще всем предметам и явлениям действительности, оно не способно отличать один предмет или явление от других. Оно всегда будет указывать на сходство, на тождество сравниваемых объектов. Например, такие характеристики вещи, как наличие у нее необходимых и случайных свойств, содержания и формы, единичного и общего и т. п., не могут выступать в роли особенного. Они не способны отличить сравниваемую вещь от других вещей, ибо все вещи обладают этими чертами.

Итак, единичное всегда выступает в роли особенного, общее — в зависимости от обстоятельств. Когда оно указывает на различие сравниваемых материальных образований, оно выступает в роли особенного, когда же указывает на сходство — в своей собственной роли, т. е. в роли общего. Всеобщее не может выступать в роли особенного, оно всегда, во всех отношениях указывает только на сходство, на тождество сравниваемых материальных образований.

4. КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО

В ходе движения познания от единичного к общему, наряду с рассмотренными категориями, происходит формирование категорий качества и количества. На первой стадии познания, когда мы воспринимаем отдельное материальное образование как единичное и единственное в своем роде и стремимся уяснить, что оно собой представляет, мы отражаем его со стороны качества. Поскольку предмет здесь рассматривается как таковой, сам по себе, вне отношения к другим предметам, его количество неразличимо и по сути дела сливается с качеством. Но по мере того как мы переходим от одного предмета к многим и в ходе сравнения их друг с другом устанавливаем их сходство (тождество) и различие, начинают выявляться количественные характеристики. Каждая сторона качества, каждое его свойство как бы раздваивается на себя и на другое, наряду с тем, что оно есть, оно обнаруживает свою величину, степень своего проявления и распространения, одним словом, свое количество.

Качество можно определить как совокупность свойств, указывающих на то, что́ собой вещь представляет, чем она является, количество — как совокупность свойств, указывающих на размеры вещи, на ее величину.

Каждая вещь обладает определенным качеством и количеством. Будучи характеристиками вещи (предмета, процесса), качество и количество присущи не только вещам, но и их свойствам. Например, желтовато-зеленый цвет является свойством хлора. Но он (этот цвет) имеет свои свойства, которые, в частности, отличают его от других цветов и указывают на его сходство с ними. Те из этих свойств, которые показывают, что́ собой представляет данный цвет, составят его качество, те же, которые характеризуют его величину: его распространенность, интенсивность и т. д. — составят его количество.

Учитывая данное обстоятельство, именно то, что свойства вещей имеют качественные и количественные характеристики, нетрудно решить вопрос о том, сколько качеств у вещи, одно или много. На первый взгляд, может показаться, что вещь обладает лишь одним качеством, поскольку оно включает в себя всю совокупность свойств, указывающих на то, что собой вещь представляет. Это было бы так, если бы вещь в любое время, в любых отношениях проявляла все свои свойства. Но в действительности ничего подобного нет. В одно время, в одних отношениях вещь проявляет одни свои свойства, в другое время, в других отношениях — другие. И если это так, то в одних условиях вещь будет иметь одно качество, в других — другое. В каждом конкретном случае качество будет составлять те свойства, которые проявились у вещи в данных условиях, в данных отношениях. Например, осуществляя те или иные трудовые операции, человек проявляет определенную совокупность свойств, указывающих на то, что́ он собой представляет как работник, которая в данных конкретных отношениях составит его качество как работника. Он здесь может выступить как чернорабочий, слесарь, инженер, администратор и т. д. В других отношениях у этого человека проявляются другие свойства, показывающие, что́ он собой представляет, в третьих — третьи и т. д. И в каждом из этих случаев у него будет проявляться новое качество. Например, человек женился, и в этих отношениях он выступает как муж; у него родились дети — по отношению к ним он становится отцом; его выбрали в Верховный Совет, в этих новых отношениях у него проявляется новое качество: он выступает как депутат; наконец, он обратился в суд с ис-

ком к какому-нибудь лицу, в возникших в связи с этим отношениях он выступает уже как истец, проявляет качество истца и т. д.

Итак, в связи с тем, что в различных условиях вещь проявляет различные свойства, она обладает множеством качеств, каждое из которых представляет ее в строго определенных отношениях.

Но наряду со свойствами, которые проявляются в одних отношениях, в одних условиях и исчезают в других, вещь имеет такие свойства, которые присутствуют у нее всегда, в любых отношениях, в любых условиях. Совокупность этих свойств образует основное качество вещи. В отличие от неосновных качеств, которые представляют вещь в определенных отношениях, основное качество представляет ее во всех отношениях. Оно неотъемлемо от вещи, возникает вместе с ней и изменяется лишь в процессе изменения последней, превращения ее в другую вещь.

Основное качество человека составляют, например, такие его свойства, как наличие сознания, способности целенаправленно изменять окружающую действительность и создавать необходимые для жизни материальные блага, возможность существования только в обществе, т. е. совместно с другими людьми, и др. К основному качеству воды относится то, что она представляет собой вещество, состоящее из двух атомов водорода и одного атома кислорода, к неосновным качествам воды относятся, например, ее агрегатные состояния, т. е. то, что она в одних условиях является жидкостью, в других — твердым телом, в третьих — газом. Основное качество у вещи одно, неосновных — много.

Качество и количество обладают известной самостоятельностью, относительной независимостью, в результате чего не всегда изменение количества влечет за собой изменение качества. Например, качество воды не изменится, если мы будем увеличивать или уменьшать ее количество. Вода останется водой и тогда, когда количество ее будет равно одному стакану, и тогда, когда оно увеличится до целого бассейна, и тогда, когда оно уменьшится до одной капли; стол останется столом, если мы его уменьшим или увеличим на пять, десять, пятнадцать сантиметров; капиталист останется капиталистом, независимо от того, будет он владеть десятью, пятью или одним заводом, крупным, средним или ма-

леньким. Но всему этому есть предел, определенные границы. Не всегда, не все время качество остается безразличным к количественным изменениям. Рано или поздно наступает момент, когда любое увеличение или уменьшение той или иной количественной стороны неизбежно вызывает изменение качества. Например, изменение количества воды не беспредельно, мы можем уменьшить каплю лишь до определенной границы, переход которой сейчас же вызовет изменения ее качества. Такой границей обычной воды будет 18 весовых единиц. Выход за этот предел превращает воду в качественно иные вещества — в водород и кислород. Далее, не всякое уменьшение или увеличение стола оставит неизменным его качество; если мы значительно увеличим или уменьшим стол, он в одном случае превратится в какой-нибудь навес или подставку, в другом — в детскую игрушку или макет. Точно так же будет обстоять дело и с капиталистом. Если предприятие, находящееся в его собственности, уменьшится до такой степени, что доход, получаемый от него, будет недостаточен для того, чтобы капиталист смог прокормить себя и свою семью, то качество его изменится, капиталист уже не будет в полном мысле слова капиталистом, он превратится в труженика (рабочего, крестьянина, служащего и т. п.), если будет добывать средства, необходимые для содержания семьи, своим собственным трудом.

Итак, количественные изменения не вызывают качественных изменений лишь до определенного предела, лишь в определенных рамках. Рамки, в пределах которых количественные изменения не вызывают качественных изменений, составляют меру.

Качественные изменения, таким образом, наступают лишь тогда, когда количественные изменения выходят за рамки той или иной меры. Но если это так, если качественные изменения наступают не всегда, а лишь тогда, когда количественные изменения достигнут определенного предела, выйдут за рамки соответствующей меры, то очевидно, что качественные изменения являются результатом количественных изменений, что качественные характеристики обусловливаются количественными характеристиками, качественные различия — количественными различиями.

В самом деле, какое бы качественное различие мы

ни взяли, мы всегда обнаружим, что его появление обязательно связано с какими-нибудь количественными различиями. Например, качественные различия, свойственные кислороду и озону, являются непосредственным результатом различного количества атомов, составляющих молекулы данных веществ. В молекулу кислорода входят два атома, в молекулу озона — три. Далее, два таких вещества, как веселящий газ (N_2O) и азотный ангидрид (N_2O_5), качественно очень различны: первое является газом, второе — твердым веществом, но разница в химическом составе этих веществ лишь та, что в молекулу второго входит в 5 раз больше кислорода, чем в молекулу первого. Об этом же свидетельствует периодическая система химических элементов Менделеева, которая особенно наглядно показывает, как чисто количественные различия протонов в атомном ядре обусловливают соответствующие изменения в качестве химических элементов, переходят в качественные различия.

Качественные различия, возникая в результате определенных количественных изменений, не ведут себя пассивно в отношении последних, а оказывают обратное воздействие и обусловливают соответствующие изменения в количественных характеристиках. Например, с появлением социализма (как нового качества) на смену капитализму (старому качеству) появляются и новые количественные характеристики: иные темпы развития производства, иная степень участия народа в управлении страной, иная степень удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся и т. д.

Данная закономерность взаимосвязи и взаимообусловленности качества и количества, качественных и количественных изменений и составляет суть закона перехода количественных изменений в качественные и обратно.

Будучи взаимосвязанными и взаимозависимыми, количественные и качественные изменения существенным образом отличаются друг от друга. Количественные изменения осуществляются медленно, скрытно, постепенно, непрерывно, качественные — резко, открыто, скачкообразно, представляют собой прерыв постепенности, непрерывности. В связи с этой особенностью качественных изменений их называют скачком. Скачок — это процесс

преобразования качества вещи, переход ее из одного качественного состояния в другое.

Являясь прерывом непрерывных количественных изменений материального образования, скачок зависит от природы, от его специфической сущности. Различным по природе материальным образованиям свойственны различные формы скачков. Например, в одной форме осуществляется превращение электрона и позитрона в пару или тройку фотонов, в другой — переход вещества из жидкого состояния в газообразное, в третьей — превращение одного вида животных в другой. Характер скачка, его форма зависят также от конкретных условий, в которых осуществляется скачок. Одинаковые по своей природе материальные образования в различных конкретных условиях будут переходить в новое качественное состояние различными путями. Например, в нашей стране, где сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции была осуществлена национализация земли, в ходе социалистических преобразований сельского хозяйства удалось в значительной степени миновать низшие и средние формы производственных кооперативов и сразу перейти к высшей форме, в частности к сельскохозяйственной артели, в которой коллективный труд на общественной земле сочетается с установлением общественной собственности на основные средства производства и распределением производимой продукции в зависимости от качества и количества труда, вложенного в общественное хозяйство. Иным путем осуществлялся этот процесс в странах народной демократии. Здесь социалистические преобразования мелкотоварного сельскохозяйственного производства проходили в условиях существования частной собственности на землю. Это наложило определенный отпечаток на форму данных преобразований. Оно обусловило, в частности, то, что в указанных странах в ходе этих преобразований широко использовались различные полусоциалистические формы хозяйства, в которых социалистическая собственность на определенные средства производства сочеталась с частной собственностью на землю и наряду с распределением по качеству и количеству затраченного труда практиковалось распределение по качеству и количеству переданной в общественное хозяйство земли и других средств труда.

Все многообразие форм скачков можно объединить в такие два основных вида, как: (1) скачки, осуществляющиеся в форме взрыва, и (2) скачки, осуществляющиеся постепенно, путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества.

Скачок взрывного характера протекает бурно, резко, часто «в виде единого удара». В ходе его осуществления преобразованиями охватывается все качество в целом. В отличие от этого скачок, осуществляющийся путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, протекает медленно и более или менее продолжительное время. Здесь качество преобразуется не все сразу, а по частям. Сначала изменяется одна качественная характеристика, затем другая, третья и т. д., пока не преобразуется качество в целом.

Примером скачка-взрыва может служить превращение воды в пар путем кипения. Здесь процесс образования нового качества осуществляется бурно и затрагивает не только поверхность, но всю массу воды. Другим примером такого вида скачка является взрыв динамита, в ходе которого происходит резкое, охватывающее все стороны исходного качества, преобразование одного вещества в другое. Применительно к обществу в качестве скачка-взрыва можно рассматривать социальную революцию, совершающуюся в форме вооруженного восстания.

Примером скачка, осуществляющегося путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, является образование новых видов растений и животных. Превращение одного вида животных или растений в другой в естественном состоянии осуществляется, как правило, постепенно, путем возникновения одного за другим новых, соответствующих изменяющимся условиям среды свойств и постепенного отмирания свойств, не отвечающих этим условиям существования. В обществе примером данного вида скачка может служить завоевание политической власти пролетариатом мирным путем. Таким образом осуществлялся переход к диктатуре пролетариата, в частности, в ряде стран народной демократии (Болгария, Румыния, Чехословакия и др.), где социалистическая революция явилась следствием развития де-

мократической, антиимпериалистической революции, направленной против фашистских захватчиков, установивших в этих странах свое господство, предателей и изменников родины — феодалов и монополистической буржуазии, прислуживавших фашистам.

При делении всех скачков на скачки, совершающиеся в форме взрыва, и скачки, осуществляющиеся путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, основанием деления является характер осуществления скачка, то, как он протекает. В одном случае он осуществляется быстро и охватывает качество в целом, в другом протекает медленно, преобразуя качество по частям.

Но в основу классификации скачков можно положить и другой признак, в частности характер качественных изменений, то, что изменяется в вещи, какое ее качество. Как известно, вещь имеет основное и неосновные качества. И изменения основного качества существенным образом отличаются от изменений неосновных качеств. Изменения основного качества предполагают изменение сущности вещи, превращение ее в другую вещь, изменения же неосновных качеств происходят в рамках той же самой сущности, в результате их вещь не превращается в другую вещь, а лишь переходит из одного своего качественного состояния в другое. Учитывая это обстоятельство, скачки можно разделить на революционные и эволюционные.

Революция — это такой скачок, в ходе которого происходит коренная ломка старой качественной основы, изменяется сущность вещи. Эволюция — это скачок, в ходе которого переход к новому качеству осуществляется в рамках данной сущности вещи, без коренной ломки существующей качественной основы.

Примером революции является переход от одной общественно-экономической формации к другой, например переход от капитализма к социализму. В качестве примера эволюционного перехода от одного качественного состояния к другому может служить переход от домонополистического капитализма к монополистическому, переход от социализма к коммунизму и т. д.

В данном смысле понятия революции и эволюции применимы ко всем областям действительности. Однако они приобретают несколько иной смысл, когда используются для выражения закономерностей перехода

от одного качественного состояния к другому в тех или иных областях общественной жизни. Применительно к обществу революцией будет не всякий скачок, сопровождающийся коренной ломкой существующей качественной основы, изменением сущности материального образования, а лишь такой, в результате которого возникают более совершенные качественные состояния, т. е. осуществляется переход от низшего к высшему. Переход же от высшего к низшему в данном случае является контрреволюцией. Революцией является, например, переход политической власти от буржуазии к пролетариату, представляющему социалистический способ производства, призванный сменить исторически изживший себя капиталистический способ производства. Контрреволюцией будет временное восстановление власти буржуазии, свергнутой в ходе революции.

Что касается эволюции, то она применительно к историческому развитию выступает в виде реформы, представляющей собой такой вид качественных изменений, который предполагает сохранение качественной основы существующего экономического и политического строя общества, его сущности.

5. ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

С познанием взаимосвязи количества и качества люди начинают осознавать, что качественные изменения обусловливаются, порождаются количественными изменениями, что качественные различия являются результатом количественных различий. Но то, что порождает другое, обусловливает его появление, является причиной; то же, что появляется, обусловливается, выступает как следствие. Познание людьми взаимосвязи количества и качества, таким образом, подводит их вплотную к выявлению новых моментов всемирной универсальной взаимосвязи — причинности, а вместе с этим и к необходимости формирования категорий причины и следствия.

Определенное представление о причине возникает с возникновением философии. Однако у первых философов оно еще весьма расплывчато и неопределенно. Причина здесь еще не отличается от первоначала, от материи, лежащей в основе существующих вещей и явлений. Так, в древнегреческой философии она сначала

выступала в виде воды (Фалес), воздуха (Анаксимен), огня (Гераклит). Затем она представлялась в виде вечных, неизменных атомов, отличающихся друг от друга формой, положением и порядком и образующих при своем столкновении различные тела. Позже в роли причины начинают рассматриваться все факторы, обусловливающие возникновение отдельных вещей. У Платона в число этих факторов входят: бесформенная материя, определенная идея, математическое отношение и идея «высшего блага», которая у него является движущим началом. У Аристотеля возникновение вещи связано с четырьмя причинами: материальной, производительной, формальной и целевой.

Аристотелевское понимание причинности долгое время оставалось неизменным. Средневековая философия ничего не добавила к тому, что сделал Аристотель в разработке данных категорий. Она, используя его учение о формальной и целевой причинах, была всецело поглощена обоснованием существования бога и творения им чувственного мира.

Некоторый шаг вперед в познание причинности делает Ф. Бэкон. Хотя он и признает указанные четыре аристотелевские причины, однако категориальное значение отводит лишь одной, формальной причине, которая у него находится не вне вещи, как это имело место у Аристотеля, а в ней самой. Она представляет собой закон существования вещи.

В отличие от Бэкона, Т. Гоббс отвергает формальную и целевую причины и считает реально существующими только две — производительную (действующую) и материальную. Под производительной причиной он понимает совокупность свойств активного тела, вызывающих соответствующие изменения в пассивном теле; под материальной — совокупность свойств пассивного тела. Если Бэкон в определении причины упор делал на ее принадлежность к области внутреннего, к природе вещи, то Гоббс отводит причине область внешнего, связывает ее с акциденциями — изменчивыми, несущественными свойствами — и по сути дела сводит ее к воздействию одного тела на другое.

Вне явления, вещи находится причина и у Б. Спинозы. Но Спиноза уже видит ограниченность такого понимания причинности и делает попытку преодолеть его. Он ставит вопрос о необходимости отыскания причины

существования вещей в них самих и в связи с этим выдвигает понятие causa sui (причины самого себя). Правда, причину своего существования, по мнению Спинозы, может в себе содержать лишь мир в целом, бесконечная абсолютная природа. Что же касается конечных вещей, то причины их существования содержатся не в них самих, а во вне, в других конечных вещах.

Мысль о том, что природа содержит в себе причину своего существования и совершенно не нуждается в посторонней, лежащей вне ее силе, являлась весьма прогрессивной и сыграла большую роль в борьбе с идеализмом и религией; но она была недостаточной для преодоления метафизического представления о причинности, сводящего причинно-следственную связь к воздействию одного тела на другое. Не случайно поэтому спинозовская causa sui не внесла никакого изменения в существующее в то время понятие причины. И в естествознании и в философии под причиной по-прежнему понималось воздействие внешней силы на ту или иную вещь. Такое определение причины мы находим, в частности, у Ньютона, французских материалистов XVIII в. и других авторов.

Сведение причины возникновения и развития вещи к воздействию другой вещи обусловливает целый ряд трудностей в области познания. В самом деле, познание вещи предполагает познание ее причины. Но если причина данной вещи содержится в другой вещи, то, чтобы познать данную вещь, мы должны познать другую вещь, ту, которая является причиной первой. Но познание этой второй вещи предполагает выявление ее причины, а она находится в третьей вещи, значит, мы должны сначала познать эту третью вещь. Но с ней повторится то же самое. Таким образом, познание всякой данной вещи неизбежно уводит нас при указанном понимании причинности в бесконечность, предполагает познание бесчисленного множества других вещей, что, разумеется, неосуществимо. Данное обстоятельство заметил еще Спиноза и сделал из него вывод о невозможности адекватного познания единичных вещей.

Правда, философы и естествоиспытатели XVIII в., выдвигавшие указанный метафизический принцип причинности, не замечали этого неизбежно следовавшего из него противоречия. Руководствуясь им, они не только не сомневались в возможности познания исследуемой

вещи, но считали его достаточным для получения исчерпывающего знания о всей Вселенной, для объяснения любого явления, имевшего место в прошлом, для предсказания любого события в будущем[1]. Существующий в то время уровень развития физической науки позволял на основе знания силы, действующей на тело, координат и скорости его движения в данный момент времени определить его координаты и скорость в любой другой момент времени в будущем. Но если указанное понимание причинно-следственной связи в той или иной мере приемлемо для объяснения явлений простого механического движения, где изменение состояния изолированной системы не связано с изменением ее качества, то оно совершенно неприемлемо для явлений других, более сложных форм движения, возникновение которых связано с определенными качественными изменениями, обусловливаемыми не столько действием внешних сил, сколько внутренними взаимодействиями объекта.

На ограниченность и противоречивость метафизического понимания причинности впервые обратил серьезное внимание Гегель. Показывая, что метафизический подход к причинно-следственной связи явлений неизбежно уводит в дурную бесконечность, Гегель отвергает указанную концепцию причинности и предлагает новое решение проблемы. По его мнению, причина и следствие находятся в диалектическом взаимодействии. Причина, будучи активной субстанцией, воздействует на пассивную субстанцию и вызывает в ней определенные изменения, делающие ее следствием. Но следствие оказывает известное противодействие и таким образом из пассивной субстанции превращается в активную и начинает выступать по отношению к первой субстанции как причина[2].

Так, благодаря взаимодействию причина и следствие, по Гегелю, переходят друг в друга, меняются местами и в одно и то же время выступают по отношению друг к другу и как причина, и как следствие. Взяв за исходное взаимодействие причины и следствия, Гегель вплотную подходит к марксистскому пониманию причинности.

---

[1] См.: П. Лаплас. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, стр. 10.

[2] См.: Гегель. Наука логики, т. V. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 689—690.

Механистическое понимание причинности и ошибки, связанные с ним, можно наблюдать до сих пор в среде буржуазных философов и ученых. Некоторые современные буржуазные физики пытаются исходя из механистического понимания причинности объяснить те или иные явления, касающиеся поведения «элементарных» частиц. В результате они приходят к выводу о неприменимости принципа причинности к явлениям микромира. Например, известный физик Н. Бор указывает, что принципы квантовой механики «несовместимы с самой идеей каузальности»[1]. Аналогичную точку зрения развивает и американский физик В. Бриджмен. В области мельчайших частиц, пишет он, закон причины и следствия не действует[2]. Указанные рассуждения основываются на том факте, что в квантовой механике невозможно одновременно определить и положение и скорость микрочастицы и предсказать ее дальнейшее поведение. Но ведь возможность однозначного предсказания поведения объекта и принцип причинности — не одно и то же. Сутью принципа причинности является признание причинной обусловленности любого явления. Предсказание же поведения объекта является результатом познания причинно-следственной связи, достаточно точной фиксации начального состояния объекта и характера его взаимодействия с окружающей средой. Квантовая же механика на данной стадии своего развития ни того, ни другого не дает. Естественно поэтому, что причинную обусловленность в микромире она выражает в форме вероятности.

Но это вовсе не означает того, что в микромире нет причинной обусловленности. Она есть, но проявляется здесь не в той форме, в какой она проявляется в механическом движении. Здесь следует отметить, что причинная обусловленность в различных областях действительности проявляется по-разному. Так, например, одна форма проявления ее в живой материи, другая — в общественной жизни, третья — в познавательной деятельности людей. Механическое понятие причинности не учитывает этого многообразия и связано лишь с одной, механической формой ее проявления, а потому и

[1] N. Bohr. On the Notions of causality and complementarity «Science», Washington, v. III, 2873, January, 20, 1950, p. 51.

[2] См.: W. Bridgman. Reflections of a physicist. N.-Y., 1955, p. 215.

неприменимо для выражения причинной обусловленности явлений других форм движения.

В отличие от представителей механистического материализма, которые причину существования и изменения материального образования искали вне его, в другом материальном образовании, основоположники диалектического материализма считали, что причина существования, изменения и развития материального образования находится в нем самом и является взаимодействием сторон или элементов, его образующих. «...взаимодействие, — писал Энгельс, — является истинной causa finalis (конечной причиной. — *А. Ш.*) вещей»[1].

Например, причиной возникновения, существования и развития государства является взаимодействие (борьба) антагонистических классов, причиной социальной революции — взаимодействие между ушедшими вперед в своем развитии производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Причиной коррозии металлов является химическое взаимодействие металлов с находящимися в воздухе газами, а также с водой и растворенными в ней веществами.

Итак, причина представляет собой взаимодействие между материальными образованиями или сторонами одного и того же материального образования, обусловливающее соответствующие изменения. Следствием же являются изменения, возникающие во взаимодействующих сторонах или материальных образованиях в результате их взаимодействия.

6. НЕОБХОДИМОЕ И СЛУЧАЙНОЕ

Более углубленное познание причинности приводит к выявлению необходимости как всеобщей формы бытия.

В самом деле, исследуя открываемые причинно-следственные связи, люди замечают, что причина со следствием связаны так, что если появляется причина, неизбежно наступает и следствие, если причина отсутствует, отсутствует и следствие. Другими словами, люди обнаруживают, что связь причины со своим следствием носит необходимый характер.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 546.

О том, что необходимость как всеобщее свойство объективной действительности осознается людьми прежде всего как характеристика причинно-следственной связи, свидетельствует практическая деятельность людей, являющаяся основой и конечной целью познания. Практика как определенная сознательная деятельность людей, направленная на изменение предметов природы с целью сделать их пригодными для удовлетворения той или иной потребности общества, с одной стороны, убеждает людей в том, что за определенными действиями наступают не любые, а строго определенные явления, изменения, с другой стороны, сама основывается на этой убежденности.

Итак, необходимость сначала осознается как свойство причинно-следственной связи. Однако в ходе дальнейшего развития познания содержание понятия необходимого уточняется и расширяется. Необходимыми начинают считаться не только причинные связи, но всякие связи, неизбежно наступающие при определенных условиях, и не только связи, но и стороны, свойства, по природе присущие исследуемым материальным образованиям.

Выявляемые в ходе развития познания необходимые связи часто формируются в науке в виде определенных законов, т. е. осознаются через категорию закона, которая обозначает и отражает общие устойчивые необходимые связи и отношения.

Поскольку понятие необходимости формируется на основе дальнейшего исследования причинности, в частности на основе уяснения необходимого характера причинно-следственной связи, некоторые философы и естествоиспытатели отождествляют необходимость с причинностью. Между тем причинность и необходимость представляют собой различные понятия, касающиеся различных сторон действительности. В самом деле, понятие «причинность» отражает обусловленность одних форм бытия другими, их генетическую связь. Понятие же необходимости отражает неизбежность проявления тех или иных связей и свойств при соответствующих условиях.

Необходимыми называются те свойства и связи, которые имеют причину своего существования в себе, которые обусловлены внутренней природой элементов, составляющих материальное образование. Свойства же

и связи, имеющие причину своего существования в другом, т. е. обусловленные внешними обстоятельствами, называются случайными. Необходимые стороны и связи при соответствующих условиях наступают неизбежно, появление же случайных свойств и связей не обязательно, они могут наступить, могут и не наступить.

Субъективные идеалисты не признают объективного существования необходимости. По их мнению, необходимость является характеристикой сознания, мышления. Отсутствие необходимости в природе доказывал, например, Кант. Согласно его учению, необходимость является формой рассудочной деятельности и привносится в природу, в мир явлений человеком. В виде логической связи выступает необходимость, например, у Маха. Лишь в мире понятий существует необходимость и по мнению английского философа и математика Пирсона. Из логической связи понятий выводит необходимость Гюнтер Якоби. Суть его рассуждений сводится к следующему: существующие во внешнем мире системы и образующие их элементы находятся в состоянии отталкивания. Они лишены какой-либо связующей идентичности, необходимой взаимосвязи. Последняя существует в идентичности системы понятий, через которую мы пытаемся отразить ту или иную систему мира[1]. Нетрудно заметить, что Якоби в своих рассуждениях о необходимости пересказывает кантианскую точку зрения.

Условным постулатом, принимаемым людьми в качестве исходного положения для удобства объяснения мира, объявляет необходимость Я. Гессен. Этому постулату, заявляет Гессен, в природе ничто не соответствует. Природа, рассуждает он, вовсе не обязана вести себя так, как нам удобно[2].

Если бы исходным положениям, которыми человек руководствуется в процессе познания действительности, ничто не соответствовало в этой действительности, то человек не смог бы объяснить и тем более изменить ни одного явления. Между тем практическая деятельность свидетельствует о том, что представления человека о необходимости тех или иных связей вещей правильно отражают действительное положение, почему и

[1] См.: Bruno Baron von Freitag Löringhoff. Zum Problem des Zufalls. «Philosophia Naturalis», Bd. VII, Hf. 2. Postverlagort Mainz, 1962, S. 163.

[2] См.: J. Hessen. Das Kausalprinzip. Augsburg, 1928, S. 228.

являются исходными в познании и преобразовании действительности.

В отличие от идеалистов, материалисты признают объективное существование необходимости, считают ее одним из всеобщих свойств материальных образований и их связей. Что же касается логической необходимости, то она, по мнению материалистов, является снимком, копией, одним словом, отражением соответствующих сторон и связей внешнего мира.

Признавая объективное существование необходимости, материалисты не все признают объективность случайности. Некоторые из них считают, что она выдумана людьми для прикрытия своей неосведомленности в тех или иных вопросах. Когда человек, говорят они, не знает причины какого-нибудь явления, не может объяснить его, он объявляет его случайным. Такую точку зрения на случайность развивали в свое время Демокрит, Спиноза, Гольбах и др. В наше время аналогичного взгляда придерживаются французский философ Анри Берр, немецкий философ Ф. Леринго́ф и др. Поскольку, заявляет А. Берр, мы не можем предвидеть наступления того или иного явления, мы склонны считать это явление случайным. «Для того, — продолжает он, — кто знал бы все, случай, как что-то непредвиденное, не существовал бы»[1]. Следствием ограниченности нашего познания объявляет случайность Ф. Леринго́ф. «В рамках нашего человеческого познания..., — пишет он, — категория «случайность» является кратким, преуменьшенным выражением принципиальной ограниченности объяснения явлений»[2].

Отрицание объективности случайности, как правило, связывается с всеобщностью причинно-следственной связи и ее необходимым характером. Если всякое явление, рассуждают сторонники рассматриваемой точки зрения, имеет свою причину, которая с необходимостью вызывает его к жизни, то все существующие в мире явления необходимы. Случайностей нет и не может быть. Мысль о всеобщности причинной обусловленности явлений и необходимом характере причинно-следственной связи правильна. Но из этого вовсе не следует того, что

[1] A. Berr. La synthèse en histoire. Son Rapport avec la synthèse générale. Wouvelle edition. Paris, 1953, pp. 56—57.

[2] Bruno Baron von Freitag Löringhoff. Zum Problem des Zufalls, S. 166.

все существующие в мире явления необходимы, что нет случайности. Хотя каждое явление необходимо связано с порождающей его причиной, но не это делает его необходимым. Гибель урожая вследствие выпадания града является необходимым результатом взаимодействия кусочков льда с растением, однако это явление не считается необходимым. Не является необходимой также смерть человека, попавшего под автомашину, хотя она — неизбежный результат определенной силы удара, полученного человеком при столкновении с машиной. Необходимость явления обусловливается не необходимым характером причинно-следственной связи, не тем, что оно необходимо следует из своей причины, а необходимостью самой причины.

Дело в том, что причины могут быть необходимыми и случайными. В качестве причин явлений, как было указано ранее, выступают взаимодействия между вещами или элементами, образующими одну и ту же вещь. Но вещи или элементы могут встретиться и вступить во взаимодействие в силу своей внутренней природы, как это имеет место, например, со встречей пролетариев и буржуазии на рынке труда, могут встретиться и вступить во взаимодействие случайно, в силу стечения тех или иных обстоятельств. Такими являются, в частности, встреча и взаимодействие града с посевами или столкновение человека с автомашиной. Из внутренней природы растения не следует того, что оно в период цветения или созревания должно вступить во взаимодействие с кусочками льда, так же как не следует и из природы человека необходимости столкновения с автомашиной. И то и другое обусловлено стечением внешних обстоятельств.

Деление явлений на необходимые и случайные, таким образом, связано с различением необходимых и случайных причин. Необходимыми являются те явления, которые порождены необходимыми причинами, случайными — те, которые порождены случайными причинами. Связь же этих явлений со своими причинами всегда необходима.

Итак, необходимый характер причинно-следственной связи не исключает объективного существования случайности. Случайность является такой же всеобщей формой бытия, как и необходимость.

Будучи всеобщей формой бытия, необходимость и

случайность существуют не отдельно друг от друга, а в органической связи, являются моментами, сторонами одного и того же явления. Каждое материальное образование представляет собой единство необходимого и случайного. Например, соотношение атомов натрия и хлора в молекуле поваренной соли как 1 : 1 является необходимым, поскольку оно определяется внутренней природой химических элементов, образующих рассматриваемое вещество. Тот же факт, что данный конкретный атом натрия вступил во взаимодействие именно с этим атомом хлора и образовал именно данную молекулу, является случайным, обусловлен внешними факторами. Или другой пример: развитие растения из зерна, попавшего в плодородную почву, является необходимым, но то, что зерно оказалось именно в данном месте, является случайным. Случайным будет и то, какие растения оказались по соседству, сколько и какие вредители ему угрожают и т. д.

Находясь в органической связи с необходимостью, случайное является формой проявления и дополнения последней. Необходимость пробивает себе путь через толщу случайных отклонений, которые, выражая ее как тенденцию, вносят в конкретный процесс, явление множество новых моментов, не вытекающих из необходимости, но обусловленных внешними обстоятельствами. Например, такая необходимая связь, как зависимость цены товара от стоимости — количества общественно необходимого труда, затраченного на его производство, — проявляется в обменных операциях лишь в виде тенденции, через постоянные отклонения в ту или другую сторону. И эти отклонения, являясь формой выражения зависимости цены товара от его стоимости, дополняют данную необходимую связь, в частности, они выражают и зависимость цены товара от соотношения спроса и предложения, устанавливающегося на рынке, т. е. от конкретных условий, в которых осуществляется купля-продажа товаров.

Итак, случайность является формой проявления и дополнения необходимости.

Являясь формой проявления необходимости, случайность не только дополняет ее, но и в процессе движения и развития материального образования может превратиться в необходимое, а необходимое может стать случайным. Например, в условиях первобытного обще-

ства господствовало натуральное хозяйство. Каждая община сама производила себе средства существования, которые на основе уравнительного принципа распределялись между членами общины. Все это было неизбежным следствием низкого уровня развития производительных сил, исключающего возможность создания какого-либо излишка материальных благ над непосредственными потребностями производителей. В данных условиях обмен одной продукции на другую был исключительно редким явлением, представлял собой случайность, обусловливался не внутренней природой существующего в то время социального строя, а внешними обстоятельствами. Но впоследствии, по мере дальнейшего развития производительных сил, появляется возможность производить несколько больше, чем это требовалось непосредственному производителю. Вместе с этим обмен одного вида продукции на другой становится все более регулярным, а с появлением частной собственности на средства производства превращается в необходимый момент возникшего на основе разложения первобытно-общинного строя нового экономического строя. Что же касается натурального хозяйства, то оно на определенном этапе исторического развития окончательно изживает себя и становится случайностью. Так в процессе развития случайное превращается в необходимое, а необходимое — в случайное.

7. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Параллельно движению познания от причинности к необходимости и закону осуществляется также переход к категориям содержания и формы. Он обусловлен тем, что познание не останавливается на выявлении отдельной причинно-следственной связи, а под давлением практики, требующей для своего развития все более и более полного знания предметов внешнего мира, необходимо переходит от одной причинно-следственной связи к другой, от объяснения одного свойства материального образования к другому. По мере накопления знаний о том или ином материальном образовании, по мере объяснения одного за другим его свойств из тех или иных взаимодействий его внутренних сторон возникает необходимость в новой категории, именно в категории «содержание», которая обозначает совокуп-

ность всех взаимодействий и вызываемых ими изменений, происходящих в данном материальном образовании.

Познавая взаимодействия и обусловленные ими изменения, мы улавливаем и шаг за шагом воспроизводим в сознании сначала внешние, а затем и внутренние способы соединения элементов содержания, относительно устойчивую структуру, в рамках которой осуществляются все свойственные материальному образованию взаимодействия, все протекающие в нем процессы. Выявляемая в процессе познания структура исследуемых материальных образований, относительно устойчивая система взаимосвязей их сторон выражается и фиксируется в категории «форма».

Говоря о содержании того или иного материального образования, следует подчеркнуть, что к нему относятся как внутренние взаимодействия, так и внешние, как взаимодействия, имеющие место между элементами, образующими материальное образование, так и взаимодействия материального образования с другими окружающими его материальными образованиями. Например, в содержание того или иного живого организма входят не только процессы, протекающие внутри организма, но и все его действия, представляющие собой определенные ответные реакции на воздействия соответствующих факторов внешней среды. Содержание человека как общественного существа составляют не только те процессы, которые протекают в нем как субъекте, но и те, которые связаны с целенаправленным воздействием его на внешний мир и взаимодействием его с другими людьми.

Будучи структурой содержания, форма всегда содержательна, а содержание всегда формировано. Это означает, что содержание и форма органически связаны между собой и не существуют друг без друга. Однако это положение некоторыми философами оспаривается. В частности, Аристотель в своих философских воззрениях исходил из возможности раздельного существования содержания и формы, которые лишь при строго определенных условиях соединяются друг с другом, образуя ту или иную конкретную вещь. Признают самостоятельное, отдельное от материи существование формы многие современные буржуазные философы и естествоиспытатели. Например, чистыми формами, ли-

шенными какого-либо материального содержания, объявляет «элементарные» частицы современный буржуазный физик Э. Шредингер. «Когда мы подходим к первичным частицам, составляющим материю, — рассуждает он, — то оказывается, что они не представляют собой ничего такого, что составляло бы материю. Они являются, как это и было всегда, чистой формой, ничего кроме формы...»[1]. Аналогичную точку зрения развивают Грибнер, Марх и др. Касаясь «элементарных» частиц, Грибнер пишет: «Электрон в действительности есть не более, как структура, образованная из результатов измерения...»[2]. «Если мы совокупность отношений, принадлежащих какой-то одной частице, — рассуждает А. Марх, выражая эту же самую мысль, — назовем структурой, то мы можем сказать, что электрон, например, в понимании квантовой механики есть не более как структура»[3]. Но если «элементарные» частицы не представляют ничего такого, что составляло бы материю, если они являются только формами, конструируемыми людьми «по известным математическим и геометрическим законам»[4], а в объективной действительности все в конечном счете состоит из «элементарных» частиц, то материя как объективная реальность исчезает, остаются одни чистые, идеальные формы, т. е. сознание. Именно такой вывод делает из своих рассуждений Марх. «Невещественность элементарных частиц, — пишет он, — исключительно важная часть современной физики. И физика идет к тому, что мертвая материя изгоняется из картины мира и заменяется полной жизни игрой форм»[5].

Идеалистический характер рассматриваемых рассуждений очевиден. В действительности нет и не может быть никаких чистых, освобожденных от грубой материи форм. Всякая форма является структурой того или иного материального образования, вещи, явления. Что касается идеальных форм, создаваемых людьми в процессе развития общественного познания, то они тоже

---

[1] E. Schrödinger. Science and Humanism. Physics in our Times. Cambridge, 1952, p. 21.

[2] «Scientia», 1957, № 1, Annua LJ, Series N, S. 4.

[3] A. March. Das neue Denken der modernen Physik. Hamburg, 1957, S. 113.

[4] «Scientia», 1957, N 1, Annua IJ. Series N, S. 4.

[5] A. March. Das neue Denken der modernen Physik, S. 121.

не являются чистыми формами, а заключают в себе определенное содержание, отражающее соответствующие стороны и связи внешнего мира.

В любом материальном образовании, предмете, явлении форма и содержание находятся между собой в органической связи, взаимозависимости. Но в этой взаимозависимости, в этом соотношении они играют неодинаковую роль. Определяющим является содержание, форма возникает под его непосредственным воздействием, под его влиянием.

Формируясь под непосредственным воздействием содержания, форма ведет себя не пассивно, а оказывает определенное воздействие на содержание. Воздействие формы на содержание бывает двух видов: она или способствует развитию содержания, или тормозит его. Это зависит от того, соответствует форма содержанию или не соответствует. Когда она соответствует содержанию, она играет положительную роль в его развитии, дает широкий простор ему (развитию). Когда же она не соответствует содержанию, она играет отрицательную роль, сковывает его развитие, тормозит последнее.

Почему же форма в одних случаях соответствует содержанию, в других не соответствует ему? Дело в том, что форма по своей природе устойчива, содержание же текуче, изменчиво, представляет собой совокупность процессов, свойственных вещи. В начальный период своего существования форма соответствует вызвавшему ее к жизни содержанию, дает широкий простор его развитию. Содержание развивается быстро и бурно. Но в ходе своего развития содержание достигает такого уровня, когда рамки данной системы связей становятся тесными. Форма начинает сковывать развитие содержания, тормозить его. Появляется несоответствие формы содержанию. В ходе дальнейшего развития содержания это несоответствие становится все более и более резким и рано или поздно приводит к ломке старой формы — относительно устойчивой системы связей — и формированию новой системы связей, новой формы, которая на первых порах соответствует обусловившему ее содержанию, а затем тоже устаревает и заменяется новой, и так без конца.

Когда у нас в литературе говорится о сбрасывании или ломке старой формы и установлении новой, имеются в виду, как правило, изменения в форме, приводящие ее

в соответствие с развившимся в рамках старой формы содержанием. Получается, что содержание нового материального образования или качественного состояния, возникающего в результате замены старой формы новой, целиком и полностью создается в недрах старого материального образования или качественного состояния, а скачок, в результате которого ломается старая форма и создается новая, представляет собой не качественное изменение содержания, а лишь его переоформление. Но это противоречит действительному положению вещей. В действительности процесс ломки старой формы и возникновения новой является процессом коренного качественного преобразования содержания. В нем одни взаимодействия, процессы ликвидируются, другие возникают, третьи видоизменяются.

Например, при переходе от одного экономического уклада или способа производства к другому в результате разрешения противоречия между ушедшими вперед в своем развитии производительными силами (содержанием) и устаревшими производственными отношениями (формой) преобразуется не только форма — производственные отношения между людьми, но и содержание— производительные силы. Так, в процессе перехода от ремесленного, кустарного производства к капиталистической мануфактуре вместе с преобразованием производственных отношений произошли существенные изменения в области производительных сил, обусловившие появление совершенно новой производительной силы, связанной с иной расстановкой людей в процессе производства, с иной организацией труда. Не остаются неизменными производительные силы и в ходе преобразования капиталистических производственных отношений в социалистические, они подвергаются существенной реконструкции. В связи с тем, что здесь целью производства становится не получение прибыли, а максимальное удовлетворение потребностей людей, неизбежно меняется направление деятельности целого ряда предприятий, устанавливается иное соотношение между отдельными отраслями производства, создаются новые, отсутствующие ранее отрасли и т. д.

Итак, процесс преобразования старой, несоответствующей развившемуся содержанию формы в новую является в то же время процессом коренного преобразования этого содержания. Выражая данную закономер-

ность, В. И. Ленин писал: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»[1].

Когда мы рассматриваем вещь с точки зрения ее содержания, она выступает перед нами как целое, как совокупность всех элементов, сторон, ее составляющих, и взаимодействий между ними. Именно в этом суммарном виде содержание соотносится с формой. Но суммарная характеристика содержания по мере дальнейшего развития познания объекта становится недостаточной, возникает потребность в более тщательном исследовании отдельных моментов содержания, отдельных составляющих его элементов, процессов, отношений. Содержание расчленяется на отдельные части, анализ которых приводит к необходимости выявления закономерностей их взаимосвязи друг с другом и с целым. Закономерности взаимосвязи отдельных частей с целым, в которое они входят, отражаются в категориях «целое» и «часть», закономерности же взаимосвязи частей между собой в рамках целого отражаются в категориях «элемент» и «структура».

Частью является предмет (процесс, явление, отношение), входящий в состав другого предмета (процесса, явления, отношения) и выступающий в качестве момента его содержания. Целое представляет собой предмет (процесс, явление, отношение), включающий в себя в качестве составных частей другие, органически связанные между собой предметы (явления, процессы, отношения) и обладающий такими свойствами, которые не сводятся к свойствам составляющих его частей.

Каждое материальное образование представляет собой нечто целое, состоящее из определенных частей. Например, молекула воды как целое состоит из одного атома кислорода и двух атомов водорода. Каждый атом, входящий в молекулу воды, являясь частью целого, не теряется в этом целом, не сливается с его качеством, а сохраняет свою специфическую качественную определенность, обладает известной обособленностью и самостоятельностью, что позволяет ему занимать в целом строго определенное место и играть строго определенную роль. Молекула, таким образом, представляет собой расчлененное целое, включающее в себя определенные части, имеющие свое специфическое содержание. Но их

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

специфическое содержание, их специфическая роль в целом определяется не только их специфической природой, но и общей природой целого. Поэтому они в этой своей специфической роли выступают не сами по себе, а как части целого. С другой стороны, общая природа целого, в нашем случае молекулы, зависит от специфической природы составляющих его частей, в частности атомов.

Взаимосвязь целого и части, выражающаяся в зависимости качества целого от специфической природы составляющих его частей и качеств частей от специфической природы целого, является следствием определенной взаимосвязи частей в целом, образующей структуру целого. Именно взаимосвязь тех или иных элементов обусловливает возникновение целого и превращение их в составные части последнего. Без структуры нет целого. Она является главным условием существования целого.

Понятие «структура» обозначает способ сочетания и взаимосвязи элементов целого. Понятие «элементы» обозначает компоненты, составляющие какое-либо целое и находящиеся между собой в определенной взаимосвязи и взаимозависимости.

Понятие «элемент» и «часть» не тождественны. Элементы выявляют свое специфическое содержание в соотношении со структурой, с определенной системой связи, устанавливающейся между ними. Обладая определенной самостоятельностью и качественной обособленностью, элементы существенным образом отличаются от связи, в которой они состоят между собой. Специфическое же содержание частей выявляется не в отношении со связью, существующей между ними, а в соотношении с целым. А если это так, то они не могут противопоставляться связям, составляющим структуру целого, ибо последние сами являются частями целого. Отсюда следует, что понятие «часть» шире понятия «элемент». Частями целого являются не только элементы, находящиеся между собой в известной взаимосвязи, но и сами взаимосвязи между элементами, т. е. структура.

Указывая на то, что структура представляет собой способ связи частей (элементов) в рамках той или иной целостной системы, мы по сути дела отождествляем понятие «структура» с понятием «форма», но это неизбежно и вполне естественно, ибо оно возникло на базе даль-

нейшего развития указанного понятия и представляет собой его конкретизацию.

Являясь конкретизацией категории формы, понятие «структура», однако, выражает не только закономерности взаимосвязи содержания и формы, когда оно выступает в соотношении с категорией «содержание», но и закономерности взаимосвязи элементов содержания между собой, когда оно выступает в соотношении с понятием «элемент». Эта последняя взаимосвязь, в частности, характеризуется тем, что каждый элемент, будучи качественно обособленным, имея определенную самостоятельность, относительную независимость в рамках целого, существенным образом зависит от других элементов, составляющих данное целое, от характера связи с ними. Этими связями в известной степени определяется его место, роль и значение в целом, его качественные и количественные характеристики. С другой стороны, сама связь между элементами зависит от их природы, от их качественных и количественных характеристик.

Например, отношения, складывающиеся между супругами, а также между родителями и детьми в семье, существенным образом зависят от качественных характеристик вступающих в эти отношения людей, с другой стороны, качественные черты этих людей во многом зависят от существующих отношений в семье. Их формирование, направление изменений в значительной степени определяются указанными отношениями.

Итак, свойства элементов зависят от структуры того целого, которое они образуют, а структура этого целого зависит от составляющих его элементов, их природы и количества. Другими словами, элементы, на которые расчленяется тот или иной предмет, и свойственная этому предмету структура — способ связи элементов — находятся между собой в необходимой взаимозависимости, в диалектическом единстве.

8. СУЩНОСТЬ И ЯВЛЕНИЕ

Выявление в процессе развития познания тех или иных необходимых сторон и связей, отдельных законов, проявляющихся в исследуемом целом, не составляет достаточного знания его, ибо все это касается лишь отдельных свойств и связей. И как бы ни было велико количество этих познанных, так или иначе объясненных

свойств и связей, законов исследуемой области явлений, они не смогут дать нам действительно полного знания его, поскольку они в своей совокупности представляют механическую сумму свойств, связей. Материальное же образование является не простой совокупностью своих сторон, не суммой их, а органическим целым, диалектическим единством последних. Поэтому возникает потребность объединить все эти свойства (стороны) и связи в единое целое, вывести их из единого принципа. Воспроизведение всех необходимых сторон (свойств) и законов исследуемого целого в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости представляет собой познание сущности.

Сущность представляет собой совокупность всех необходимых сторон и связей вещи, взятых в их естественной взаимозависимости; явление есть проявление этих сторон и связей на поверхности через всю массу случайных отклонений.

Например, сущностью того или иного общества является совокупность всех свойственных ему необходимых сторон и связей, включающая в себя все законы его функционирования и развития. К области же явления относятся проявления всех этих сторон и связей (законов) через взаимодействия людей в их повседневной жизни, через деятельность общественных учреждений и организаций и т. п. Сущность атома того или иного химического элемента составляют все необходимые «элементарные» частицы, его образующие, и законы взаимосвязи между ними. Совокупность же свойств, через которые на поверхности проявляются законы взаимосвязи и взаимозависимости этих частиц в атоме, составляет явление.

Идеалисты или вообще отрицают реальное существование сущности, или отрицают ее материальность. Не признавал существования сущности, например, Беркли. Это же характерно и для воззрений Маха и Авенариуса. Отрицают реальное существование сущности и некоторые современные буржуазные философы, в частности Рассел, Шиллер и др.

Рассел, например, так рассуждает по поводу того, имеет человек сущность или не имеет. «Что собой представляет мистер Смит?» — спрашивает он. И отвечает: «Когда мы смотрим на него, мы видим ряд красок, когда мы слушаем его, мы слышим серию звуков и полага-

ем, что, подобно нам, он имеет мысли и чувства. Но, что такое мистер Смит, помимо этих явлений? Просто воображаемый крючок, на который, как предполагается, навешаны явления. Фактически явления не нуждаются в этом крючке».

Ряд идеалистов, например Платон, Гегель, Сантаяна, Уайтхэд, признают объективное реальное существование сущностей, но считают их идеальными. У Платона и Сантаяны эти сущности образуют особый мир, являющийся истинной реальностью, составляющей высшее Бытие[1]. У Гегеля сущность является понятием того или иного предмета, сохраняющим себя при всех его изменениях.

Диалектический материализм не отрицает существования идеальных сущностей, но считает, что областью их существования является не окружающая действительность, не внешний мир, а сознание. Существуя в сознании, они не только не составляют никакого высшего по отношению к внешнему миру бытия, но являются подчиненными этому миру, зависимыми от него, ибо их содержание почерпнуто из этого мира, является снимком, копией с тех или иных сторон или связей объективной действительности.

Согласно диалектическому материализму, сущность вещей материальна, представляет собой совокупность необходимых сторон и связей и существует независимо от человеческого сознания. Существуя реально, она органически связана с явлением, раскрывает свое содержание только в нем, через него. Явление же, в свою очередь, тоже неразрывно связано с сущностью, не может существовать без нее. «Сущность, — писал В. И. Ленин, подчеркивая неразрывную связь сущности с явлением, — является. Явление существенно»[2].

Явление представляет собой форму проявления сущности, отличается от нее: сущность в нем выражается в искаженном виде. Например, в капиталистическом обществе явления свидетельствуют о том, что судьба людей, их материальное положение зависит от отношений вещей, игры цен на товары, участвующие в обменных операциях на рынке. В действительности же все это зависит от отношений между людьми, складывающихся в

---

[1] См.: Y. Santayana. The Realm of Essence, p. 58.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

процессе производства, распределения и потребления материальных благ. Другой пример, сущность стоимости товара, представляющая собой совокупность общественно необходимого труда, затраченного на его производство, проявляется через цену этого товара, которая, как правило, не соответствует сущности, не совпадает с ней, а отклоняется в ту или иную сторону.

Выражая сущность, явление привносит к тому, что идет от сущности, новые моменты, черты, которые обусловлены не сущностью, а внешними обстоятельствами, в которых существует вещь, взаимодействиями вещи с окружающими ее условиями. Поэтому явление всегда богаче сущности. Это нетрудно увидеть на приведенном выше примере соотношения стоимости товаров с их ценами. Цены того или иного товара всегда разнообразнее (и в этом смысле богаче), чем его стоимость, ибо в них выражается не только зависимость от количества общественного труда, необходимого для производства единицы данного товара, но и от целого ряда внешних факторов, в частности от соотношения спроса и предложения этого товара на рынке.

Далее, если содержание явления определяется не только сущностью — совокупностью внутренних необходимых сторон и связей вещи, — но и внешними условиями ее существования, взаимодействием ее с другими вещами, а последние постоянно меняются, то содержание явлений должно быть текучим, изменчивым, в то время как сущность составляет нечто устойчивое, сохраняющее себя во всех этих изменениях. Например, цены того или иного товара постоянно меняются, стоимость же его определенное время остается неизменной. Аналогичным образом обстоит дело и с материальным положением людей, в частности рабочих в капиталистическом обществе. Оно изменяется от одного рабочего к другому, от одного периода (или фазы) развития производства к другому, в частности от оживления к подъему, кризису и депрессии. Однако совокупность производственных отношений людей (сущность), определяющая материальное положение людей, остается относительно неизменной, устойчивой. Выражая данную закономерность соотношения сущности и явления, В. И. Ленин писал: «...несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так „плотно“ держится, не так „крепко сидит“, как «сущность»[1].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 116.

Будучи устойчивой по отношению к явлению, сущность не остается совершенно неизменной. Она изменяется, но медленнее, чем явление. Изменение ее обусловливается тем, что в процессе развития материального образования одни необходимые стороны и связи начинают усиливаться и играть большую роль, другие отодвигаются на второй план или исчезают совсем. Примером изменения сущности в ходе развития материального образования может служить переход капитализма с домонополистической стадии на стадию империализма. Если в домонополистический период существования капитализма господствовали свободная конкуренция, вывоз товаров, а монополии не играли какой-либо существенной роли, то в период империализма свободная конкуренция хотя и продолжает существовать, но существенным образом ограничивается монополией, которая здесь становится всеобщим явлением и начинает играть определяющую роль в жизни общества, вывоз товаров оттесняется на второй план, господствующим становится вывоз капиталов и т. д. Все это указывает на то, что с вступлением капитализма в стадию империализма сущность его претерпела определенные изменения, хотя природа его осталась той же самой.

Итак, «не только явления преходящи, подвижны, текучи,... но и *сущности* вещей...» [1].

9. ОСНОВА И ОБОСНОВАННОЕ

Движение к сущности начинается с выявления основы — основных (определяющих) сторон, отношений. Основные стороны, отношения определяют формирование, функционирование, направление изменения и развития всех других сторон материального образования. Поэтому, приняв их за исходное начало, мы сможем шаг за шагом воспроизвести в сознании существующую взаимосвязь и других сторон, сможем определить место, роль и значение каждой из них.

Основа относится к области внутреннего, является самым глубоким моментом сущности. Однако, начиная исследование объекта с восприятия внешних его сторон, свойств, описания явления, люди ищут ее (основу) среди свойств и связей, лежащих на поверхности явления. Вы-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

деленные познающим субъектом в качестве основы внешние стороны и связи выступают в виде формального основания. Содержание формального основания тождественно обоснованному. Оно в иной форме выражает то, что характерно для обоснованного.

Например, на первоначальных ступенях познания электричества в качестве основы электрических явлений выступала «электрическая сила», в качестве основы теплоты — «теплород» и т. д.

Формальное основание не имеет сколько-нибудь значительной познавательной ценности: оно ничего не добавляет к тому содержанию, которое известно под видом обоснованного, оставляя познающего в рамках явления, фиксации единичного и общего, качественных и количественных характеристик. Через формальное основание познающий субъект не способен осмыслить имеющуюся необходимую связь и зависимость между выявленными им единичными и общими, качественными и количественными характеристиками, он их представляет как сосуществующие.

Но в ходе дальнейшего развития познания человек переходит от внешнего к внутреннему, от описания наблюдаемых на поверхности явления единичных и общих, качественных и количественных характеристик к объяснению их из внутренних взаимодействий сторон исследуемого предмета, от фиксации следствия к выявлению порождающей его причины. В ходе этого движения познания существенным образом меняется представление об основе, она теперь выступает в виде реального основания.

Реальное основание выражает действительную причину, порождающую те или иные моменты содержания обоснованного. Опираясь на них, можно объяснить соответствующие свойства и связи обоснованного. Но все содержание обоснованного, все его стороны и связи вывести из реального основания нельзя, поскольку ряд сторон и связей, свойственных ему, порожден не данной выявленной причиной, а другими причинами. Получается, что обоснованное имеет множество различных и даже прямо противоположных реальных оснований. И это обусловливает то, что каждому конкретному явлению можно дать множество различных определений, которые являются равноценными, поскольку объясняют его извест-

ным образом. Поэтому нельзя отдать предпочтения ни одному из них.

В результате всего этого возникает необходимость объединения множества имеющихся у исследуемого явления реальных оснований и обусловливаемых ими свойств в единое целое, объяснения их из единого принципа, т. е. перехода к новому, более глубокому основанию, которым является так называемое полное основание.

Полное основание составляют основные стороны, отношения исследуемого объекта. Как уже было отмечено, основные стороны, отношения определяют формирование, изменение и взаимосвязь всех других сторон материального образования, поэтому исходя из них мы сможем объяснить все его стороны, выявить взаимосвязь между ними и определить место, роль и значение каждой из них.

Для химического элемента, например, полным основанием будет заряд атомного ядра, ибо, опираясь на него, мы можем объяснить все имеющиеся у него более или менее существенные свойства и связи, в том числе и те, которые являются «реальными основаниями» для других свойств; для электрических явлений таким основанием будет взаимодействие между электронами и протонами, на основе которого объясняются все другие свойства и связи, характерные для электричества; применительно к империалистической стадии капитализма полным основанием является господство монополий в экономической области. Исходя из этого обстоятельства можно объяснить всю специфику империалистической сущности капитализма.

Достигнув основы, выступающей в форме полного основания, познающий субъект, опираясь на нее, начинает объяснять все другие необходимые стороны и связи, составляющие сущность исследуемого объекта, воспроизводить в сознании в системе абстрактных понятий существующую между ними необходимую взаимозависимость.

10. ПРОТИВОРЕЧИЕ

Чтобы вывести из основы все другие необходимые стороны и связи, характеризующие сущность исследуемого объекта, необходимо основу (определяющую сторону, отношение), а вместе с ней и само исследуемое материальное образование рассматривать в возникновении

и развитии. А это предполагает выявление источника развития, движущей силы, обусловливающей переход материального образования с одной стадии развития на другую. Источником же развития является противоречие, единство и «борьба» противоположностей. Так развивающееся познание вплотную подходит к необходимости раскрытия противоречий — противоположных сторон и тенденций, присущих всем вещам и явлениям объективной действительности.

Противоположностями называются стороны, имеющие противоположные направления изменения, а их взаимодействие называется противоречием. Имея противоположные направления изменений и тем самым исключая друг друга, противоположности не расходятся и не уничтожают друг друга, а существуют вместе, в неразрывной связи и взаимозависимости. Ассимиляция и диссимиляция как противоположности в живом организме взаимосвязаны и предполагают друг друга. Органически связанными между собой являются пролетариат и буржуазия в капиталистическом обществе. Буржуазия как определенный общественный класс не может существовать без пролетариата, и наоборот, пролетариат как подавляемый, эксплуатируемый класс исчезает с ликвидацией буржуазии, превращается в рабочий класс социалистического общества, находящийся у власти и осуществляющий руководство крестьянством.

Взаимополагание противоположностей, их неразрывная связь между собой является важнейшей формой проявления их единства.

Другой формой выражения единства противоположностей является известное совпадение их в определенных сторонах, моментах, наличие у них общих свойств. Поскольку противоположности представляют собой стороны одной и той же вещи, характеризуют одну и ту же сущность, они должны иметь много общего, совпадать в целом в ряде свойств. Например, северный и южный полюсы магнита являются сторонами одного и того же физического явления, одной и той же сущности. Производство и потребление как противоположности характеризуют общество, сущность общественной формы движения материи.

Являясь различными сторонами одной и той же вещи, различными характеристиками одной и той же сущности, противоположности не только взаимоисклю-

чают друг друга, но и взаимопроникают друг в друга, выражают не только различие неразрывно связанных между собой сторон, но и их тождество.

Тождество количественных характеристик противоположностей, в частности, выражается в форме равнодействия или равновесия сил. Равнодействие противоположностей появляется на определенной стадии развития противоречия, когда наступает равенство противодействующих сил, тенденций. В качестве примера равнодействия противоположностей можно сослаться на соотношение сил революции и контрреволюции в России в октябре 1905 г. В этот период царизм, по выражению В. И. Ленина, был «*уже не* в силах», а «революция *еще не* в силах победить» [1].

Равнодействие или равновесие сил не означает затухания или ослабления «борьбы» противоположностей. Наоборот, на данной стадии развития противоречия «борьба» противоположностей становится особенно острой[2].

Высшей формой проявления тождества противоположностей является переход их друг в друга. Момент перехода противоположностей друг в друга является кульминационным пунктом развития противоречия. На данной стадии осуществляется разрешение противоречия и превращение вещи из одного качественного состояния в другое. Учитывая особую важность этого момента в развитии противоречия, этой формы проявления тождества противоположностей, В. И. Ленин определял диалектику как учение о тождестве противоположностей, о закономерностях перехода их друг в друга. «*Диалектика*, — писал он, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [3].

Противоречие, являясь взаимодействием противоположностей [4], включает в себя как «борьбу» последних,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 5.
[2] См. там же, стр. 73.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 98.
[4] См. там же.

так и их единство. Однако единство и «борьба» противоположностей в содержании противоречия занимают неодинаковое положение. Ведущую роль играет «борьба». Она абсолютна, как и обусловливаемое ею движение. Что же касается единства противоположностей, то оно относительно.

Абсолютность «борьбы» противоположностей выражается в том, что она (борьба) присутствует на всех стадиях существования вещи и превращения ее в другую вещь. Она имеет место в момент возникновения каждого конкретного единства, которое является результатом «борьбы» определенных противоположных сил, тенденций. Она существует в рамках единства, обусловливая его становление и развитие. Она присутствует и особенно остро проявляется в период его ломки, разрушения и возникновения нового единства. Именно «борьба» противоположностей вызывает ломку старого единства и замену его новым, более соответствующим изменившимся условиям существования.

В отличие от «борьбы» единство противоположностей временно. Возникнув в результате борьбы» определенных противоположностей, оно существует некоторое время, пока противоречие, с которым оно связано, не созреет и не разрешится, затем исчезает, уступая место новому единству. Это новое единство, просуществовав определенное время, вследствие развития «борьбы» свойственных ему противоположностей тоже разрушается и заменяется другим, а это — третьим и так без конца. Единство, таким образом, меняется, а борьба остается. Существуя в рамках каждого из сменяющих друг друга единств, она является также звеном, соединяющим одно единство с другим и обусловливающим историческую преемственность в процессе развития.

Относительность единства, таким образом, выражается во временности его существования, в его преходящем характере. Но наряду с этой формой проявления относительности единства противоположностей существуют и другие формы. Относительность единства также проявляется в неполноте совпадения, в отсутствии полной согласованности в их функционировании и развитии, наконец, в преходящем характере их равнодействия.

Определяя противоречие, мы указываем, что оно представляет собой взаимодействие противоположностей. Говоря так, мы имели в виду сформировавшееся,

зрелое противоречие. Но противоречие не появляется в готовом виде. Оно возникает и первоначально существует в незрелом виде. Всеобщей формой бытия, из которой развивается противоречие, является различие. Различие — это первая, незрелая форма проявления противоречия.

Но нельзя думать, что всякое различие представляет собой противоречие. Различия существуют везде, между всеми материальными образованиями и всеми сторонами одного и того же материального образования. И если каждое различие являлось бы противоречием, то в действительности нельзя было бы выделить никаких других связей и отношений, кроме противоречий. Противоречия представляли бы единственную форму взаимосвязи предметов и их сторон. Между тем, в объективной действительности, наряду с противоречивостью, существуют и другие формы отношений и связей, в частности отношения гармонии, согласованности, соответствия и т. д.

Противоречием является лишь такое различие, которое касается расхождения тенденций или направлений изменения тех или иных взаимодействующих сторон или материальных образований. Другими словами, только те различные стороны образуют противоречие, которые имеют различные тенденции, различные направления изменения и развития. Например, между различными отраслями социалистического производства имеются существенные различия. Однако противоречий между ними может не быть, если в их функционировании и развитии имеется необходимое соответствие. Противоречие появляется лишь тогда, когда вследствие недостаточно четкой работы некоторых плановых и хозяйственных организаций в развитии этих отраслей появляются различные тенденции, известное несоответствие.

Итак, противоречие составляет взаимодействие лишь таких сторон материального образования, которые имеют различные и противоположные тенденции развития, составляют противоположные силы. Имея противоположные или различные тенденции, стороны, составляющие противоречие, воздействуют друг на друга и вызывают друг в друге, а вместе с этим и в вещи, которой они свойственны, соответствующие изменения. Это значит, что само существование противоречия предполагает движение, а при соответствующих условиях и развитие

того материального образования, которому оно свойственно.

Например, взаимодействие таких противоположных сторон общественной жизни, как производство и потребление, неизбежно вызывает изменение каждой из них, а затем и всего общества. Так, потребности людей, воздействуя на производство, изменяют его. Производство, учитывая эти потребности, развивается в соответствующем направлении. Но в ходе развития производства развиваются и сами потребности, на смену одним потребностям появляются новые. Новые потребности ставят перед производством новые задачи. Решая их, производство совершенствуется, развивается дальше, а вместе с этим совершенствуются, изменяются и потребности. Измененные потребности ставят новые задачи перед производством, которое снова изменяется, и т. д. без конца. Так взаимодействие производства и потребления обусловливает постоянное изменение, развитие и производства и потребностей. На определенной стадии развития производства возникает необходимость в изменении производственных отношений, в рамках которых осуществлялось функционирование и развитие производства, в ликвидации одной формы собственности на средства производства и установлении другой. А с изменением производственных отношений происходит перестройка всего общественного организма, а вместе с этим и переход на новую, более высокую стадию развития. Так взаимодействие противоположностей обусловливает изменение и переход в новое качественное состояние материальных образований. Все это наглядно показывает, как противоречие выполняет свою роль источника движения и развития материи.

11. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ. ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Раскрыв противоречия, свойственные основе, познающий субъект прослеживает их развитие и обусловливаемое последним изменение исследуемого объекта и выявляет, что развитие осуществляется через отрицание одних качественных состояний другими, удержание всего положительного из отрицаемых состояний и повторение пройденного на новой, более высокой основе.

Отрицание, связанное с развитием, называется диа-

лектическим. Оно представляет собой объективный процесс уничтожения одного качественного состояния и формирование другого, нового, обусловливается «борьбой» внутренних противоположных сил и тенденций. Важнейшей чертой диалектического отрицания является также то, что оно представляет собой связующее звено между низшим и высшим. Эту функцию оно выполняет благодаря тому, что является не просто уничтожением, разрушением той или иной качественной определенности, но и созиданием нового. Оно представляет собой такое отрицание, в ходе которого уничтожается лишь то, что отжило свой век, что не соответствует новым условиям существования материального образования. Что же касается положительного в нем, оно сохраняется и развивается дальше в новом, формирующемся в процессе отрицания материальном образовании.

Подчеркивая эту особенность диалектического отрицания, В. И. Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»[1].

Например, в процессе отрицания одних живых организмов другими, более совершенными сохраняется и развивается дальше все положительное, достигнутое в их предшествующем историческом развитии. Так, появившиеся у первых живых существ способность самообновления химических составных частей, организованность и определенная согласованность всех химических реакций и т. п. с отрицанием этих организмов другими не исчезли, а получили дальнейшее развитие. Аналогичным образом обстоит дело и с клеточным строением живого организма. Появившись впервые у простейших одноклеточных существ, оно не исчезло с переходом к более сложным организмам, а сохранилось и стало необходимым элементом структуры этих последних. Далее, не уничтожаются в ходе отрицания одной общественно-экономической формации другой созданные предшествующими поколениями производительные силы. Наоборот, будучи основой возникновения нового, более

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

совершенного экономического строя общества, они в рамках новой общественно-экономической формации получают широкий простор для своего дальнейшего развития.

Итак, особенностью диалектического отрицания является то, что оно представляет собой всеобщую форму связи низшего с высшим, осуществляющуюся путем сохранения и дальнейшего развития в возникающем в процессе отрицания новом материальном образовании или качественном состоянии положительного содержания отрицаемого.

В процессе изучения основных законов диалектики, как правило, возникает затруднение в уяснении различия между скачком, диалектическим отрицанием и процессом разрешения противоречия. И это не случайно, ибо понятия «диалектическое отрицание», «скачок» и «разрешение противоречия» касаются одного и того же процесса, именно, процесса превращения одного материального образования в другое материальное образование. Но, касаясь одного и того же процесса, они отражают в нем различные стороны. Понятие разрешения противоречия отражает то, что превращение одной вещи в другую происходит в результате «борьбы» противоположностей, перехода их друг в друга и ликвидации данного противоречивого единства. Понятие скачка выражает ту закономерность, что этот процесс осуществляется путем перехода количественных изменений в качественные, преобразования данного качественного состояния, прерыва его дальнейшего существования. Понятие диалектического отрицания отражает тот факт, что преобразование одной вещи в другую осуществляется через уничтожение того в этой вещи, что не соответствует изменившемуся состоянию и условиям существования, и сохранение и дальнейшее развитие в новом, возникающем на основе отрицания старого, материальном образовании всего положительного, соответствующего новым условиям и тенденциям развития.

В отличие от понятия «разрешение противоречия», которое, фиксируя ликвидацию того или иного противоречивого единства, обращает внимание на конечность бытия, понятие диалектического отрицания, фиксируя уничтожение того или иного материального образования или качественного состояния, обращает внимание на бесконечность бытия. Далее, в отличие от понятия скач-

ка, фиксирующего момент прерывности в существовании того или иного материального образования или качественного состояния, понятие диалектического отрицания фиксирует момент непрерывности бытия, момент связи между отрицаемым и отрицающим, преемственности в развитии.

В ходе диалектического отрицания одних материальных образований или качественных состояний другими наступает такой момент, когда вновь возникающие материальные образования или качественные состояния повторяют ту или иную уже пройденную ступень. Это повторение не полное, а частичное, не по существу, а скорее по форме. Происходит не действительное возвращение назад, а, как выражался В. И. Ленин, якобы возвращение. Вновь возникающее материальное образование или качественное состояние повторяет пройденное на новой, более высокой основе.

Например, установление социалистической общественной собственности в ходе социалистической революции есть повторение того, что было при первобытнообщинном строе. В первобытном обществе господствовала именно общественная собственность. Являясь повторением того, что было в первобытном обществе, социалистическая собственность существенным образом отличается от первобытнообщинной собственности. Это различие вытекает уже из того, что последняя является следствием низкого уровня развития производительных сил общества, исключающего возможность добывать необходимые для жизни людей материальные блага в одиночку. Социалистическая же общественная собственность вызвана к жизни исключительно высоким уровнем развития производительных сил. Она устанавливается тогда, когда производительные силы перерастают рамки всякой формы частной собственности и для своего дальнейшего развития требуют замены ее общественной собственностью.

Повторение пройденного в ходе отрицания одних материальных образований или качественных состояний другими представляет собой не случайное явление, а всеобщую закономерность развития. Оно является необходимым следствием того, что в процессе развития имеет место переход тех или иных сторон, свойств, явлений в свою противоположность. Превратившись в свою противоположность, явление (сторона, свойство) в ходе

дальнейшего развития снова превращается в противоположность и тем самым как бы возвращается в свое первоначальное состояние, повторяет пройденное, но непременно на новой, более высокой основе. Это обусловлено тем, что в возвратившемся в первоначальное состояние явлении (стороне, свойстве) присутствует в снятом виде положительное содержание, приобретенное им в последующем развитии.

На обусловленность повторения пройденного в процессе развития переходом развивающегося явления в свою противоположность указывал Г. В. Плеханов. «Всякое явление, — писал он, — развиваясь до конца, превращается в свою противоположность, но так как новое, противоположное первому, явление тоже в свою очередь превращается в противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой»[1].

Итак, в ходе отрицания одних материальных образований или качественных состояний другими осуществляется повторение пройденного на новой, более высокой основе.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: «Сколько отрицаний необходимо для того, чтобы развивающееся явление повторило пройденную ступень?».

В простейших случаях возвращение назад, повторение исходного качественного состояния осуществляется через два отрицания. Например, через два отрицания достигается повторение первоначального состояния в развитии зерна: зерно отрицается растением, растение — снова зерном.

Однако возвращение назад, повторение пройденного через два отрицания не является единственной формой проявления закона отрицания. Повторение пройденного может осуществляться и через большее число отрицаний. Это обусловливается тем, что превращение развивающегося материального образования (стороны, свойства) в свою противоположность происходит не в каждом отрицании. Часто в ходе отрицания вещь превращается не в свою противоположность, а в свое иное, т. е. в какое-либо другое качественное состояние, отличное от исходного, но не противоположное ему. Превращение же в противоположность осуществляется лишь в конечном счете.

Например, превращение частной собственности в

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 1. М., 1956, стр. 572.

общественную социалистическую собственность, как об этом свидетельствует история человеческого общества, осуществляется через три отрицания: первое — рабовладельческая частная собственность отрицается феодальной частной собственностью; второе — феодальная собственность отрицается буржуазной; третье — буржуазная частная собственность отрицается социалистической общественной собственностью, являющейся противоположностью частной собственности. Через 6 отрицаний осуществляется переход от лития — химического элемента, обладающего ярко выраженными металлическими свойствами, — к фтору — химическому элементу с ярко выраженными неметаллическими свойствами (через отрицание лития бериллием, бериллия — бором, бора — углеродом, углерода — азотом, азота — кислородом и, наконец, кислорода — фтором). А обратный переход к элементу с металлическими свойствами происходит через два отрицания: отрицание фтора неоном, являющимся инертным газом, лишенным и металлических и неметаллических свойств, и неона натрием, который, как и литий, обладает ярко выраженными металлическими свойствами.

Нетрудно заметить, что в рассматриваемом случае повторение пройденного достигается через 8 отрицаний. Но есть случаи, когда аналогичное повторение осуществляется через 18 отрицаний (переход от калия к рубидию), через 32 (переход от цезия к францию).

Итак, число отрицаний, через которое осуществляется повторение пройденного на новой основе в развитии той или иной области действительности, может быть самое различное. Оно зависит от природы развивающегося материального образования и от конкретных условий, в которых происходит развитие.

Специфической чертой закона отрицания отрицания, таким образом, является не двойное отрицание, как думают некоторые авторы, не трехступенчатость развития (исходное состояние — его отрицание — и отрицание отрицания), а повторение пройденного на новой основе, возврат якобы к старому. Именно эту закономерность отметил В. И. Ленин, определяя суть данного закона. Отрицание отрицания, писал он, есть «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе...» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 55.

Но если возвращение назад, повторение пройденного на новой основе является всеобщей закономерностью развития, то развитие не может идти по прямой линии, оно осуществляется по спирали, имеет спиралеобразный характер.

12. ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

С переходом от явления к сущности познание не останавливается, не прекращает свое движение, а проникает все глубже и глубже в суть исследуемых предметов, раскрывает все новые и новые стороны и связи и переходит таким образом от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так без конца. «Мысль человека, — писал В. И. Ленин по этому поводу, — бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»[1].

Проникая все глубже и глубже в сущность предметов и явлений, раскрывая все новые и новые стороны объективной действительности, человеческое познание выявляет все новые и новые всеобщие стороны, все новые и новые связи и отношения, в связи с чем возникает необходимость в формировании и применении новых категорий.

Например, раскрывая сущность исследуемых материальных образований, познание обращалось к прошлому, прослеживало историю возникновения и развития этих материальных образований. Достигнув же сущности и опираясь на нее, познание начинает заглядывать вперед, в будущее и сразу же выявляет новые всеобщие формы связи бытия, новые всеобщие стороны и отношения. В самом деле, воспроизведя сущность тех или иных материальных образований, мы уже можем судить не только о том, что́ из себя представляет та или иная вещь в данное время, в данных отношениях, но и о том, как она поведет себя в другое время, в других отношениях. Больше того, если мы познали, как данная вещь возникла, какие основные стадии она прошла в своем развитии, мы с достоверностью можем предсказать, во что эта вещь превратится, чем она станет в будущем, при других условиях.

Одним словом, если мы познали сущность какого-ли-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

бо материального образования, мы знаем как действительное его состояние, так и возможные, такие, которых еще нет, но которые неизбежно наступят при определенных условиях. Но действительное состояние не тождественно возможному; то, что есть, не тождественно тому, чего еще нет, что будет (наступит) лишь при определенных условиях. Значение первого и второго для практики, для жизни людей далеко не одинаково. Поэтому возникает необходимость разделить, отличить действительное от возможного, выявить особенности того и другого, уяснить диалектику превращения одного в другое, а вместе с этим возникает необходимость и в категориях «возможность» и «действительность».

Проблема возможности и действительности привлекает внимание философов давно, начиная с далекой древности. Определенная попытка ее решения наблюдается, например, уже у Платона, который различал возможное существование и действительное, реальное. Действительным бытием у Платона обладал мир идей, идеальных сущностей, возможным — мир вещей. Пребывая в состоянии возможности, мир вещей, по Платону, не может превратиться в действительность, обрести реальное существование. Реальное бытие и возможное разделены непроходимой гранью. «Что всегда существует, — замечает он, — ...никогда не становится», а «что всегда становится, ...никогда не существует»[1].

В отличие от Платона Аристотель, признавая отдельное, независимое друг от друга самостоятельное существование возможности и действительности, отрицает наличие непроходимой грани между ними. Он считает, что возможное может превращаться в действительное, так же как и действительное в возможность. В качестве чистой возможности у Аристотеля выступает первоматерия, в качестве чистой реальности — форма, сливающаяся в конечном счете с богом, являющимся формой всех форм. В результате соединения формы с материей возникают качественно-определенные вещи, которые обладают возможным и действительным бытием и изменяются в результате перехода одной противоположности (возможности) в другую (действительность). «И сущности, и количества, и различные другие стороны основного бытия, — пишет Аристотель, — бывают даны или в

[1] Платон. Тимей, 27д.

реальном осуществлении, или в возможности, или в той и в другой форме вместе, а изменения во всех этих областях бытия происходят соответственно имеющимся в каждой из них противоположным определениям»[1].

Переход возможности в действительность у Аристотеля происходит не на основе внутренних сил, тенденций, свойственных вещи, а связан с действием внешних факторов, внешней силы — той или иной реально существующей вещи. «Всегда, — заявляет он, — из вещи, существующей в возможности, возникает вещь, существующая в действительности, действием «другой» вещи, «тоже» существующей в действительности»[2].

Опираясь на данное положение Аристотеля, Фома Аквинский обосновывал необходимость существования чистой действительности, которая своим воздействием вызывает превращение той или иной возможности в действительность. В роли такой (чистой) действительности, по его мнению, может выступать только бог. «Все, что есть в мире, — рассуждает он, — переходит из потенции в акт. Но оно не само переводит себя из потенции в акт, ибо того, что есть в потенции, еще нет, а потому оно не может действовать. ...Поэтому, — продолжает он, — необходимо дойти до некоторой вещи, которая только актуальна и никаким образом не потенциальна, а ее мы именуем богом»[3].

Метафизический отрыв возможности от действительности, их абсолютизация неизбежно ведут к идеализму, поиску деятельного начала, способного соединить возможность с действительностью и тем самым создать наблюдаемое в мире многообразие вещей и явлений.

Против разрыва возможности и действительности решительно выступил Джордано Бруно. По его мнению, возможность не может существовать вне действительности, независимо от нее, а находится с ней в органической связи. «...Возможность быть, — пишет он, — дана вместе с бытием в действительности, а не предшествует ему»[4]. Развитие данной мысли мы находим у Гоббса, который, доказывая органическую взаимосвязь возможности и действительности, подчеркнул то, что они имеют одну и ту же природу, касаются одного и того же яв-

[1] Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934, стр. 194.
[2] Там же, стр. 158.
[3] См.: Ю. Боргош. Фома Аквинский. М., 1966, стр. 201.
[4] Д. Бруно. Диалоги. М., Госполитиздат, 1949, стр. 241.

ления. Возможность, или потенция, и действующая причина по существу означают одно и то же, рассматриваемое лишь в различной связи, а именно, о причине говорят, имея в виду действие, которое уже наступило; о возможности же — имея в виду действие, которое еще должно наступить [1].

О диалектической взаимосвязи возможности и действительности, о том, что возможность всех изменений вещи содержится в самой вещи, в ее внутренней природе, говорил и Лейбниц. «В вещь, — писал он, — не может проникнуть извне ничто такое, что потенциально, в возможности уже не находилось бы в ней..., что с ней происходит, происходит лишь потому, что основа происходящего находится в ее недрах, потому что это может произойти так...» [2].

Иную точку зрения развивал Кант. По его мнению, возможность и действительность не свойственны вещам, внешнему миру, а являются характеристиками человеческого разума, его познавательных способностей. «Различие возможных вещей от действительных,— замечает он, — есть такое, которое имеет значение только субъективного различия для человеческого рассудка» [3].

Субъективистский подход Канта к возможности и действительности был подвергнут обстоятельной критике Гегелем, который, развивая дальше мысль Лейбница об органической связи возможности с непосредственной действительностью, показал не только обусловленность первого вторым, но и диалектику превращения одного в другое. «Непосредственная действительность, — писал Гегель, — содержит в себе зародыш чего-то совершенно другого. Сначала это другое есть только возможность, но эта форма затем снимает себя и превращается в действительность. Эта новая действительность, — продолжал он, — ...есть подлинно внутреннее непосредственной действительности, которое пожирает последнюю. Таким образом возникает совершенно новый образ вещей и вместе с тем не возникает ничего другого по сравнению

---

[1] См.: Т. Гоббс. Избранные произведения. В 2-х томах, т. 1. М., 1964, стр. 156.

[2] См.: Л. Фейербах. История философии, т. 2. М., 1967, стр. 341.

[3] И. Кант. Критика способности суждения. СПб, 1898, стр. 294.

с тем, что было раньше, ибо первая действительность лишь полагается соответственно его сущности»[1].

Действительность, по Гегелю, представляет собой единство внутреннего и внешнего, сущности и существования, необходимое в его проявлении (существовании) через случайное.

Угаданные Гегелем закономерности взаимосвязи возможного и действительного были материалистически осмыслены и научно обоснованы в диалектическом материализме. С точки зрения диалектического материализма действительностью является то, что существует реально, возможностью — что может наступить при соответствующих условиях.

Могут сказать: «Если действительность представляет собой то, что существует реально, то ее нельзя отличить от возможности, ибо и возможность тоже существует реально». Возможность действительно существует реально, но лишь как свойство, способность материи при соответствующих условиях превратиться из одной вещи или качественного состояния в другие. В этом своем виде, т. е. как способность превратиться из одного в другое, возможность, являясь моментом действительности, естественно, обладает такой существеннейшей чертой действительности, как реальное существование.

Когда же мы говорим о возможности как о чем-то еще не существующем, не обладающем реальным существованием, мы имеем в виду не способность одного материального образования или состояния превратиться в другое, а эти другие материальные образования, состояния, в которые при соответствующих условиях должно превратиться данное материальное образование или качественное состояние. Они не обладают реальным бытием, их еще нет в действительности, но они могут наступить, проявиться.

Таким образом, под возможностью мы понимаем те материальные образования, свойства, состояния, которых нет в действительности, но которые могут появиться вследствие присущей материи способности переходить из одного состояния в другое.

Возможность, реализуясь, превращается в действительность, поэтому действительность можно определить как осуществившуюся возможность, а возможность — как потенциальную действительность.

---

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 246.

Возможность превращается в действительность не всегда, а лишь при наличии соответствующих условий. Например, превращение возможности социалистической революции в капиталистических странах в действительность может осуществиться лишь при наличии в стране такого положения, когда не только низы не хотят жить по-старому, но и верхи не могут управлять по-старому, когда обостряются выше обычного нужда и бедствия угнетенных классов и повышается их активность и, наконец, когда революционный класс обладает способностью «на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство...» [1].

Условия представляют собой совокупность факторов, необходимых для превращения какой-либо возможности в действительность.

Превращение тех или иных возможностей в действительность не означает уменьшения числа возможностей. Осуществление одних возможностей приводит к возникновению других. Они порождаются новой действительностью. Превращаясь из одного качественного состояния в другое, материя, таким образом, никогда не сможет исчерпать своих возможностей. Ее возможности безграничны.

Как уже отмечалось ранее, всякое материальное образование представляет собой единство множества различных и противоположных сторон и тенденций, каждая из которых обладает способностью превратиться (при соответствующих условиях) в другую и в свою противоположность. В связи с этим любое материальное образование имеет много различных возможностей. Учитывая особенности этих возможностей, их можно разделить на такие виды, как реальные и формальные, абстрактные и конкретные, обратимые и необратимые, сосуществующие и исключающие, возможности сущности и возможности явления.

Реальными называются такие возможности, которые обусловлены необходимыми сторонами и связями, законами функционирования и развития объекта; формальными — возможности, которые обусловлены случайными связями и отношениями.

Примером реальной возможности является возмож-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

ность ведения планового хозяйства в социалистических странах. Она обусловлена таким необходимым для социалистических стран фактором, как господство общественной собственности на средства производства. Примером формальной возможности является возможность рабочего стать капиталистом. Эта возможность не основывается на необходимости, не вытекает из законов функционирования капиталистического способа производства, а обусловлена внешними факторами, случайным стечением обстоятельств. Законы капитализма обусловливают прямо противоположное, именно то, что рабочий в капиталистическом обществе всегда должен оставаться рабочим.

Порождаясь необходимыми сторонами и отношениями действительности, реальные возможности различаются между собой связью с условиями, необходимыми для их осуществления. И в зависимости от того, как они связаны с этими условиями, они делятся на абстрактные и конкретные возможности.

Конкретной возможностью является такая возможность, для осуществления которой могут сложиться соответствующие условия в настоящее время; абстрактной — возможность, для реализации которой в настоящее время нет необходимых условий. Чтобы она осуществилась, обладающему ею материальному образованию необходимо пройти ряд стадий развития.

Наглядным примером конкретной возможности может служить возможность экономических кризисов в условиях зрелого капитализма. Для реализации этой возможности в развитых капиталистических странах могут сложиться и, как свидетельствует об этом практика, складываются соответствующие условия. Будучи конкретной применительно к зрелому состоянию капиталистического общества, рассматриваемая возможность является абстрактной применительно к простому товарному производству. Для превращения этой возможности в действительность в рамках простого товарного производства не было необходимых условий. Чтобы они сложились, простому товарному производству нужно было пройти ряд стадий развития. Оно должно было превратиться в капиталистическое товарное производство, а последнее, в свою очередь, должно было достигнуть определенного уровня развития. Не случайно поэтому первый экономический кризис разразился лишь в 1825 г.

В зависимости от особенностей процесса превращения той или иной возможности в действительность все возможности можно разделить на обратимые и необратимые.

Обратимой называется такая возможность, с осуществлением которой первоначальная действительность превращается в возможность; необратимой — возможность, с осуществлением которой первоначальная действительность становится невозможностью.

Обратимой, например, является возможность механического движения превратиться в теплоту, ибо с ее осуществлением то, что было раньше действительностью (механическое движение), становится возможностью. В самом деле, теплота содержит в себе возможность перехода в механическое движение. Необратимой возможностью будет возможность превращения химической энергии каменного угля в электричество. С ее осуществлением первоначальная действительность превращается в невозможность: электричество не обладает возможностью превратиться в каменный уголь.

Будучи свойственны одному и тому же материальному образованию, различные возможности находятся между собой в определенной взаимосвязи и взаимозависимости. Учитывая характер связи возможностей между собой, их можно разделить на сосуществующие и исключающие.

Существующей (по отношению к какой-либо другой возможности) называется возможность, осуществление которой не приводит к исчезновению другой; исключающей — возможность, осуществление которой вызывает исчезновение другой.

Примером сосуществующей возможности является возможность крестьянина превратиться в кулака по отношению к возможности его превратиться в батрака. Став кулаком-эксплуататором, крестьянин может не выдержать конкуренции, разориться и таким образом превратиться в батрака — наемного рабочего. Возможность же крестьянина вступить в колхоз является исключающей по отношению к возможности превращения в кулака-эксплуататора. С превращением мелкотоварного, частного хозяйства в коллективное, социалистическое, эксплуатация человека человеком становится невозможной.

Осуществление различных возможностей, свойственных материальному образованию, неодинаково сказыва-

ется на его сущности. Реализация одних из них не изменяет сущности, реализация других изменяет, приводит к превращению данного материального образования в другое материальное образование. Возможность, осуществление которой не изменяет сущности вещи, называется возможностью явления; возможность же, осуществление которой связано с изменением сущности вещи, с превращением ее в другую вещь,— возможностью сущности.

Например, возможность добиться повышения заработной платы рабочих той или иной отрасли промышленности в результате борьбы с капиталистами является возможностью явления, ибо ее осуществление не изменяет социальной сущности данных рабочих. Они остаются теми, кем были до этого,— лишенными собственности на средства производства, устраненными от власти, эксплуатируемыми буржуазией людьми. Возможность же социалистической революции в капиталистических странах является возможностью сущности. С ее осуществлением меняется сущность общественного строя — капиталистическое общество превращается в социалистическое общество.

Рассмотренные здесь виды возможностей имеют прямое отношение к практической деятельности людей, их учет позволяет обеспечить более правильное решение той или иной практической задачи, более правильный выбор путей и средств достижения того или иного практического результата.

V. ДВИЖЕНИЕ ПОЗНАНИЯ ОТ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ К ДРУГОЙ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Мы рассмотрели категории в той последовательности, в какой, на наш взгляд, познавались отражаемые ими всеобщие стороны и связи объективной действительности (отношение — взаимодействие — движение и покой — единичное и общее — качество и количество — причина и следствие — необходимое и случайное (параллельно: содержание и форма) — основа и обоснованное — противоречие — отрицание отрицания — сущность — возможность и действительность).

Указанную закономерность движения познания от одной категории к другой можно проследить на развитии научных знаний. Поскольку категории являются необходимыми ступенями (опорными пунктами) развития общественного познания, движение от одной из них к другой неизбежно должно проявиться в любой области знания. Возьмем для примера историю развития познания электрических явлений.

Известно, что в далекой древности был обнаружен янтарь в виде отдельных, самостоятельно существующих предметов. При обработке янтаря, из которого делали украшения, люди обратили внимание на то, что он при натирании приобретает способность притягивать легкие тела. Первое, что было замечено в данном явлении, представляет собой связь способности янтаря притягивать другие тела с трением и связь его с другими телами через притяжение, а вместе с этим и обусловливаемые этими связями (взаимодействиями) изменения, т. е. движение. Все это сначала являлось лишь единичными наблюдениями, касающимися отдельных случаев шлифовки янтаря. Затем, по мере повторения указанного явления, у людей выработалось общее представление о янтаре как веществе, способном при натирании проявлять электрические свойства. Дальнейшее развитие познания электричества шло по линии обнаружения все новых и новых

тел, способных при трении о другие тела проявлять электрические свойства, и формирования, таким образом, все более и более общих представлений об электричестве. Например, в Греции в IV в. до н. э. свойство притягивать легкие тела после натирания было замечено у одного из видов драгоценных камней, так называемого линкуриона. Несколько позже арабы открыли аналогичное свойство у гагата. В конце XVI в. английский ученый Вильям Джильберт обнаружил это свойство у алмаза, сапфира, аметиста, горного хрусталя, серы, смолы и других веществ. Впоследствии было установлено, что способность притягивать другие (более легкие) тела тем или иным веществом после его натирания принадлежит всем телам, не проводящим электричество. Наконец, в начале XVIII в. (в 1729 г.) английский физик Грей открыл эту способность и у тел, проводящих электричество. Он установил, что, если эти тела поместить на изолированную подставку, они могут быть наэлектризованы трением.

В ходе этого движения осуществлялось также выявление качественных и количественных характеристик электрических явлений. В самом деле, обнаружив неизвестное ранее единичное свойство натертого янтаря притягивать легкие тела, люди, естественно, прежде всего стремились понять, что́ собой представляет это явление, т. е. выяснить его качественную сторону. С этой целью они сравнивали его с другими явлениями. Сопоставляя электрические явления с магнитными, Джильберт (1600), например, отметил, что электрическая сила возникает благодаря трению, что она исчезает при соприкосновении с некоторыми телами, притягивает самые различные тела и т. д. Несколько позже Герике (1672) установил, что наряду с электрическим притяжением существует электрическое отталкивание. В 1729 г. Стефан Грей, обобщая ряд проведенных им опытов с электричеством, сделал вывод о том, что все тела делятся на проводники и изоляторы. Спустя некоторое время (1730) Дюфе установил, что электричество качественно неоднородно, что существует два рода электричества. Джон Кантон открыл способность тела, находящегося на изолированной подставке, наэлектризовываться в результате приближения к нему заряженного тела. Джованни Беккариа заметил способность электричества разлагать воду и т. д. Так, выявляя одно за другим свойства элек-

тричества, ученые составляли себе все более и более полное представление о его качестве.

После определенного уяснения качественной стороны электрических явлений внимание исследователей стало переключаться на количественную сторону, на выявление количественных характеристик этих явлений. Решающий шаг в сторону исследования количественной стороны электричества был сделан Кулоном. Используя созданный им прибор для измерения сил электрического воздействия (крутильные весы), он в 1784 г. установил ряд существенных количественных характеристик электричества. Вместе с этим он дал единицу измерения электричества и тем самым способствовал исследованию количественной стороны электричества и ее связи с качественной стороной.

Начиная с XIX в. наблюдается переход к исследованию взаимосвязи качественной и количественной сторон электричества. Так, в 1802 г. русский физик В. В. Петров установил, что электрический ток при достижении определенной силы, проходя через угольные электроды, находящиеся на определенном расстоянии друг от друга, превращается в свет (порождает «вольтову дугу»). В 1826 г. немецкий физик Ом выявил зависимость сопротивления проводника от длины проводника, площади его поперечного сечения и природы вещества, из которого сделан проводник. Несколько позже (1853) немецкий физик Рисс открыл зависимость выделяющегося в проводнике тепла от количества электрического заряда. Русский академик Э. Х. Ленц и английский физик Джоуль установили зависимость количества выделявшегося при прохождении электрического тока по проводнику тепла от сопротивления проводника и времени и т. д.

Итак, история развития знания об электричестве свидетельствует о том, что познание начинает свой путь с выявления связей, взаимодействия и движения отдельных материальных образований и идет от единичного к общему и в то же время от качества к количеству и к их взаимосвязи.

В ходе анализа взаимосвязи качественных и количественных характеристик электрических явлений стали предприниматься попытки установления причинно-следственной зависимости этих явлений, выявления причин, их обусловливающих. Так, в начале XIX в. Вольт объяснил причину появления электрического тока в ре-

зультате соединения различных металлов, разделенных влажной прокладкой; в 1821 г. Араго выявил причину отклонения магнитной стрелки под воздействием проходившего по проводнику электрического тока; в 1831 г. Фарадей объяснил причину отклонения магнитной стрелки в момент вращения медного круга и т. д.

По мере открытия одной за другой причинно-следственных связей, объяснения одного за другим различных свойств, характеризующих электричество, в частности, способности возникать в результате трения, в результате соединения некоторых различных веществ, помещенных в тот или иной раствор (гальванический ток), в результате разности температуры различных металлов, образующих замкнутую цепь, в результате вращения замкнутого проводника в магнитном поле, способности давать искру, превращаться в теплоту, в свет, в механическое движение, создавать магнитное поле и т. д., формировалось понятие о содержании электричества. Вместе с этим шаг за шагом нащупывалась и воспроизводилась в сознании относительно устойчивая система связей, структура этих явлений, с которой были связаны, которой в той или иной степени обусловливались и в которой протекали указанные и другие электрические явления (электрические процессы), т. е. форма.

Выявляемые причинно-следственные связи, касающиеся электрических явлений, представлялись как необходимые, неизбежно наступающие при соответствующих условиях. Как необходимую Араго, например, представил причинно-следственную связь между прохождением по проводнику электрического тока и возникновением вокруг него (проводника) магнитного поля; как необходимая была осознана связь магнитного поля с отклонением магнитной стрелки и т. д. Вслед за осознанием необходимого характера причинно-следственных связей начинают выявляться необходимые связи и отношения, которые не являются причинно-следственными. Так, Ампер в 1821 г., исследуя взаимодействие двух проводников с током, выявил ряд необходимых связей, не являющихся причинно-следственными. В частности, он установил, что: (1) два параллельных проводника, по которым проходит ток в одном и том же направлении, притягиваются; (2) два параллельных проводника, в которых ток имеет противоположные направления, отталкиваются; (3) два непараллельных проводника притягиваются, ес-

ли ток в них идет к месту их пересечения или в обратном направлении, и отталкиваются друг от друга, если в одном из них ток направлен к месту пересечения, а в другом — наоборот. В это же время Био, Савара и Лаплас открыли и такую необходимую сторону магнитного поля, как равенство его силы сумме сил, характерных для малых участков тока, и т. д.

Наиболее важные необходимые связи осмысливаются через категорию закона. Например, зависимость сопротивления проводника от состава проводника, его длины и площади поперечного сечения, выявленная Омом, в физике сформулирована в виде закона. Как законы вошли в физику выявленные в 1847 г. Кирхгофом такие необходимые отношения, как: (1) равенство в замкнутом контуре тока алгебраической сумме произведений величин токов на сопротивления отдельных участков цепи и (2) равенство в каждой данной точке проводника алгебраической суммы токов нулю. Законом была названа открытая Э. Х. Ленцем и Д. Джоулем необходимая зависимость количества тепла, выделяющегося при прохождении электрического тока по проводнику, от сопротивления проводника и времени. В виде закона было представлено установленное Био, Саваром и Лапласом необходимое отношение силы магнитного поля и сил, вызываемых отдельными малыми участками тока, а также силы взаимодействия каждого такого участка с магнитным полюсом и т. д. Рассмотренная здесь закономерность движения познания от одной ступени к другой характерна как для познания объекта в целом, так и для познания отдельных его сторон, отдельных связанных с ним явлений.

Например, не только познание электричества в целом началось со связей, движения и шло от единичного к общему, всеобщему и т. д., вплоть до выявления необходимого и открытия законов. Эти же ступени имели место и в развитии познания отдельных областей электричества, отдельных его свойств и явлений. В частности, они довольно четко различаются в исследованиях гальванического тока, электромагнетизма, термоэлектричества, электромагнитных волн, в открытии электрона, протона и т. п.

Для примера рассмотрим историю познания гальванического тока. Исследование гальванического тока началось с того, что итальянский ученый Гальвани в 1786 г. случайно заметил, что в момент прикосновения концом скальпеля к внутреннему бедренному нерву препариро-

ванной лягушки все мускулы этого сочленения сокращались, т. е. с выявления связи между двумя отдельными предметами, обусловливающей определенное изменение в последних. Данное явление Гальвани сначала воспринял как нечто необычное, ранее неизвестное, единичное. Потом, проводя целый ряд исследований, он выделил некоторые общие моменты указанного явления, в частности тот факт, что сокращение мускул происходило лишь тогда, когда нерва касались каким-либо проводником. Налицо движение познания от единичного к общему. В рамках этого движения имело место и движение от качества к количеству. В самом деле, проводя свои опыты с сокращением мускул лягушки при прикосновении к ее внутреннему бедренному нерву, Гальвани прежде всего ставил своей целью уяснить, что́ собой представляет это явление, т. е. стремился понять его качественную сторону. Рассматривая указанное явление с этой стороны, он, в частности, заключил, что оно представляет собой не что иное, как своеобразный электрический разряд, который получается в тот момент, когда мускулы и нервы соединяются металлическим проводником. Составив себе представление о качестве наблюдаемого явления, Гальвани стал исследовать его количественную сторону. Он брал проводники из различных веществ и, прикасаясь ими к лягушке, заметил, что сила реакции была различна. В частности, он установил, что особенно сильными и энергичными сокращения мускул бывают тогда, когда прикосновение осуществляется проводником, составленным из двух различных металлов, например из железа и меди или из железа и серебра, когда проводник соединялся с землей.

Выяснив некоторые качественные и количественные характеристики гальванического тока, названного им «животным электричеством», Гальвани не смог определить причину его появления. Причину возникновения гальванического тока открыл, спустя некоторое время, Вольт. Он соединил металлической проволокой листочек фольги с серебряной монетой и, прикоснувшись ими к языку, ощутил кисловатый вкус. Ощущение продолжалось до тех пор, пока металлы были соединены между собой проволокой. После этого Вольт соединил между собой медную и цинковую пластинки, разделенные влажной бумагой, и опять заметил появление электрического тока. Электричество наблюдалось и при соединении про-

водником целого ряда других металлов, разделенных влажной прокладкой. Из этих своих опытов Вольт заключил, что источником электричества здесь и в случае прикосновения различными проводниками к препарированной лягушке является не животный организм, как думал Гальвани, а соприкосновение двух различных металлов. Он писал: «Когда соприкасаются два металла, то в месте соприкосновения возникает электродвижущая сила, которая перемещает электричество в пластинках так, что получается известная разность напряжений, зависящих от природы металлов» [1].

Вскоре, однако, было обнаружено, что соединенные проводником различные металлы, изолированные один от другого влажной прокладкой, обусловливают электричество лишь до определенного времени, после чего оно исчезает. Необходимо было объяснить все это. Имеющиеся наблюдения и представления Вольта о причине появления гальванического тока не объясняли данного явления. Нужны были дополнительные исследования, новые данные о процессе возникновения гальванического электричества. Эти данные вскоре были получены. Так, Антони Карлейль и Вильям Никольсон, проводя опыты с вольтовым столбом, установили, что при соединении проводником различных металлов, разделенных прокладкой, смоченной водой, происходит разложение воды на ее составные части: водород и кислород. Заменив прокладку, разделяющую металлы, водой, они заметили, что при замыкании проводника происходит изменение не только воды (она разлагается на водород и кислород), но и металла, который окисляется. Французский физик Готро обратил внимание на то, что при соединении проводом в замкнутую цепь металлических пластинок, извлеченных из действующего вольтова столба (гальванического элемента), появляется электрический ток. Это же явление было замечено и Риттером. Он, в частности, определил, что подобное электричество наблюдается, когда пластинки (полюса) сделаны из золота, серебра, меди и висмута.

Обобщая эти новые наблюдения, Вольт раскрыл причину ослабления и исчезновения электрического напряжения по мере действия так называемого зарядного столба (гальванического элемента). Суть его объяснения данного явления заключается в следующем.

[1] П. Лакур и П. Аппель. Историческая физика. Одесса, 1908, стр. 286.

Во время действия зарядного столба вода, находящаяся во влажных прокладках, разлагается на водород и кислород. Кислород идет к одному полюсу, водород — к другому. По мере накопления кислорода на одном полюсе, водорода — на другом между самими пластинками (полюсами) и жидкостью появляется электродвижущая сила, противоположная по направлению той, которая возникла вследствие соединения различных, разъединенных влажной прокладкой металлов. С возрастанием этой противоположной по направлению электродвижущей силы (названной впоследствии электродвижущей силой поляризации) действие зарядного столба ослабевает, а затем и прекращается полностью. И если теперь ликвидировать зарядный (вольтов) столб и соединить полюса (пластинки) проводом, то в цепи появится ток обратного направления, а водород и кислород, скопившиеся на пластинках (полюсах), будут перемещаться в обратном нанаправлении и при столкновении друг с другом будут образовывать воду. Действие тока в данном случае будет наблюдаться до тех пор, пока кислород и водород не исчезнут с полюсов и не превратятся полностью в воду.

За открытиями Никольсона, Карлейля и Риттера, которые обобщил и объяснил Вольт, последовали новые открытия. В частности, было обнаружено (начало XIX в.), что растворы солей подобно воде разлагаются электрическим током. Причем на отрицательном полюсе выделяется металл, а на положительном полюсе — кислород. Впервые причину данного явления попытался выяснить Гроттгус. Ее исследованию также большое внимание уделили Дэви, Берцелиус и др. Однако решающий шаг в этом деле был сделан Клаузиусом. Согласно его теории, в растворе солей молекулы соли находятся в состоянии хаотичного движения. При взаимном столкновении они распадаются на ионы, которые при встрече снова соединяются в молекулы. Но когда через жидкость проходит ток, ионы начинают двигаться к полюсам: положительно заряженные — к катоду, отрицательно заряженные — к аноду, вследствие чего и собираются на погруженных в жидкость электродах. Точка зрения Клаузиуса получила некоторое дальнейшее развитие у Аррениуса и Оствальда.

По мере выявления отдельных причинно-следственных связей, касающихся гальванического тока, складывалось определенное представление о содержании дан-

ных процессов и о форме их протекания. Вместе с этим происходило отделение необходимого от случайного и формулирование на этой основе отдельных законов. Так, установив необходимую связь выделяющегося на электродах вещества с проходящим через раствор электричеством, Фарадей сформулировал закон, согласно которому масса вещества, выделенного на электроде, пропорциональна количеству электричества, прошедшего через электролит. Далее, заметив необходимое соотношение выделяющихся при прохождении тока через различные электроды веществ, он выразил это в законе, по которому вещества, выделяющиеся за определенный промежуток времени, пропорциональны грамм-эквивалентам этих веществ.

Развитие познания от установления связей и изменений исследуемого объекта через движение от единичного к общему, от качества к количеству и их взаимосвязи, к причинности, содержанию и форме, необходимости и закону здесь, в исследовании гальванического тока, особенно заметно.

Итак, развитие познания объекта в целом и отдельных его сторон начинается с выявления связи, движения и идет от единичного к общему, от качества к количеству, затем к причинности, необходимости и закону.

Что касается дальнейшего движения познания, восхождения его на новую, более высокую, следующую за познанием необходимости и законов ступень, то оно не может осуществиться применительно к познанию отдельных сторон исследуемого объекта, отдельных, связанных с ним явлений, а возможно только применительно к предмету как целому, как совокупности свойственных ему сторон и связей. Это обусловливается тем, что дальнейший этап движения познания связан с воспроизведением в сознании в системе понятий всех сторон и законов исследуемого целого в их необходимых соотношениях, в их естественной взаимозависимости. Воспроизведение всех необходимых сторон и законов исследуемого целого в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости представляет собой познание сущности.

Примером данного этапа движения познания может служить период развития познания электрических явлений, начинающийся с открытия электрона и протона. С открытием электрона — носителя отрицательного электрического заряда, а затем и протона, имеющего положи-

тельный заряд, атом стал рассматриваться как материальное образование, состоящее из определенного равного количества электронов и протонов. Заряженность атома теперь объяснялась тем, что в нем в силу тех или иных причин число электронов не соответствовало числу протонов. Если электронов было меньше, чем протонов, атом считался положительно заряженным, если же в нем электронов было больше, чем протонов, он считался заряженным отрицательно. Электризация тел в свете этих воззрений представляла собой не что иное, как создание в них недостатка или излишка электронов путем передачи их другим телам или заимствования у последних. Это объясняло, почему появление определенного электрического заряда на одном теле неизбежно влечет за собой появление такого же количества противоположного заряда на другом теле. Исходя из взаимодействия между электронами и протонами легко объяснялось и распределение заряда между заряженным и незаряженным телами при их соприкосновении, исчезновение заряда при соединении между собой заряженных разноименными зарядами тел, электрическая индукция и т. д. Открытие электрона как составной части атома любого вещества позволило также понять, почему одни тела являются проводником электричества, другие не являются. Это явление оказалось связанным со строением электронной оболочки атомов. Исходя из электронного строения вещества стала понятна суть и таких электрических явлений, как гальванический ток, термоэлектричество, электромагнитная индукция и т. д.

Так электрон оказался основой — основным, решающим звеном, исходя из которого можно объяснить всю массу электрических явлений, представить их как единое взаимосвязанное целое, как единую цепь проявлений так называемой электронной природы вещества. На этой стадии своего развития познание достигло знания сущности электричества, знания электрических свойств (явлений) в их внутренней необходимой взаимосвязи и взаимозависимости.

Анализ категорий с точки зрения развития познания можно было бы продолжить, но сделать это нам не позволяют рамки данной работы. Вместе с этим уже рассмотренных фактов достаточно, чтобы убедиться в том, что категории необходимо связаны с определенными стадиями процесса познания и являются его ступенями.

VI. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Рассматривая категории как узловые пункты, ступени познания, мы, по сути дела, касались теории данного вопроса, но он, как и всякий другой научный вопрос, имеет свою историю. Категории в истории философии выступали и исследовались не все сразу и не в одно время, а в определенном порядке, который в целом и основном должен соответствовать последовательности их формирования и применения в процессе познания. Другими словами, теория соотношения категорий как ступеней познания должна быть выводом из истории их познания, должна выражать определенные закономерности развития философской мысли.

В связи с этим мы должны рассмотреть, насколько соответствует представленная нами последовательность движения познания от одной категории к другой той последовательности, в которой соответствующие категории выступали и разрабатывались в истории философии.

Как известно, впервые данный вопрос был поставлен Гегелем. У него последовательность категорий в логике в основном соответствует разработке их в истории философии. Но поскольку Гегель, руководствуясь своими идеалистическими принципами, рассматривал категории не как ступени познания человеком объективной действительности, а как моменты развития чистой мысли, духа, он в решении данной проблемы обрек себя на отступление от действительности, на искажение действительной истории философии.

Вместо того, чтобы при разработке системы категорий в «Логике» учитывать логику развития философской мысли, он историю философии стал подгонять под заранее разработанную, надуманную схему. И там, где история не соответствовала этой схеме, он или объявлял ее (историю) недействительной, или делал произвольные перестановки и тем самым создавал видимость определенного соответствия.

Например, в связи с тем, что воззрения первых древнегреческих философов — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена — не соответствовали исходной, начальной категории «Логики» — чистому бытию, Гегель игнорировал их и объявил началом философии учение элеатов, в частности Парменида, который уделял большое внимание проблеме чистого бытия. «Начало ее (философии. — *А.Ш.*), — пишет Гегель, — мы находим в элеатской философии, главным образом у Парменида, который понимает абсолютное как бытие и говорит: «лишь бытие есть, а небытия нет» [1].

По этой же причине он не относит к философии «в подлинном смысле этого слова» [2] и пифагорейскую философию, в которой подверглась тщательному исследованию категория количества, появляющаяся у Гегеля гораздо позже, чем категория чистого бытия. Заявляя, что пифагорово учение является как бы переходным мостом от неистинной философии (философии ионийцев) к философии в «настоящем смысле этого слова» (философии элейцев) [3], он тем не менее при рассмотрении категорий количества вынужден был отметить, что она (эта категория) связана прежде всего с именем Пифагора. Вместе с этим некоторые категории качества, предшествующие категории количества, Гегель связывает с такими философами, как Демокрит и Лейбниц, которые жили значительно позже Пифагора. Все это наглядно свидетельствует о том, что выдвинутая Гегелем схема движения познания от одной категории к другой не отражает действительного положения вещей.

Так выглядит у Гегеля решение проблемы совпадения расположения категорий в «Логике» с последовательностью их разработки в истории философии. Гегель нащупал эту проблему, поставил ее, но дать последовательно научного решения ее ему не удалось.

В. И. Ленин весьма положительно отнесся к постановке этой проблемы Гегелем, он считал, что она позволяет выявить новую сторону всей «Логики». Касаясь ее в «Философских тетрадях», он заметил: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в свя-

---

[1] Гегель. Соч., т. V. М., 1937, стр. 75.
[2] Гегель Соч., т. I, стр. 148.
[3] Гегель. Соч., т. I, стр. 181.

зи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логики»[1].

В дальнейшем, ставя задачу исследования категорий как ступеней познания, В. И. Ленин учитывал данную сторону дела. Не случайно, определяя пути решения этой задачи, он указал на необходимость обобщения не только истории науки и техники, но и истории философии. Он писал: «Двоякого рода примеры должны бы пояснять это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии. Точнее: не „примеры„ тут должны быть — comparaison n'est pas raison (сравнение не есть доказательство. — *А. Ш.*), — а *квинтэссенция* той и другой истории + + истории техники»[2].

Итак, как же обстоит дело с взаимосвязью категорий с точки зрения истории философии?

Известно, что в воззрениях первых философов решающую роль играло отдельное, единичное чувственно-конкретное бытие. В его рамках и на его основе строились все учения о внешнем мире, все объяснения происходящих в нем явлений. Отдельные виды чувственно-конкретного бытия выступали и в качестве первоначала всего существующего и в качестве его проявлений. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует история возникновения и развития древнегреческой философии.

В самом деле, родоначальник древнегреческой философии Фалес, а вместе с ним и все представители милетской школы, стремясь понять мир в целом, объяснить происходящие в нем явления, в качестве исходного начала брали отдельное, то или иное тело, чувственно-конкретное вещество (воду, воздух и т. п.). Оно выступало у них в роли единой природы всего существующего. Все существующее объявлялось этим видоизмененным веществом, его различными проявлениями.

Отдельное, выступая здесь в роли единого, отрицает, по сути дела, существование множества, поскольку рассматривается как единственно существующее. Все это в учении ионийцев содержалось пока лишь в зародыше, в зачатке. Но то, что у ионийцев лишь намечалось, получило дальнейшее развитие у элеатов. Последние открыто объявили о том, что все многообразие наблюдаемых вещей и явлений есть мираж, простая видимость. В дей-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 104.
[2] Там же, стр. 143.

ствительности же существует лишь «единое», которое однородно, неизменно, неподвижно, занимает все пространство.

В философии Эмпедокла как бы восстанавливается множество, но уже на новой основе. Эмпедокл в качестве единой природы всех вещей выдвигает не одно какое-либо отдельное, чувственно-конкретное тело, как это было у ионийцев, а четыре (воду, землю, воздух и огонь). Но выставляя в качестве «единого» начала несколько веществ, Эмпедокл, по сути дела, подрывал саму основу единого, оно начинает выступать уже как многое.

Эта тенденция особенно четко проявилась в учении Анаксагора, а затем и Демокрита. Анаксагор число «начал», или «элементов», определяющих единую природу вещей, довел до бесконечности. То же делает и Демокрит, выдвигая в качестве таких начал бесконечное множество атомов. Таким образом, единое превращается в свою противоположность — множество. Единством становится множество.

Дальнейшей стадией развития философской мысли является восстановление исчезнувшего единства при сохранении множества. Попытка решения этой проблемы наблюдается уже в философии Платона. Платон восстанавливает единство и в то же время сохраняет множество. В роли единства у него, с одной стороны, выступает сократовское «высшее благо», с другой — бесформенная материя, очень сходная с «единым» элеатов, поскольку она качественно не дифференцирована, существует в виде сплошной однообразной массы и не принимает никаких индивидуальных форм [1]. Множество же у него составляет бесчисленное количество качественно своеобразных идей [2].

Хотя в учении Платона единство и множество не исключают друг друга, но связаны они между собой еще механически. Единство, например, у него может существовать вне множества, наряду с ним и рядом с ним. Разрыв единства и множества, наблюдаемый у Платона, более или менее успешно преодолевается Аристотелем. По Аристотелю, единство не существует самостоятельно, вне

---

[1] См.: Платон. Тимей. В сб.: «Античная философия». М., 1940, стр. 102—103.

[2] См.: Платон. Государство. В сб.: «Античная философия», стр. 97—101.

отдельных вещей и явлений, а в них самих, в виде их общей материи или сущности (второй сущности) [1]. Оно становится здесь единством, тождеством многого, т. е. тем, что повторяется у многих предметов, явлений, что присуще всем им. Превращаясь в общее, присущее множеству отдельных единичных вещей, единство как бы отходит на второй план, становится второй сущностью, роль же первой сущности, первого бытия, определяющего и обусловливающего все остальное, сохраняется за отдельным, единичным чувственно-конкретным бытием.

Показывая, что в роли сущности (первой) может выступать только отдельное — отдельные единичные предметы, вещи, Аристотель пишет: «Мы применяем название сущностей к животным, растениям и их частям, а также к естественным телам, например, к огню, воде и земле и ко всяким разновидностям их; кроме того — к составным частям названных тел или к тому, что (само) состоит из этих тел, — из их частей или из всей совокупности их, — какова, например, наша вселенная и ее части, звезды, луна и солнце» [2].

Рассматривая отдельное (отдельные единичные предметы) в качестве первой сущности, Аристотель считает, что только оно имеет самостоятельное существование, все же остальное является его моментами, сторонами, определениями. Оно, замечает Аристотель, представляет собой то, что не сказывается о субстрате, но о чем сказывается все остальное [3]. Будучи сущностью, оно, отдельное, по Аристотелю, является первым и в действительности и в познании. «Сущность, — пишет он, — есть первое со всех точек зрения, — и по понятию, и по знанию, и по времени. Из других определений ни одно не может существовать отдельно; только она одна (способна на это)» [4].

Итак, мы видим, что древнегреческая философия начинает свое развитие с рассмотрения отдельного, единичного чувственно-конкретного бытия, которое играет в ней определяющую роль, и идет к выявлению общего.

В рамках движения от отдельного к общему через переходы от одного к множеству и затем к единству в

---

[1] См.: Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934, стр. 142.
[2] Аристотель. Метафизика, VII, 2, 1028в, 9.
[3] См. там же, VII, 3, 1028в, 36.
[4] Там же, VII, I, 1028а, 113.

древнегреческой философии осуществлялось исследование категорий «отношение» (взаимосвязь) и «изменение» (движение). У первых древнегреческих философов изменчивость и взаимосвязь выступают в роли исходных принципов, опираясь на которые они пытались объяснить все наблюдаемые в окружающей действительности явления. В самом деле, беря в качестве первоначала то или иное конкретное вещество, они доказывают, что все наблюдаемые в мире формы бытия появились вследствие определенных изменений этого вещества (первоначала), что, будучи различными состояниями одной и той же природы, они органически связаны между собой, переходят друг в друга и в исходное начало.

Выдвигая в качестве первоначала так называемый апейрон (некое беспредельное вещество), Анаксимандр, например, говорит: «Беспредельное есть начало сущего. Ибо из него все рождается и в него все разрешается» [1]. Из него «выделились небеса и вообще все миры, число которых бесконечно», «все они погибают по истечении весьма значительного времени после своего возникновения, причем с бесконечных времен происходит круговращение их всех» [2].

Очевидно, что всеобщность движения и взаимосвязи здесь, у Анаксимандра, выступает в роли исходного принципа его учения о внешнем мире. Аналогичное имеет место и у Фалеса, рассматривающего в качестве первоначала воду, и у Анаксимена, считавшего первоначалом воздух.

По поводу воззрений Анаксимена Симплиций, например, утверждает, что у него первооснова вещей (воздух) вследствие свойственных ей изменений бывает то одним веществом, то другим, «разрежаясь, она становится огнем; сгущаясь же, она становится ветром, затем облаком, сгущается еще больше, делается водой, затем землей, потом камнем, все же прочее возникает из этих веществ» и что «он... признает вечным движение, вследствие которого происходит изменение вещей» [3].

Итак, первые древнегреческие философы признавали всеобщность движения и взаимосвязи явлений действи-

---

[1] «Античные философы», стр. 13.
[2] Там же, стр. 12.
[3] Там же, стр. 16.

тельности и исходили из нее при разработке своих воззрений на мир.

Подчеркивая, что с взаимосвязью и движением явлений действительности мы сталкиваемся на первоначальной стадии познания и что эти всеобщие формы бытия осмысливаются в первых философских воззрениях на мир, Ф. Энгельс писал: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом...» [1].

Исследуя категории «предмет» (отдельное), «отношение» (связь), «движение», древнегреческие философы неизбежно вынуждены были анализировать понятия «пространство» и «время». К понятию пространства древние философы обращались в связи с обоснованием реальности существования вещей и их движения. В представлении древних реально существующие вещи должны иметь определенное реальное место, в котором они могли бы находиться и перемещаться. Таким реально существующим местом они и считали пространство.

Достаточно четкое указание на пространство, как на реальность, существующую независимо от вещей и являющуюся местом для существования последних, мы находим у пифагорейца Архита Тарентского и Демокрита. «Место, — говорит Архит, — есть первое из бытия, нечто отличное от тел и независимое от них. Его особенность в том, что все вещи находятся в нем, но само оно не находится ни в чем. Оно независимо от тел, но тела зависимы от него» [2]. Являясь необходимым условием существования вещей, пространство у Архита выступает в роли препятствия, ограничивающего движение вещей. Оно, по его мнению, «мешает объемам тел возрастать и убывать беспредельно» [3].

Иное наблюдается у Демокрита. У него пространство

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 20.

[2] А. В. Васильев. Пространство, время и движение. Берлин, изд-во «Аргонавты», 1922, стр. 9.

[3] См. там же.

(пустота) выступает не только в роли необходимого условия существования отдельных вещей (поскольку составляет место их бытия и разделяет их), но и в роли необходимого условия движения последних, их возникновения и исчезновения (поскольку лишь благодаря реальному существованию пустоты атомы могут перемещаться и встречаться друг с другом, образовывать конкретные вещи и, расходясь в разные стороны, разрушать их).

Показывая в учении Демокрита связь признания реального существования пустоты (пространства) с обоснованием движения, Аристотель писал: «Наиболее методически обо всем учили, давая одно и то же учение, Левкипп и Демокрит, а именно, они приняли начало соответственно природе, какова она в действительности есть. Дело в том, что некоторые из древних полагали, будто бытие по необходимости едино и неподвижно. Ибо пустота не существует, движение же невозможно, если нет отдельно существующей пустоты, и с другой стороны, нет многого, если нет того, что разделяет... Левкипп же полагал, что он обладает учениями, которые, будучи согласны с чувственным восприятием, не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности сущего. Согласившись в этом с показаниями чувственных явлений, а с философами, принимавшими единое, — в том, что не может быть движения без пустоты, он говорит, что пустота — небытие и что небытие существует нисколько не менее, чем бытие. Ибо сущее в собственном смысле — абсолютно полное бытие. Таковое же не едино, но таковых сущих бесконечно много по числу, и они невидимы вследствие малости своих объемов. Они носятся в пустоте, [ибо пустота существует], и, соединяясь между собой, они производят возникновение, расторгаясь же, — гибель» [1].

Особенно заметна связь понятия пространства с понятиями реального существования вещей и движения в изложении атомистического учения Лукрецием. «Если..., — пишет он, — пространства иль места, что мы пустотой называем, не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться и не могли б никуда и двигаться также различно...» [2].

---

[1] «Материалисты Древней Греции». М., Госполитиздат, 1955, стр. 56.

[2] «Античные философы», стр. 282.

Формирование философского понятия пространства завершается в философии Аристотеля, который впервые оперирует этим понятием как категорией. Соглашаясь с предшествующими философами в том, что пространство представляет собой самостоятельную, чуждую «всему внедряющемуся в него и меняющемуся» [1], т. е. независимую от существующих в ней вещей реальность, Аристотель, в отличие от них, не считает его пустотой. Оно у него попеременно занимается то одной, то другой вещью и не пропадает, когда существующие в нем вещи погибнут [2]. Объявив всякое пространство заполненным теми или иными вещами, Аристотель неизбежно приходил к утверждению того, что пространством следует считать не только само место, но и границу, отделяющую одно тело от другого, т. е. их определенное соотношение, и тем самым он связывал категорию пространства с категорией «отношение».

Что касается понятия времени, то оно тоже окончательно оформилось в категорию только у Аристотеля. Категория времени у Аристотеля является производной от категории движения. По Аристотелю, время есть «не что иное, как число движения» [3]. Показывая органическую взаимосвязь и взаимозависимость этих двух понятий и отражаемых ими всеобщих форм бытия материи, он писал: «...мы не только измеряем движение временем, но и время движением, вследствие их взаимного определения, ибо время определяет движение, будучи его числом, а движение — время» [4]. Вместе с этим Аристотель был склонен считать, что в отличие от движения, которое в зависимости от условий меняет свои формы, время везде одинаково, течет равномерно, однообразно [5]. Представляя время как характеристику движения, как длительность последнего, Аристотель в то же время рассматривает его как особое отношение, именно — соотношение настоящего («теперь») с прошедшим и будущим. Время, говорит Аристотель, измеряя движение, «разграничивает предыдущее и последующее движение» [6].

---

[1] Аристотель. Физика. М., 1937, IV; 1, 108 в.
[2] См. там же, стр. 95.
[3] Там же.
[4] Там же, IV, 12, 220 в.
[5] См. там же, IV, 10, 218 в.
[6] Там же, IV, 11, 220 в.

Итак, история возникновения и развития философской мысли в Древней Греции свидетельствует о том, что первыми категориями, с которыми имели дело философы, которые они исследовали и из которых исходили в разработке своих воззрений на мир, являются: «отдельное» (конкретное бытие, вещь), «отношение» (связь вещей), «движение», «пространство» и «время». «Отдельное», конкретное бытие (вещь) выступало здесь в качестве исходной, определяющей категории. Оно выражало и первоначало, из которого выводилось и к которому сводилось все существующее (у ионийцев, Гераклита, Эмпедокла и др.), и сущность, определениями которой являлись все другие формы бытия (у Аристотеля). Движение и отношение рассматривались как всеобщие характеристики отдельных конкретных форм бытия (вещей); пространство — как условие существования и движения вещей и их особый вид отношения;

время как характеристика движения и определенное соотношение его моментов и моментов покоя. Формирование рассмотренных категорий осуществлялось в период, начинающийся с первых древнегреческих философов (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена) и продолжающийся до Аристотеля.

В этот же период в древнегреческой философии имело место исследование и таких категорий, как «количество» и «качество». Анализируя наблюдаемое многообразие явлений, а также ту или иную «стихию», принятую за первоначало, первые древнегреческие философы подходили к ним пока лишь со стороны качества, старались понять их качественную природу. В отличие от этих первых древнегреческих философов (Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра), пифагорейцы главное свое внимание сосредоточили на количественной стороне предметов, в результате чего подвергли тщательному исследованию категорию количества. В учениях Эмпедокла и Анаксагора количество и качество исследуются уже со стороны их взаимосвязи. Согласно Эмпедоклу, например, качество каждой вещи зависит от той пропорции, в которой соединены в ней четыре элемента, или «корня» (вода, земля, воздух и огонь). С увеличением количества того или иного элемента вещь меняет свое качество. Аналогичную точку зрения проводил и Анаксагор. У него качество вещи тоже является необходимым следствием количественных соотношений элементов, ее образующих.

Каждая вещь, согласно его учению, отличается от других вещей и кажется тем, чего в ней больше[1]. Эмпедокл и Анаксагор, таким образом, вплотную подходят к пониманию меры. К тому, что сказано Эмпедоклом и Анаксагором по вопросу взаимосвязи качества и количества, не смогли ничего добавить ни Платон, ни Аристотель.

Итак, в процессе развития мысли от отдельного (конкретного бытия, вещи) к общему и в то же время к взаимосвязи и движению, а затем пространству и времени в древнегреческой философии имело место движение от качества к количеству и к их взаимосвязи.

Проследим в общих чертах дальнейшее развитие философской мысли.

Как мы уже отметили, Аристотелем завершился период движения от единичного к общему. Но, завершая один этап движения познания, Аристотель в то же время начал другой. Он подверг тщательному анализу такие категории, как «причинность» и «форма». Средневековая философия ничего не добавила к тому, что сделал Аристотель в разработке данных категорий. Больше того, она не внесла ничего нового даже в разработку категорий единичного и общего, хотя последние все время были в центре ее внимания.

Но вот на смену средневековью с его пренебрежительным отношением к изучению природы, с его безраздельным господством бесплодной схоластики пришла эпоха Возрождения. С возникновением и развитием новых, капиталистических производственных отношений, дающих простор развитию производительных сил, активизировалось производство, возникла и стала развиваться промышленность, торговля. Для успешного развития производства необходимы были конкретные знания причин, необходимых сторон и связей явлений внешнего мира. В связи с этим в философии выдвинулась на первый план проблема исследования категорий причинности, формы, закона, начатого еще Аристотелем. Особенно много внимания категории причинности уделяется в учении Бэкона.

В отличие от Аристотеля, по мнению которого производящая причина находилась вне материи, Бэкон считал, что причины вещей заключены в тех элементах (природах), из которых образуется вещь, т. е. не вне, а в самой материи[2]. Понимая, что открытие и объясне-

[1] См.: «Античные философы», стр. 67.

[2] См.: Ф. Бэкон. Новый Органон. М., 1938, стр. 105.

ние причин наблюдаемых в мире явлений «служат основанием как знанию, так и деятельности» [1], Бэкон исключительно большое внимание уделил исследованию способов познания причинно-следственных связей, в частности, им разработаны такие приемы познания причин, как «метод сходства», «метод остатка» и «метод сопутствующих изменений».

Осуществляя исследование причинности, Бэкон нащупал связь ее с категориями формы и закона (необходимости). По его мнению, причинами отдельных природ (явлений, свойств) выступают формы, которые представляют собой не что иное, как законы. «Форма какой-либо природы такова, — пишет по данному поводу Бэкон, — что когда она установлена, то и данная природа неизменно за ней следует» [2]. И далее: «Говоря о формах, — замечает он, — мы разумеем только законы... В самом деле, сказать форма теплоты, форма света, или сказать закон теплоты, закон света для нас одно и то же» [3].

В вопросе понимания формы Бэкон по сравнению с Аристотелем сделал значительный шаг вперед. Аристотель, как известно, отрывая форму от материи, признавал существование неопределенной (бесформенной) материи и чистой нематериальной формы, в частности, формы всех форм — бога. Согласно же учению Бэкона, форма неотделима от материальной вещи, существует в ней, определяет ее природу, является законом, которому эта вещь подчиняется [4].

Все это свидетельствует о том, что именно учение Бэкона является той стадией в истории философии, которая соответствует ступени познания, связанной с выявлением причинно-следственных связей и формированием понятий о форме и законе (необходимости).

Но Бэконом не завершается эта стадия. Дальнейшее развитие учения о причинности и связи ее с необходимостью мы находим у Спинозы. Спиноза подчеркнул всеобщий, универсальный характер причинно-следственной связи и, отождествляя ее с необходимостью, пришел к отрицанию объективного существования случайности

---

[1] Ф. Бэкон. Новый Органон. М., 1938, стр. 108.
[2] Там же, стр. 104.
[3] Ф. Бэкон. Соч., т. II, стр. 152.
[4] См. там же.

и утверждению того, что все в мире одинаково необходимо [1], что существующие в объективной действительности «вещи не могли быть произведены... никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем произведены» [2]. Вместе с этим он поставил вопрос о первопричине, основе наблюдаемых в мире явлений, о том, «каким образом вещи начали существовать и в какого рода зависимости они находятся от первопричины» [3], и увидел ее в субстанции, которая, будучи причиной самой себя, является основой всего существующего.

Таким образом, продолжая начатое Бэконом исследование причинности и необходимости, Спиноза делает шаг к новой ступеньке, новому узловому пункту развития познания — к категориям основы и обоснованного. Выдвинув в качестве основы всего существующего субстанцию и объявив ее вечной, бесконечной, неизменной, Спиноза не смог, исходя из нее, объяснить возникновение и изменение конечных в пространстве и времени вещей и явлений.

Первую попытку решений данной проблемы — выведения из основы обоснованного — предпринял в ранний период своей философской деятельности Кант. Согласно гипотезе Канта, возникновение и гибель отдельных миров, вещей и явлений происходит в результате свойственных материи противоположных тенденций (сил) — притяжения и отталкивания. Этим самым Кант пробил первую брешь в метафизическом взгляде на мир и окончательно устранил вопрос о «творце» и «первом толчке», обычно вставший при объяснении возникновения и изменения внешнего мира и происходящих в нем явлений [4].

Сделав шаг вперед в исследовании взаимосвязи основы и обоснованного, заключающийся в выявлении противоречивой природы основы и объяснении из нее обоснованного (возникновения и изменения отдельных вещей и явлений), Кант также уделил большое внимание проблеме закона, необходимости, формы, поставленной и определенным образом решенной Бэконом и Спинозой.

---

[1] См.: Б. Спиноза. Принципы философии Декарта. Л., 1926, стр. 86.

[2] Б. Спиноза. Этика. М.—Л., 1932, стр. 26.

[3] Б. Спиноза. Переписка. М, 1932, стр. 64.

[4] См: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 349—351.

В отличие от Бэкона, считавшего закон и необходимость особой формой материальных вещей и процессов, Кант объявил их чистыми формами сознания — рассудочной деятельности и тем самым в решении данного вопроса пошел не вперед, а назад. Вместе с этим, в отличие от Спинозы, который отрицал случайность, Кант признал ее существование, хотя и лишил ее связи с необходимостью. Это было некоторым движением вперед в разработке категорий необходимого и случайного.

Период исследования категорий необходимого и случайного, закона, содержания и формы длился вплоть до Гегеля, который в ходе диалектического анализа этих категорий четко отграничил их друг от друга, раскрыл их противоречивое единство, показал их взаимосвязь и взаимопереходы и тем самым как бы завершил этот этап движения философской мысли. Но это не главное для гегелевской философии. С Гегелем связано исследование закономерностей движения познания к сущности.

Развивая дальше мысль Спинозы о том, что субстанция является причиной самой себя и всего существующего, и учение Канта о противоречивой природе первопричины, Гегель показал, как субстанция (основа) развертывает свое содержание и порождает все многообразие форм бытия. В качестве субстанции — основы и первопричины всего существующего — у Гегеля выступает «абсолютная идея», которая благодаря присущей ей от природы противоречивости в ходе диалектического отрицания одних форм бытия другими формирует, а вместе с этим и обосновывает свою сущность. Показывая процесс движения познания к сущности, Гегель переосмыслил и поставил в строго необходимую связь и зависимость все другие категории диалектики.

На материалистической и последовательно научной основе закономерности формирования и познания сущности применительно к капиталистической формации открыл и проследил Маркс. В качестве основы, определяющего начала Маркс взял материальное явление — товар (товарное отношение), раскрыл свойственные ему противоречия и, прослеживая их развитие и обусловленное им отрицание одних качественных состояний другими, воспроизвел в сознании в системе абстрактных понятий сущность капиталистической формации.

Такова в общих чертах тенденция движения познания от одной категории к другой, наблюдаемая в истории философии. Она не расходится с выдвинутой нами выше схемой.

Итак, соотношение категорий, отражая движение познания от низших стадий к высшим, соответствует последовательности появления и разработки их в истории философии, т. е. выражает определенные закономерности развития философской мысли. Требуемое диалектическим методом единство исторического и логического, истории и теории здесь особенно заметно.

VII. РАЗВИТИЕ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДВИЖЕНИЯ ПОЗНАНИЯ ОТ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ К ДРУГОЙ

Проблема изменения форм мышления в процессе развития познания неизвестна метафизическому материализму и формальной логике. В формальной логике формы мышления рассматриваются не в движении, не в развитии, а в статике, как неизменные, одна рядом с другой, в результате чего разрабатываемые классификации не отражают исторического процесса возникновения и развития форм мышления, не выясняют необходимой взаимосвязи и взаимозависимости между ними. Такую классификацию форм мышления мы находим у основоположника формальной логики Аристотеля, у Канта и других философов.

Впервые формы мышления попытался представить в развитии Гегель. Исходным пунктом в движении форм мышления у Гегеля является понятие, хотя в действительности оно не представляет собой исходного пункта. Исторически ему предшествует целый ряд других, более простых форм мышления, развитие которых подготавливает почву для его возникновения. Понятие является результатом развития и взаимосвязи таких форм мышления, как суждение, умозаключение. Именно на основе их возникают, формируются понятия. Формируясь, понятие отрицает их и включает в себя в снятом виде, в качестве необходимых моментов своего содержания.

У Гегеля же, наоборот, развитие понятия, выявление им в ходе этого процесса определенных моментов своего содержания обусловливает появление суждений, а затем и умозаключений. Суждение у него есть обособление и сопоставление между собой таких моментов понятия, как единичное, особенное и всеобщее. Оно сохраняет за собой эту функцию и тогда, когда касается не самого понятия, а предмета, вещи. Применительно к предмету оно представляет собой изображение предмета в различных моментах понятия. Оно (суждение) содержит

предмет в определении единичности и в определении всеобщности, а также простое бессодержательное отношение предиката и субъекта — «есть», т. е. связку [1]. В суждении, говорит Гегель, предмет хотят видеть двояким образом: во-первых, в его единичной действительности [2] и, во-вторых, в его понятии. Поэтому он (предмет) здесь (в суждении) представляется или как единичное, возведенное в свою всеобщность, или, что то же самое, как всеобщее, сделанное единичным, перешедшее в свою действительность [3]. И если это так, рассуждает Гегель, то суждение должно представлять собой истину, ибо оно выражает в себе соответствие (или согласие) понятия и реальности.

Но данное соответствие понятия реальности в суждении достигается, по Гегелю, лишь на самой высшей стадии его (суждения) развития. В начале же оно схватывает лишь непосредственное, лишь то, что лежит на поверхности предметов, и поэтому оно является суждением наличного бытия.

Этот вид суждения у Гегеля сначала выступает как положительное суждение, которое можно выразить следующим образом: «... единичное есть всеобщее» [4]. Здесь в качестве субъекта выступает непосредственно сущее или единичное, в качестве предиката — всеобщее.

Но единичное не есть всеобщее, ибо предикат имеет более широкий объем, чем субъект, и поэтому не соответствует ему. С другой стороны, всеобщее не есть единичное, так как в качестве всеобщего (субъекта) здесь выступает единичный предмет, обладающий бесчисленным множеством качеств, свойств, в предикате же утверждается лишь одно свойство субъекта, поэтому предикат не может быть тождествен субъекту. Оба суждения подвергаются отрицанию. Возникает отрицательное суждение: «Единичное не есть всеобщее» или «Всеобщее не есть единичное».

«Единичное не есть всеобщее» означает то, указывает Гегель, что оно (единичное) не есть абстрактно всеобщее, а определенное всеобщее, т. е. особенное, так же как и «Всеобщее не есть единичное» означает лишь то, что предикат всеобщего субъекта является не только

[1] См.: Гегель. Введение в философию, стр. 125.
[2] См.: Гегель. Соч., т. VI. М., 1939, стр. 66.
[3] См. там же.
[4] Там же, стр. 68.

свойством данного субъекта, но свойством и других субъектов, т. е. особенным. Возникают суждения: «Единичное есть некоторое особенное»; «Всеобщее есть некоторое особенное». Но единичное вместе с тем и не есть особенное, ибо особенное имеет более широкий объем, чем единичность. Стало быть, единичное есть только единичное (роза не есть какое-либо цветное, т. е. особенное, а имеет лишь определенный цвет, являющийся цветом розы, т. е. единичное). Здесь отрицается определенность предиката, и субъект возвращается в самого себя, единичность выступает уже не как неопределенное определенное, а как определенное определенное.

Точно так же обстоит дело и со вторым суждением: «Всеобщее есть особенное». При отрицании определенности в предикате он (предикат) расширяется до бесконечности, и данное суждение превращается в суждение: «Всеобщее есть всеобщее», через которое всеобщее возвращается в себя. При отрицании всякой определенности отрицательное суждение превращается в бесконечное суждение, например, «Роза не есть слон», «Рассудок не есть стол».

С возвращением определений суждения в себя суждение наличного бытия снимается и переходит в суждение рефлексии[1]. В суждении рефлексии в роли субъекта выступает единичное как таковое, т. е. возвращенное в себя через развитие суждения наличного бытия; равным образом в роли предиката выступает не абстрактная всеобщность или единичное свойство, а такое всеобщее, которое синтезировало себя воедино путем соотнесения себя с различными определениями, которое представляет собой своего рода самособирание воедино многообразных свойств и существований. В суждении рефлексии единичность вступает в наличное бытие через свою всеобщность, которая, проходя сквозь многообразие явлений, сохраняет себя. Поэтому предикат здесь на всем протяжении развития суждения не меняется, изменения касаются лишь субъекта.

Суждение рефлексии у Гегеля сначала выступает в форме сингулярного суждения, которое, на первый взгляд, напоминает положительное суждение наличного бытия — «Единичное есть всеобщее». Но данное суждение, в отличие от суждения наличного бытия, фиксирует

[1] См.: Гегель. Соч., т. VI, стр. 56—81.

связь единичного не с абстрактно всеобщим, а с существенно всеобщим, поэтому его можно выразить так: «Это есть некоторое существенным образом всеобщее»[1]. Поскольку субъект здесь определен как некое всеобщее, он поднимается над своей единичностью, выходит за пределы себя. «Если мы говорим, — приводит пример Гегель, — это растение целебно, то такое суждение подразумевает, что не только это единичное растение целебно, а что многие растения целебны, и это дает частное суждение (некоторые растения целебны, некоторые люди изобретательны и т. д.)»[2].

Единичное суждение превращается в частное, или партикулярное, суждение. Но частное суждение столь же положительно, сколь и отрицательно. Если некоторые растения целебны, то напрашивается другое суждение: «Некоторые растения не являются целебными». Такая неопределенность приводит к дальнейшему движению, возникает необходимость перехода к третьей форме рефлексивных суждений, т. е. к суждению, касающемуся совокупности всех данных предметов («Все люди смертны», «Все металлы электропроводны»), именно к универсальному суждению, к суждению всякости.

В этом суждении субъекту присуща всеобщность, но она пока еще ему присуща внешним образом, ибо она представляет собой не что иное, как «суммирование существующих особо единичных»[4] предметов. Однако на самом деле всеобщность представляет собой корень, основу, субстанцию единичного, поэтому она выступает как род, благодаря которому единственно только и возможно существование единичных предметов, составляющих данную совокупность.

Говоря о родовой всеобщности, к которой в своем развитии приходит суждение рефлексии, Гегель предупреждает о невозможности смещения ее с внешней, абстрактной всеобщностью. Внешнее, абстрактно всеобщее несущественно, оно может исчезнуть, измениться, не нарушая существования и сущности единичных предметов, которым она присуща. Другое дело всеобщность, лежащая в основе единичных предметов, составляющая их субстанцию; она не может исчезнуть, не уничтожая

[1] Гегель. Соч., т. VI, стр. 83.
[2] Гегель. Соч., т. I, стр. 282.
[3] См. там же, стр. 283.
[4] Гегель. Соч., т. VI, стр. 86.

единичных предметов, она, проникая в них, включает их в себя.

Небезынтересно привести высказывание Гегеля. «Всеобщее, — пишет он, — есть основание и почва, корень и субстанция единичного. Когда мы, например, рассматриваем Кая, Тита, Семпрония и остальных жителей города или страны, то обстоятельство, что все они люди, есть не нечто только общее им всем, а их всеобщее, род, и всех этих единичностей вовсе и не было бы без этого рода. Иначе обстоит дело с ... поверхностной, лишь так называемой всеобщностью, которая на самом деле есть только принадлежащее всем единичным, то, что им всем обще. Было замечено, что люди, в отличие от животных, имеют между собою то общее, что они снабжены ушной мочкой. Ясно, однако, что если бы даже тот или другой человек не обладал ушными мочками, то этим ничуть не затрагивалось бы все прочее его бытие, не затрагивались бы его характер, его способности и т. д. Было бы, напротив, бессмысленно предположить, что Кай мог бы и не быть человеком и все же быть храбрым, ученым и т. д. Отдельный человек, в частности, есть то, что он представляет собою лишь постольку, поскольку он прежде всего есть человек как таковой, поскольку он есть во всеобщем, и это всеобщее есть не только нечто, находящееся вне и наряду с другими абстрактными качествами или лишь рефлективными определениями, а, наоборот, представляет собою то, что проникает собою и заключает внутри себя все особенное» [1].

При всей своей четкости различения существенной всеобщности от абстрактной, внешней всеобщности Гегель, однако, не смог сколько-нибудь удовлетворительно показать переход от одной к другой, от внешнего к внутреннему. Имея внешнюю, эмпирическую всеобщность, субъект его универсального суждения ни с того, ни с сего вдруг обнаруживает в себе сущую всеобщность и выступает как род. А превратившись в родовое всеобщее, он оказывается равным своему предикату; субъект и предикат оказываются тождественными и соотносятся теперь друг с другом через внутреннюю природу. Это соотношение есть соотношение необходимости [2]. Оно составляет уже основу нового суждения — суждения необ-

---

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 283.

[2] См.: Гегель. Соч., т. VI, стр. 89.

ходимости. Всеобщность здесь в своем развитии достигла ступени объективной, или субстанциональной, всеобщности и выступает, с одной стороны, как имманентная себе определенность, как род, с другой стороны, как отличная от себя особенность — как вид.

Первой формой, через которую выступает суждение необходимости, является категорическое суждение. Предикат этого суждения выражает собой субстанцию, субъектом его является тот или иной предмет, обладающий в качестве своей основы указанной субстанцией. Если на вещи посмотреть с точки зрения этого суждения, то каждая из них окажется категорическим суждением, ибо все «они обладают своей субстанциональной природой, которая образует их прочную и непреходящую основу»[1]. Примером такого суждения могут служить следующие суждения: «Золото есть металл», «Кай есть человек» и т. д.

Но категорическое суждение само по себе еще недостаточно, так как в нем не уделяется должного внимания моменту особенности. Например, в суждении «Золото есть металл» предикат (всеобщее) совершенно равнодушно относится к субъекту (особенному), ибо серебро, железо, медь суть также металлы и точно в таком же отношении находятся с «металлом, как таковым». Род здесь (в данном суждении) равнодушен к своим видам. «Поэтому получается дальнейшее движение, переход от категорического к гипотетическому суждению»[2], в котором определенность содержания суждения опосредствуется: если есть A, то есть и B, если есть род, то есть и вид. Данное отношение — типичное отношение причины и следствия. Поэтому переход от категорического суждения к гипотетическому у Гегеля соответствует переходу от субстанционального отношения к отношению причинности. Через гипотетическое суждение «всеобщее полагается в своем обособлении», благодаря чему гипотетическое суждение переходит в суждение разделительное. «A есть или B, или C, или D»; «поэтическое произведение искусства или этично, или лирично, или драматично»[3].

В разделительном суждении в роли субъекта высту-

---

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 285.
[2] Там же.
[3] Гегель. Соч., т. VI, стр. 94.

пает всеобщее — род, предикат же составляет особенность в ее развитии, содержащую в себе «не только всю всеобщую сферу субъекта, но и ее различение на особенности, ее обособление»[1], т. е. особенность видов. Субъект и предикат в разделительном суждении оказываются тождественными: «Род есть целостность своих видов и целостность видов есть род». Налицо единство всеобщего и особенного. Единство же всеобщего и особенного представляет собой понятие. Так возникает следующая форма суждения — суждение понятия. «Простое суждение необходимости... возвело себя, — пишет Гегель, — в суждение понятия»[2].

В суждении понятия фиксируется соотношение наличного сущего (единичного предмета) с его понятием, соответствие первого последнему.

Первое суждение понятия является ассерторическим. В нем содержится лишь уверение в том, что субъект соотносится с понятием, но само понятие в нем еще не выражено. Поэтому такое суждение имеет сначала лишь характер субъективной уверенности (этот поступок плох; эти слова истинны)[3]. Такому уверению ассерторического суждения противостоит с таким же правом противоположное уверение. Если уверяют, например, что «Это действие хорошо», то вполне правомерным будет также и прямо противоположное уверение — «Это действие дурно». В этом суждении субъект, будучи непосредственно единичным, еще не имеет в себе той определенности, которая содержала бы его соотношение с всеобщим понятием, для него как соответствие понятию, так и несоответствие ему здесь еще пока является случайным. Поэтому суждение по существу проблематично[4].

Так ассерторическое суждение переходит в проблематическое, сущность которого заключается в том, что оно утверждает лишь возможность соответствия или несоответствия наличного бытия понятию[5]. Субъект данного суждения, будучи наличным бытием, содержит в себе, однако, основание соответствия или несоответствия своему понятию. Субъект как бы дифференцируется на свою всеобщность, или объективную природу (на свое

[1] Гегель. Соч., т. VI, стр. 98.
[2] Там же.
[3] См.: Гегель. Введение в философию, стр. 131.
[4] См.: Гегель. Соч., т. VI, стр. 101.
[5] См.: Гегель. Введение в философию, стр. 131.

долженствование), и на особенный характер наличного бытия. Проблематичность же, положенная таким образом, т. е. как вещь вместе с ее характером, уже не есть проблематическое суждение; оно превращается в аподектическое суждение.

В аподектическом суждении («Дом, устроенный так-то и так-то, хорош»; «Поступок, носящий такой-то и такой-то характер, справедлив») субъект содержит в себе, с одной стороны, всеобщее — то, чем он должен быть, с другой стороны, свой характер. А характер-то как раз и является тем, что определяет, обладает или не обладает субъект некоторым предикатом суждения понятия, соответствует или не соответствует он своему понятию. Таким образом, здесь субъект и предикат соответствуют друг другу и имеют одно и то же содержание, которое выступает как конкретная всеобщность, ибо оно содержит в себе как объективное всеобщее (род), так и единичное [1], т. е. особенную определенность вещи.

Всеобщее, которое имеет место в субъекте, само по себе не соотнесено с предикатом; основой такого соотнесения является особенная определенность, характер субъекта. Таким образом, характер субъекта, его особенная определенность выступает в роли связи, соотносящей субъект с его предикатом, в связи с чем ранее абстрактная связка «есть» превращается в определенную наполненную связку, в основание суждения. Данная «наполненная связка» является своего рода средним термином, некоторым особенным, пронизывающим содержание как субъекта, так и предиката. Через нее суждение превращается в умозаключение.

Но прежде чем переходить к умозаключению, подведем итог выдвинутой Гегелем схемы развития суждения от одних своих форм к другим.

Свою классификацию суждений Гегель всецело построил на взаимосвязи единичного и общего, на учете взаимопереходов единичного в общее и обратно, а также движения от внешнего, абстрактного всеобщего к объективному всеобщему, к понятию. В суждении наличного бытия схватывается пока лишь внешняя связь абстрактного единичного с абстрактным всеобщим. В результате развития этого суждения единичное и всеобщее через посредствующее звено особенного возвраща-

[1] См.: Гегель. Соч., т. VI, стр. 103.

ются каждое в себя и впервые представляются как определенные, а не абстрактные. В суждении рефлексии это возвратившееся в себя всеобщее выступает в качестве неизменного предиката. В субъекте же совершается движение от единичного к всеобщему, сначала к внешнему всеобщему, а затем и к внутреннему, объективному всеобщему, к роду. В результате развития суждения рефлексии в предикате и субъекте выступает одно и то же всеобщее, именно — объективное, родовое всеобщее. В дальнейшем развитии суждений, в частности в развитии суждения необходимости, всеобщее развертывает себя и выкладывает все свое богатство особенного. Таким образом осуществляется движение от всеобщего к особенному, завершающееся достижением единства всеобщего и особенного. С этого момента суждение вступает в сферу понятия и продолжает развиваться. В процессе этого развития, с одной стороны, единичное поднимается до всеобщего через особенное, с другой — всеобщее (тоже через особенное) снисходит до единичного, или, как выражается Гегель, оединичивается. В результате всего этого выявляется истинная природа единичного предмета, его соответствие некоторому понятию и достигается тем самым истинное знание.

Таким образом, несмотря на невероятную искусственность в построении своей классификации суждений, Гегелю удалось выразить общую закономерность движения познания человеком окружающего мира. И его попытка определить соответствующее место и роль каждого суждения в этом процессе познания истины имеет под собой весьма объективную основу.

Перейдем к умозаключению. Как мы уже указали, умозаключение вырастает из аподектического суждения: «В аподектическом суждении мы имеем некое единичное, которое через свои отличительные состояния соотносится со своим всеобщим, т. е. со своим понятием. Особенное является здесь как опосредованная средина между единичным и всеобщим, и это есть основная форма умозаключения» [1].

Умозаключение, по Гегелю, есть полное изображение понятия. Оно есть круговорот опосредования всех его моментов, совершающийся как в процессе перехода всеобщей природы через особенность к единичности, так и

[1] Гегель. Соч., т. I, стр. 288.

в процессе возведения единичности в тождественное ей самой состояние, путем поднятия ее через особенное до всеобщего. Умозаключение у Гегеля, так же как и суждение, совершает определенное движение, развитие. Причем, в низших своих формах оно охватывает лишь внешние взаимосвязи единичного, особенного и всеобщего, в высших же — внутренние, существенные, необходимые.

Первой формой умозаключения у Гегеля является умозаключение наличного бытия, или качественное умозаключение. Его форма выглядит таким образом: *Е—О—В*. Некий субъект, как единичное, смыкается с неким всеобщим определением посредством некоего качества (особенного)[1]. «Единичное подчинено особенному, а последнее всеобщему; поэтому и единичное тоже подчинено всеобщему. Или, иначе говоря, единичному присуще особенное, особенному же всеобщее; поэтому последнее присуще также и единичному»[2].

В данном умозаключении единичное, особенное и всеобщее противостоят друг другу совершенно абстрактно, связь между ними поверхностная, случайная, так как средний термин является здесь лишь абстрактной особенностью, определенностью субъекта, который, будучи непосредственным, эмпирически конкретным предметом, обладает несколькими такими определенностями; субъект, следовательно, может быть смыкаем, как выражается Гегель, также с некоторыми другими всеобщностями, точно так же единичная особенность может, в свою очередь, обладать внутри себя различными определенностями, и с этой стороны, следовательно, субъект тоже может быть отнесен к различным всеобщностям посредством одного и того же среднего термина[3].

Такое умозаключение Гегель считает недостаточным, ибо оно покоится на произвольном выборе того или иного среднего термина. Поэтому, как бы прекрасно оно ни протекало, всегда остается возможность отыскания такого среднего термина, из которого можно столь же правильно вывести нечто прямо противоположное. Недостаточность этого умозаключения Гегель видит также и в том, что в нем обоснованным является лишь заключение, поскольку оно выводится из посылок, сами же по-

[1] См.: Гегель. Соч., т. I, стр. 290.
[2] Гегель. Соч., т. VI, стр. 111.
[3] См.: Гегель. Соч., т. I, стр. 292.

сылки не обоснованы, и, чтобы их обосновать, надо привести еще два умозаключения, в каждом из которых, в свою очередь, появятся по две необоснованные посылки; чтобы обосновать их, нужно составить уже четыре умозаключения, и т. д. до бесконечности.

Чтобы снять эту бесконечность, Гегель проводит обоснование посылок внутри самого же умозаключения путем использования каждого термина умозаключения, т. е. и всеобщность и единичность, в качестве среднего термина, в результате чего все посылки оказываются обоснованными. В зависимости от того, что́ занимает место среднего термина, Гегель различает три фигуры умозаключения наличного бытия: 1) *Е—О—В*; 2) *О—Е—В*; 3) *Е—В—О*. В первой фигуре место среднего термина занимает особенное, во второй — единичное, в третьей — всеобщее. В результате того, что каждый из указанных моментов понятия (единичное, особенное, всеобщее) оказался связующим звеном, соединяющим два других момента, он потерял уже свою односторонность, абстрактность. Теперь уже средний термин представляет из себя не абстрактную особенность, а развитое единство единичности и всеобщности. А это уже есть не умозаключение наличного бытия, а умозаключение рефлексии.

Умозаключения рефлексии Гегель делит на 3 группы: умозаключение всякости, индуктивное умозаключение, умозаключение по аналогии.

В умозаключении всякости средний термин уже не является абстрактной определенностью, он конкретен, поэтому он связывает с субъектом не любой предикат, как это имело место в умозаключении наличного бытия, а такой, который присущ субъекту как конкретному. Примером умозаключения всякости может служить такое умозаключение: «Все люди смертны, Кай человек, следовательно, Кай смертен». Данное умозаключение, имея преимущество перед умозаключением наличного бытия, обладает, однако, существенным недостатком. В нем в заключении утверждается лишь то, что уже предполагается в большей посылке, ибо истинность большей посылки непосредственно зависит от истинности заключения. В самом деле, суждение «Все люди смертны» будет истинным лишь тогда, когда истинно суждение «Кай смертен». «Если бы Кай случайно не был смертен, — пишет Гегель по этому вопросу, — то большая

посылка была бы неправильна. Предположение, долженствующее служить заключением, должно быть правильным уже непосредственно, само по себе, ибо в противном случае большая посылка не могла бы охватить собой всех единичных; прежде чем большая посылка может быть признана правильной, приходится предварительно решить вопрос, не служит ли само это заключение возражением против нее» [1].

Обнаруживается, таким образом, что данное умозаключение покоится на субъективной единичности, которая и выступает здесь в качестве среднего термина; эта единичность лишь внешним образом обладает всеобщностью, всеобщность ее является всеобщностью всякости. Но это есть уже умозаключение индукции.

В умозаключении индукции в качестве среднего термина выступает единичность, но уже не абстрактная единичность, как это было во второй фигуре умозаключения наличного бытия, а единичность во всей полноте, как «все единичное». В качестве примера умозаключения индукции Гегель приводит следующее умозаключение: «Золото есть металл, серебро есть металл, свинец есть металл, и т. д. Все эти тела суть проводники электричества. Значит, все металлы являются проводниками электричества» [2]. Связующим здесь является единичность как совокупность всех единичных предметов. Но единичные предметы все никогда не могут быть перечислены, поэтому данное умозаключение основывается больше на вероятности, чем на достоверности. Этот недостаток индукции приводит к умозаключению по аналогии.

В умозаключении по аналогии из того факта, что вещи известного рода обладают известным свойством, делается вывод, что и другие вещи этого рода также обладают этим свойством. «Когда, например, мы говорим, — пишет Гегель, — до сих пор мы у всех планет находили данный закон движения; следовательно, и вновь открытая планета также, вероятно, движется по тому же закону, то это — умозаключение по аналогии» [3]. В умозаключении по аналогии, в отличие от умозаключения индукции, где средний термин составляют бесчисленное

---

[1] Гегель. Соч., т. VI, стр. 136.
[2] Там же, стр. 298.
[3] Там же, стр. 138.

множество единичностей, средним термином является существенная всеобщность. На первый взгляд, будто и здесь в средний термин входит единичность, но это только кажимость: заключение о том, что вещь, обладая одним свойством, общим с другой вещью, обладает и другим, на том основании, что первая вещь обладает им, делается потому, что эти две вещи имеют общую природу; таким образом, связующим звеном здесь выступает не единичность и не особенность, присущая той или иной вещи, а всеобщность. Но это может быть только тогда, когда мы с достоверностью знаем, что второе свойство, заключение о котором мы делаем, обусловлено всеобщей природой, а не особенностью или единичностью. Необходимо поэтому снять непосредственность среднего термина, его единичность в угоду всеобщности.

После этого умозаключение рефлексии переходит в умозаключение необходимости. В этом умозаключении в качестве среднего термина выступает очищенная от единичности всеобщность, в себе и для себя сущая всеобщность — род. Сначала умозаключение необходимости выступает в форме категорического умозаключения, в котором «некоторый субъект смыкается с некоторым предикатом через свою субстанцию»[1]. Схема категорического умозаключения совпадает с первой фигурой умозаключения наличного бытия *Е—О—В*. Но так как в роли среднего термина здесь выступает существенная природа единичного, его объективная всеобщность — род, «а не какая-нибудь из его определенностей или свойств, и равным образом крайний термин всеобщности есть не какое-либо абстрактное всеобщее (которое опять-таки представляет собой лишь некоторое отдельное качество), а всеобщая определенность, специфическое в различии рода, то отпадает та случайность, которая состоит в том, что субъект сомкнут с каким-либо качеством лишь через посредство какого-либо среднего термина»[2]. Здесь, указывает Гегель, одна и та же сущность проходит через все три термина, и единичность, особенность, всеобщность являются лишь ее формальными моментами.

В данном умозаключении единичное подчинено своему роду как среднему термину. Но этому же роду

---

[1] Гегель. Соч., т. VI, стр. 146.
[2] Там же.

подчинено много других единичных предметов. Поэтому подчинение именно данного единичного определенному роду выглядит весьма случайным. Кроме того, субъект (единичное) имеет в своем содержании такие элементы, которые не содержатся в среднем термине как во всеобщей природе, в этом смысле он (субъект) выступает по отношению к своему всеобщему как нечто безразличное. По той же самой причине является до некоторой степени безразличным и случайно связанным со средним термином и второй крайний термин. Моменты случайности и безразличия отсеиваются в гипотетическом умозаключении, которое содержит в себе лишь необходимое соотношение. «Если есть *А*, то есть *В*; *А* есть, следовательно, есть *В*».

В гипотетическом умозаключении всеобщее порождает или выявляет одну из своих особенностей. Если есть род, есть и определенный вид. Но всеобщее имеет не только данную особенность — вид, оно есть единство многих особенностей — видов. Развертывание всего этого множества особенностей протекает в разделительном умозаключении. «*А* есть или *В*, или *С*, или *Д*, но *А* не есть ни *С*, ни *Д*; следовательно, оно есть *В*»[1] или «*А* есть или *В*, или *С*, или *Д*; но *А* есть *В*; следовательно, *А* не есть ни *С*, ни *Д*». Здесь *А*, будучи субъектом, присутствует не только в обеих посылках, но и в заключении. В первой посылке оно выступает как всеобщее, разложенное в предикате на свои особенности — виды, во второй посылке — как определенное или как определенный вид, в заключении оно уже выступает как исключающая, единичная опосредствованность или же в меньшей посылке выступает как единичное, а в заключении — как определенное и особенное.

В этом умозаключении всеобщее через свое особенное соединяется со своим единичным. Крайние термины снимаются, поскольку они не обладают больше своим самостоятельным содержанием, отличным от содержания среднего термина. В результате всего этого понятие реализуется и приобретает такую реальность, которая есть объективность. «Умозаключение, — пишет Гегель, — есть опосредствование, полное понятие в своей положенности. Его движение есть снятие этого опосредования,

---

[1] Куно Фишер. История новой философии, т. VIII. М.—Л., Соцэкгиз, 1933, стр. 417.

в котором ничего не есть само по себе, а каждое определение имеет бытие лишь через посредство некоторого другого. Поэтому как результат получается некоторая непосредственность, происшедшая через снятие опосредования, некоторое бытие, которое вместе с тем тождественно с опосредованием и есть понятие, создавшее само себя из своего инобытия и в своем инобытии. Это бытие есть поэтому некоторая вещь, сущая в себе и для себя, — объективность» [1].

Различные виды умозаключений Гегель распределил в той последовательности, в какой они появлялись в процессе движения понятия от внешней, случайной взаимосвязи его моментов (всеобщего, особенного, единичного), какой она выступает в умозаключении наличного бытия, к существенности, необходимости этой связи, которую она приобретает в результате развития умозаключения рефлексии, и от этого к тождеству, непосредственному единству этих моментов, закрепляющемуся в непосредственной объективности понятия, в превращении его в вещь. Вместе с тем в процессе этого движения осуществляется переход абстрактных моментов единичного, особенного, всеобщего в конкретные, существенные моменты. Что касается самого движения, то оно совершается благодаря тому, что в роли среднего термина выступал попеременно то один, то другой указанные моменты, т. е. единичное, особенное, всеобщее.

В этих своих схемах Гегелю удалось схватить некоторую действительно существующую закономерность познания человеком объективного мира. Оно действительно идет от познания, схватывания внешнего, абстрактных взаимосвязей единичного, особенного и всеобщего в вещах к познанию, улавливанию и более или менее правильному изображению их внутренней природы, их существенной стороны, от внешнего, поверхностного общего к существенному, необходимому — к закону.

Уловив смутно эту закономерность познания, Гегель, однако, весьма искусственно распределил различные виды умозаключений. В историческом познании человеком явлений окружающего мира указанные умозаключения появлялись в иной последовательности, чем они представлены у Гегеля. Например, прежде чем умозаключать от общего к особенному и единичному (пусть

[1] Гегель. Соч., т. VI, стр. 155

даже от поверхностного, абстрактного общего), необходимо было сначала выработать общие представления, вычленить общее из отдельного, т. е. необходимо было сначала производить умозаключения от единичного к особенному и от него к всеобщему. Поэтому первым видом умозаключений никак не может быть то умозаключение, которое Гегель представляет под умозаключением наличного бытия. Им скорее всего должно быть индуктивное умозаключение. Умозаключение же через индукцию отнесено Гегелем ко второй форме второй группы умозаключений, т. е. к умозаключению рефлексии.

Далее, условное и разделительное умозаключения играли прежде всего огромную роль (и появились, видимо, только в связи с этим) на стадии движения познания от поверхностного общего к существенному общему, от внешнего к внутреннему, от следствия к его причине, т. е. в момент выработки представлений о видах, об их сущности, в момент выработки общих понятий. У Гегеля же они появляются для того, чтобы развернуть общее, родовое понятие на его особенности, на его виды. Разумеется, для этой цели указанные умозаключения используются, но это, во-первых, позднейший этап их использования, во-вторых, это не составляет их основной функции. В истории познания им отведено совершенно иное место, они выполняли иную роль.

Итак, хотя Гегель и угадал ряд глубоких закономерностей перехода одних форм мышления в другие, но в силу идеалистических исходных принципов он не смог воспроизвести их действительного движения и развития.

Развитие форм мышления неизбежно связано с развитием познания, с переходом его с одних стадий, ступеней развития на другие. С переходом познания на новые, более высокие стадии, ступени выявляются новые стороны объективной действительности, новые связи и отношения, которые требуют соответствующих средств выражения и фиксации. Все это неизбежно приводит к изменению, совершенствованию старых и появлению новых форм мышления, новых видов суждений, умозаключений и понятий.

Как же развивались формы мышления?

Простейшей формой мышления является суждение, поэтому развитие форм мышления целесообразно прежде всего проследить на суждении.

Мы уже говорили, что познание окружающего мира начинается с восприятия отдельного как единичного, с выявления тех или иных единичных, ранее не встречавшихся свойств. Данное знание выражается и фиксируется в единичных суждениях типа: «Отдельное есть единичное». Например, исследуя Советский Союз, мы обнаруживаем у него ряд не встречающихся нам ранее свойств, которые фиксируем в суждениях: «В Советском Союзе осуществляется развернутое строительство коммунизма»; «В Советском Союзе существует общественная собственность на основные средства производства» и т. д. Другой пример: еще в далекой древности, натирая янтарь шерстью или шерстяной тканью, люди заметили у него необычное свойство — способность притягивать к себе другие тела. Подобного свойства они не наблюдали у других тел. Это свое знание люди выразили в суждении рассматриваемого типа, т. е. «Отдельное есть единичное», «Янтарь, будучи натертым, проявляет магнитные свойства».

Все эти суждения сначала выступают как неопределенные единичные суждения, так как мы не знаем, принадлежат ли свойства, фиксируемые в этих суждениях, другим материальным образованиям или не принадлежат. Дальнейшее развитие процесса познания может привести к выявлению того, что эти свойства не принадлежат другим предметам данной группы. В этом случае неопределенное единичное суждение становится суждением определенным и выражается в следующей форме: «Из всех предметов данной группы только этот предмет обладает данным, ранее неизвестным свойством»; «Из всех S только данное S есть P»; «Из всех европейских стран только в Советском Союзе осуществляется развернутое строительство коммунизма»; «Из всех исследуемых предметов только янтарь, будучи натертым, проявляет магнитные свойства».

Но по мере расширения круга исследуемых предметов, по мере того, как мы узнаем о том, что свойство, выраженное в определенном единичном суждении, не принадлежит не только предметам данной группы, но и предметам других групп, определенное единичное суждение развивается в выделяющее единичное суждение: «Только это отдельное и только оно обладает данным, ранее неизвестным свойством»; «Только данное S и только оно есть P»; «Только в Советском Союзе осу-

ществляется развернутое строительство коммунизма».

Если же в ходе исследования других предметов данной группы обнаружится, что свойство, которое мы встретили у ранее исследованного предмета и которое выразили в неопределенном единичном суждении, принадлежит и другим исследуемым предметам данной группы, то единичное неопределенное суждение превращается в единичное суждение типа: «Отдельное есть общее»; «В Советском Союзе (но не только здесь) существует общественная собственность на средства производства»; «Янтарь (но не только он), будучи натерт*ым*, приобретает способность притягивать другие тел*а*».

Суждение «Отдельное есть общее», указывая на то, что данный отдельный предмет обладает данным общим свойством, указывает тем самым и на то, что этим свойством обладают и другие отдельные предметы. Поэтому единичное суждение данного типа неизбежно превращается в частное суждение: «Некоторые отдельные предметы обладают данным свойством»; «Некоторые *S* суть *P*»; «Некоторые европейские страны имеют общественную собственность на средства производства»; «Некоторые европейские страны имеют строй народной демократии»; «Некоторые вещества, будучи натертыми другими веществами, приобретают способность притягивать другие тела».

Частное суждение сначала выступает как неопределенное суждение, поскольку мы не знаем, принадлежит данное свойство другим предметам или нет. Мы подвергли исследованию лишь некоторые предметы данной группы, другие же предметы остались вне поля нашего зрения. При исследовании других предметов данной группы может обнаружиться, что им не принадлежит рассматриваемое свойство; в этом случае неопределенное частное суждение превращается в определенное частное суждение: «Только некоторые предметы обладают данным свойством»; «Из всех предметов данной группы только некоторые обладают данным свойством»; «Из всех *S* только некоторые *S* суть *P*»; «Из всех европейских стран только некоторые имеют общественную собственность на средства производства»; «Только некоторые европейские страны имеют строй народной демократии»; «Только некоторые вещества, будучи натертыми другими веществами, приобретают способность притягивать другие тела».

В дальнейшем, по мере обнаружения того, что данное свойство не принадлежит не только некоторым предметам данной группы, но и вообще другим предметам, т. е. и предметам других групп, определенное частное суждение превращается в выделяющее частное суждение: «Только некоторые предметы и только они обладают данным свойством»; «Только некоторые S и только они суть P»; «Только некоторые европейские страны и только они имеют строй народной демократии»; «Только некоторые вещества (янтарь, стекло, сера, горный хрусталь и т. д.) и только они, будучи натертыми другими веществами, приобретают способность притягивать некоторые тела».

Но дальнейшее развитие познания может пойти и в другом направлении. При исследовании других предметов данной группы может обнаружиться, что все они обладают данным свойством. Тогда неопределенное частное суждение разовьется в общее суждение: «Все предметы данной группы обладают данным свойством»; «Все S суть P»; «Все социалистические страны имеют общественную собственность на средства производства»; «Во всех социалистических странах действует принцип: «От каждого — по способности, каждому — по труду»; «Все социалистические страны имеют государство»; «Все вещества при определенных условиях проявляют магнитные свойства».

Общее суждение сначала выступает как неопределенное суждение, ибо мы не знаем, только данным предметам или и предметам других групп принадлежит данное свойство.

Дальнейшее движение познания может привести к выявлению того, что у предметов ряда исследуемых групп нет указанного свойства. В этом случае неопределенное общее суждение превращается в определенное общее: «Из всех исследованных групп предметов только данная группа обладает известным свойством»; «Из всех S только данное S суть P»; «Из всех современных стран только социалистические страны имеют социалистическую собственность на основные средства производства»; «Из всех современных стран только в социалистических странах действует принцип: «От каждого — по способности, каждому — по труду».

Если будет установлено, что то или иное свойство материальных образований у всех других групп отсут-

ствует, то определенное общее суждение развивается в выделяющее общее суждение: «Только данные предметы и только они обладают данным свойством»; «Только данные S и только они суть P»; «Только в социалистических странах и только в них действует принцип: «От каждого — по способности, каждому — по труду».

Но по мере развития познания может выявиться, что то или иное свойство, зафиксированное в неопределенном общем суждении, принадлежит предметам, относящимся к другим группам. В этом случае общее суждение превращается в более общее: «Все S (но не только они) суть P»; «Все социалистические страны (но не только они) имеют товарное производство»; «Все социалистические страны (но не только они) имеют государство».

Это более общее суждение в свою очередь будет развиваться, с одной стороны, по горизонтали, т. е. может превратиться в суждение определенное и затем выделяющее, с другой — по вертикали, превращаясь в еще более общее суждение, и так далее, пока не будут выявлены всеобщие свойства, т. е. свойства, присущие всем предметам исследуемой группы или вообще всем предметам.

Итак, на стадии движения познания от единичного к общему и всеобщему суждения развиваются от суждений единичных к суждениям частным и затем к общим. Вместе с этим каждая из указанных групп в свою очередь развивается из суждений неопределенных к суждениям определенным и затем к суждениям выделяющим, т. е. в результате познания, с одной стороны, происходит уточнение, выделение особенного, с другой — выявление общего и всеобщего.

Все рассмотренные виды суждений фиксируют лишь то, что непосредственно дается нашему наблюдению, что лежит на поверхности явлений, и поэтому познавательная ценность их невелика. Например, если мы посмотрим на все эти суждения с точки зрения истинности, то обнаружится, что общие суждения на этой стадии познания (в отличие от единичных и частных суждений, истинность которых несомненна, ибо они фиксируют то, что есть) являются проблематичными, ибо все предметы того или иного более или менее широкого класса наблюдать сразу невозможно. Поэтому вывод о том, что всем предметам того или иного класса присуще какое-

либо общее свойство, предположителен. Он основан на простой повторяемости, на том, что все наблюдаемые предметы данной группы обладают этим свойством.

Но познание не останавливается на данной стадии развития, на констатации общих свойств, оно стремится объяснить общие свойства предметов из их природы, стремится проникнуть внутрь вещей. Люди начинают строить гипотезы о причинах, обусловливающих появление тех или иных общих свойств. Предположение о причинах того или иного свойства выражается в суждении возможности: «Возможно, данное обстоятельство является причиной исследуемого явления»; «*S*, возможно, есть *P*»; «Способность проводить электричество, возможно, зависит от длины проводника»; «Химические свойства элементов, возможно, зависят от заряда ядра»; «Различие в ускорении свободно падающих тел, возможно, вызывается сопротивлением воздуха». В данных суждениях фиксируется предполагаемая связь следствия с его причиной.

При исследовании причинно-следственной связи обычно строится не одна гипотеза, не одно предположение, а несколько, поэтому суждение возможности заменяется суждением разделительным, первое развивается (превращается) во второе.

«*S* суть или *P*, или P_1»; «Способность проводить электричество зависит или от длины проводника, или от его состава»; «Химические свойства элементов зависят или от заряда ядра, или от атомного веса»; «Различие в скорости свободно падающих тел в данном участке земли зависит или от сопротивления воздуха, или от различного ускорения».

В ходе проверки истинности того или иного предположения из него выводят следствия, которые непременно должны быть, если предполагаемая причина является действительной причиной исследуемого свойства. Данное движение мысли оформляется или выражается в условном суждении: «Если *S* есть *P*, то *S* есть P_1»; «Если способность проводить электричество зависит от толщины проводника, то толстые проводники любого состава должны проводить электричество»; «Если химические свойства элементов зависят от заряда ядра, то с изменением заряда ядра изменяются свойства элемента».

Результаты проверки наличия в действительности предполагаемого следствия фиксируются в категориче-

ских суждениях, в которых в безусловной форме выражается то, что установлено: «*S* есть *P*»; «*S* не есть *P*»; «С изменением заряда ядра данного химического элемента, он изменился (превратился в другой химический элемент)»; «Толстый проводник из шелка не проводит электричества».

Категорическое суждение фиксирует то, что есть, поэтому оно, по сути дела, есть суждение действительности, в отличие от суждения возможности, с которым мы имеем дело в начальный момент исследования причинно-следственной связи.

На основе установленных результатов проверки делаются выводы о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между исследуемыми явлениями, которые выражаются тоже в форме категорических суждений: «*S* есть *P*» или «*S* не есть *P*»; «Способность проводить электричество зависит от состава вещества»; «Способность проводить электричество не зависит от толщины проводника»; «Химические свойства элемента зависят от заряда ядра»; «Химические свойства элемента не зависят от атомного веса».

Но в отличие от категорических суждений, фиксирующих результаты проверки, которые являются суждениями действительности, данные суждения являются суждениями необходимости, поскольку они фиксируют не просто то, что есть, а то, что неизбежно наступает при определенных условиях. «*S* необходимо есть *P*»; «Химические свойства элементов необходимо зависят от заряда ядра»; «Способность проводить электричество необходимо зависит от состава вещества».

Итак, в процессе движения познания от следствия к причине, от внешнего к внутреннему, необходимому осуществляется переход от суждений возможности через суждения разделительные, условные и категорические к суждениям действительности и необходимости. Суждения разделительные, условные и категорические выступают в виде звеньев, связывающих суждения возможности с суждениями действительности и необходимости.

От выявления отдельных необходимых связей познание в своем развитии направляется к сущности — к воспроизведению необходимой взаимосвязи внутренних сторон исследуемых материальных образований. На этой стадии движения познания появляются новые формы суждений.

Если посмотреть на все рассмотренные выше суждения, то нетрудно заметить, что одни из них фиксируют то, что лежит на поверхности, то, что есть, что возникло и существует во всей непосредственности как единство случайного и необходимого, другие фиксируют необходимые связи. В первых необходимое еще не выделено, не отделено от случайного, во вторых оно мыслится как таковое, без связи со случайным. Первые суждения, как мы видели, возникли на стадии движения познания от единичного к общему, вторые — на стадии перехода от следствия к причине, от внешнего к внутреннему, необходимому. Первую группу суждений Энгельс называет суждениями единичности, вторую — суждениями особенности.

Суждения единичности характерны тем, что в них фиксируется наличное бытие, бытие как факт. Они еще не выражают внутренних сторон предметов, явлений, не отражают, не воспроизводят внутренних необходимых связей. Например, «Трение порождает теплоту»; «Водород имеет заряд ядра, равный единице»; «Уран обладает радиоактивностью». Во всех этих суждениях фиксируется то, что есть, то, что обнаружено. Здесь не отражается внутреннее, необходимое, не объясняется природа фиксируемых явлений или свойств.

Но человек, как мы видели, не ограничивается фиксированием наличного бытия. Он стремится объяснить это бытие из его внутренних связей и отношений, т. е. стремится понять его как необходимое. Выражение знания необходимого осуществляется, как мы уже говорили, в суждениях необходимости, которые представляют собой суждения особенности, поскольку они фиксируют необходимую связь одной особой группы явлений с другой особой группой явлений при особых, строго определенных условиях. Например, «Всякое механическое движение посредством трения превращается в теплоту»; «Уран, претерпевая альфа-распад, превращается в торий»; «Радий, подвергаясь альфа-распаду, превращается в радон»; «Все химические элементы, заряд ядра которых становится равным двум единицам, приобретают химические свойства гелия».

Все приведенные суждения являются суждениями особенности, поскольку в них фиксируется необходимая связь одних особых явлений с другими особыми явлениями при строго определенных, особых условиях. В са-

мом деле, в первом суждении фиксируется то, что одна особая форма движения материи (механическое движение) превращается в другую особую форму движения (в теплоту) при строго определенных, особых условиях (при трении). Во втором суждении выражается необходимая связь, содержание которой сводится к тому, что один особый химический элемент (уран) превращается в другой особый химический элемент (торий) при строго определенных, особых условиях (при альфа-распаде) и т. д.

В результате развития познания, по мере накопления знаний отдельных общих необходимых сторон той или иной группы явлений люди, выделив одну, основную, решающую общую сторону, начинают шаг за шагом воспроизводить всю совокупность внутренних необходимых сторон исследуемых явлений, их сущность. На этой стадии познания у них формируются суждения всеобщности, например, «Любая форма движения материи при строго определенных для каждого случая условиях может превратиться и неизбежно превращается в любую другую форму движения материи»; «Каждый химический элемент при строго определенных условиях может и должен неизбежно превратиться в любой другой химический элемент». В данном суждении фиксируется уже не только наличное бытие, не только то, что есть, но то, что необходимо наступает, и не только отдельная необходимая связь, а система необходимых связей, которая охватывает все предметы данной группы и все их основные стороны. Данное суждение и по содержанию и по форме является высшим, дальнейшее развитие знаний группы явлений, охватываемой этим суждением, не может изменить его форму, ибо оно фиксирует связь каждого предмета данной группы с каждым другим предметом этой группы. В этом суждении каждому предмету данной группы по сути дела приписываются все свойства, принадлежащие данной группе предметов (и уже открытые, и еще не открытые), поскольку выражается знание о том, что каждый предмет может при определенных условиях стать любым другим и таким образом проявить свойства каждого из них. Появление в той или иной области науки данного вида суждений — прямое свидетельство того, что наука в этой области достигла знания сущности исследуемых предметов.

Несколько слов об изменении в процессе движения

познания от одной ступени к другой умозаключений и понятий.

На первой стадии движения познания возникает индуктивное умозаключение, в котором из нескольких посылок, фиксирующих отдельные единичные факты, делается вывод о принадлежности или непринадлежности того или иного свойства, связи или отношения всем предметам исследуемой группы. В индуктивных умозаключениях мысль идет от единичного к общему и всеобщему.

На стадии установления причинно-следственной связи и необходимости возникают дедуктивные умозаключения. В дедуктивном умозаключении мысль идет от общего к частному, от общего к общему, от единичного или частичного к общему. Дедуктивные умозаключения имеют очень много различных форм. На стадии обнаружения причинно-следственной связи и установления необходимости дедуктивные умозаключения выступают в форме разделительно-категорического и условно-категорического силлогизма. Когда мы, высказав ряд положений о предполагаемых причинах того или иного явления (следствия) и проверив каждое из них, делаем соответствующее умозаключение, мы выражаем свои мысли в разделительно-категорическом силлогизме. Например, у нас было два предположения о причине обладания способностью проводить электричество. В качестве такой причины мы назвали состав вещества, из которого сделан проводник, и толщину проводника. В ходе исследования мы установили, что одно положение верно, другое — нет. Все это мы оформляем или выражаем в следующем умозаключении: «Способность проводить электричество зависит или от толщины проводника, или от состава вещества, из которого сделан проводник. Способность проводить электричество не зависит от толщины проводника. Значит, она зависит от состава вещества, из которого сделан проводник».

При проверке же того или иного предположения о причине данного явления, когда мы делаем соответствующие выводы из предположения и проверяем, как обстоит все на самом деле, а затем решаем вопрос о том, является данная связь причинно-следственной или нет, мы выражаем свои мысли в условно-категорическом силлогизме. Например, при исследовании причины способности отдельных тел проводить электричество мы рассуждаем следующим образом. «Если способность

проводить электричество зависит от толщины проводника, то, изменяя толщину проводника одного и того же состава, мы можем добиться того, что он в одном случае будет проводить электричество, в другом — нет. С изменением толщины проводника, сделанного из меди, мы не добились того, чтобы он не стал проводить электричество. Значит, способность проводить электричество не зависит от толщины проводника». Далее. «Если способность проводить электричество зависит от состава вещества, из которого сделан проводник, то, изменяя состав проводника, мы добьемся того, что проводник из одного вещества будет проводить электричество, а из другого — нет. Проводник из меди проводит электричество, а из шелка — нет. Значит, способность проводника проводить электричество зависит от состава вещества, из которого сделан проводник».

Выводы из результатов проверки того или иного предположения, как мы уже отмечали, выражаются в суждениях необходимости. Но это означает, что они отражают такие стороны, свойства, которые присущи всем предметам и явлениям, входящим в объем подлежащего данного суждения. В связи с этим необходимые суждения можно использовать для распространения знания, входящего в их содержание, на каждый конкретный предмет, на каждый особенный случай, относящийся к объему подлежащего указанного суждения. Такое использование этих суждений имеет место на стадии воспроизведения связей одной стороны материального образования с другой, на стадии движения познания от выявления отдельных общих сторон исследуемых предметов к воспроизведению их сущности (совокупности необходимых внутренних сторон в их органической связи), на стадии использования тех или иных знаний в практической деятельности людей. Данное движение мысли выражается в категорическом силлогизме. Например, «Заряд ядра, равный единице, обусловливает такие химические свойства, которые в совокупности представляют водород. Данный химический элемент имеет заряд ядра, равный единице. Значит, он представляет из себя водород». Или: «Всякий товар имеет свою стоимость. Деньги тоже товар. Значит, деньги должны обладать стоимостью».

Итак, различные формы умозаключения не являются застывшими, раз и навсегда данными, существующими

одна рядом с другой и одна независимо от другой, а находятся в движении, развитии, необходимой органической связи, которая обусловлена развивающимся процессом познания, его переходами с одной ступени на другую.

Оперируя суждениями и умозаключениями, люди вырабатывают, формируют определенные представления и понятия, в которых они фиксируют познанное и которые являются своего рода узлами, узловыми пунктами сложного и противоречивого пути познания человеком окружающего мира. Отражая процесс движения и развития познания, формируясь в ходе этого процесса, понятия не стоят на месте, а изменяются, развиваются по мере изменения и развития их содержания.

На первой стадии познания, на стадии живого созерцания, возникают, формируются конкретные понятия, отражающие предмет или явление во всей совокупности его свойств, сторон. Но эта конкретность представляет собой еще чувственную конкретность, является беспорядочным, хаотическим представлением о целом, в связи с чем понятие здесь сливается с представлениями, выступает как чувственно-конкретное представление. Затем, когда познающий субъект, анализируя чувственно-конкретные данные, начинает выделять отдельные стороны, свойства исследуемых предметов, переходит от единичного к общему, появляются, формируются абстрактные понятия, отражающие лишь отдельные стороны предметов и явлений. Но по мере того как субъект познания шаг за шагом проникает в сущность исследуемых материальных образований, воспроизводит в сознании, переходя от одного звена к другому, всю систему внутренних необходимых связей и отношений, снова появляются конкретные понятия. Но это конкретное, в отличие от конкретного, появляющегося на начальной стадии познания, не является чувственно наглядным, хаотическим представлением о целом, а отражает внутреннюю природу материальных образований.

Таковы некоторые общие закономерности развития форм мышления в процессе движения познания от одной категории (ступени) к другой.

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы уже отмечали, проблема взаимосвязи категорий имеет прямое отношение к разработке структуры курса диалектического материализма. Изложение диалектического материализма в виде цельной, логически стройной теории, все принципы которой находились бы в необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, невозможно без решения проблемы взаимосвязи категорий. Такое изложение неизбежно предполагает построение системы, в которой каждое понятие занимает строго определенное место, отражающее объективное соотношение всеобщих сторон и связей действительности и закономерности развития общественного познания от низших его ступеней к высшим.

Как же будет выглядеть структура курса диалектического материализма в свете предлагаемого нами решения проблемы взаимосвязи категорий?

После определения предмета диалектического материализма следует рассмотреть основной вопрос философии, раскрыть закономерности взаимосвязи материи и сознания. Научное обоснование вторичности сознания предполагает анализ отражения как всеобщего свойства материи, развития его форм в связи с переходом материи от низшего к высшему, от одного структурного уровня к другому и процесса возникновения сознания. Показывая возникновение сознания, мы неизбежно обращаемся к труду, выявляем его определяющую роль в появлении социальной формы движения материи и развивающегося на ее основе сознания. Раскрывая сущность и социальную природу сознания, мы указываем на то, что оно представляет собой сопровождающееся пониманием того, что происходит с субъектом и в окружающем его мире, отражение действительности в виде идеальных образов, а вместе с этим переходим к проблеме познания, закономерностям его функционирования и развития. Так же как и при раскрытии сущности сознания, анализ познания мы начинаем с выявления определяю-

щей роли практики и, показывая, как оно, функционируя на основе практики, переходит от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике как критерию истины, даем характеристику диалектического пути его движения к истине.

После этого мы должны приступить к рассмотрению категорий диалектики. Анализ каждой категории здесь осуществляется в свете принципа тождества диалектики, логики и теории познания, показывается, какие всеобщие стороны и связи объективной действительности та или иная категория отражает, какую ступень развития познания она представляет и какие логические формы и методологические принципы и приемы познания связаны с отражаемыми ею всеобщими формами бытия и закономерностями развития познания. Этим самым мы раскроем ее онтологическую, гносеологическую и логическую функции и покажем ее мировоззренческое и методологическое значение.

Как это следует из предлагаемого нами решения проблемы соотношения категорий как ступеней развития общественного познания, рассмотрение категорий следует начинать с отдельного (вещи, предмета), с относительной самостоятельности отдельных предметов и их всеобщей взаимосвязи, от взаимосвязи переходить к взаимодействию и от него к движению и пространству и времени как атрибутам материи, ее всеобщим формам существования.

Следующими категориями должны быть «единичное», «особенное» и «общее», а затем «качество», «количество» и «мера». Здесь же должен рассматриваться и закон перехода количественных изменений в качественные.

За категориями количества и качества идут причинность («причина» и «следствие»), «необходимое» и «случайное», «закон», «содержание» и «форма», «сущность» и «явление», а в рамках сущности — «основа» и «обоснованное», «противоречие», закон единства и «борьбы» противоположностей, «диалектическое отрицание» и «закон отрицания отрицания». Раскрывая закономерности движения познания от явления к сущности и обратно, мы должны остановиться на «эксперименте», «гипотезе», «моделировании», показать их место и роль в развитии познания, а затем рассмотреть «анализ» и «синтез» и их применение в процессе перехода познания с одной ступени на другую, а также метод восхождения

от абстрактного к конкретному и логическое и историческое как категории и методы познания действительности.

Заключительными категориями являются «возможность» и «действительность» и «необходимость» и «свобода». Предполагая обстоятельный анализ практической деятельности, ее роли в преобразовании действительности и обеспечения реальной свободы людей, указанные категории органически связывают диалектический материализм с историческим материализмом, придавая необходимую цельность диалектико-материалистическому мировоззрению.

В даной схеме отсутствует деление на теорию и метод, поскольку каждое положение диалектического материализма является элементом теории, необходимым моментом мировоззрения и в то же время имеет методологическое значение. На его основе можно сформулировать определенное требование к познающему и действующему субъекту, соответствующий принцип метода познания и действия.

Предлагаемая схема не предусматривает также выделение особых разделов для категорий и законов диалектики. Содержание каждого закона диалектики выражено в содержании соответствующих категорий и их соотношении, поэтому его (закон) следует рассматривать в связи с анализом тех категорий, с которыми он связан.

Наконец, в данном курсе диалектического материализма нет особой главы по диалектике процесса познания. Она раскрывается при рассмотрении всех диалектических закономерностей, каждой категории и закона материалистической диалектики.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Проблема взаимосвязи категорий диалектического материализма 3

1. О значении исследования проблемы взаимосвязи категорий **3**
2. Попытки решения проблемы взаимосвязи категорий диалектического материализма в марксистской литературе 13

II. Об исходном начале и принципах построения системы категорий 50

1. Принципы построения системы категорий в «Капитале» Маркса 50
2. Об исходном начале исследования взаимосвязи категорий в «Капитале» 58
3. Об исходном начале построения системы категорий диалектического материализма 65
4. О принципах построения системы категорий диалектического материализма 71
   а) категории как ступени развития познания 71
   б) принцип тождества диалектики, логики и теории познания 78

III. Материя и сознание 94

1. Материя 94
2. Сознание 109

IV. Всеобщие формы бытия и ступени развития познания 153

1. Отношение 153
2. Движение и покой 159
3. Единичное, особенное и общее 165
4. Качество и количество 171
5. Причина и следствие 179
6. Необходимое и случайное 184
7. Содержание и форма 190
8. Сущность и явление 197
9. Основа и обоснованное 201

Стр.
10. Противоречие 203
11. Диалектическое отрицание. Отрицание отрицания 203
12. Возможность и действительность 214
V. Движение познания от одной категории к другой в свете развития научного знания 223
VI. Соотношение категорий с точки зрения истории философии 233
VII. Развитие форм мышления в процессе движения познания от одной категории к другой 248
VIII. Заключение 275

Александр Петрович Шептулин
КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

Редактор И. И. Головин, художник А. Т. Яковлев, худож. редактор С. Г. Абелин, технический редактор Р. С. Родичева, корректор М. М. Сапожникова

А-11028. Сдано в набор 13/VII 1970 г.
Подп. к печати 4/XII 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂
Объем 8,75 печ. л. 14,7 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 15,17. Изд. № ФПН—49
Тираж 22 000 экз. Зак. 713. Цена 72 коп.

План выпуска литературы изд-ва «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1970 г. Позиция № 287—289

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Владимирская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Гор. Владимир, ул. Победы, д. 18-б

72-КОП.

БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНГРАДА